

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2022 • Т. 13 № 1-2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 – 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина
МГИМО (Россия, Москва)

ШЕФ-РЕДАКТОР

Максим Александрович Сучков
МГИМО (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Александр Сергеевич Пешеньков
МГИМО (Россия, Москва)

Председатель

Андрей Анатольевич Байков
МГИМО (Россия, Москва)

Татьяна Александровна Алексеева
МГИМО (Россия, Москва)

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий
Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Алексей Демосфенович Богатуров
Россия, Москва

Айше Дитрих
Ближневосточный технический университет
(Турция, Анкара)

Александр Жебит
Федеральный университет (Бразилия, Рио-де-Жанейро)

Виктория Ивановна Журавлева
РГГУ (Россия, Москва)

Клаус Зегберс
Свободный университет Берлина (Германия, Берлин)

Чарльз Зиглер
Университет Луисвилла (США, Луисвилл)

Ольга Владимировна Зиневич
НГТУ (Россия, Новосибирск)

Акихиро Ивасита
Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро)

Михаил Васильевич Ильин
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Гэй Кристофферсен
Университет Джона Хопкинса, Нанкинский Центр (США-Китай)

Айгуль Кулназарова
Университет Тама (Япония, Токио)

Виктор Лаврентьевич Ларин
Институт истории археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток)

Валерий Георгиевич Ледаев
НИУ ВШЭ (Россия, Москва)

Марина Михайловна Лебедева
МГИМО (Россия, Москва)

Чинтамани Махалатра
Университет имени Джавахарлала Неру (Индия)

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Максим Владимирович Харкевич
Екатерина Викторовна Кубышкина
Софья Константиновна Бакина
Дарья Павловна Жабина
Ульяна Вячеславовна Якутова
Анастасия Арсентьевна Сигова

Виктор Павлович Макаренко
ЮФУ (Россия, Ростов-на-Дону)

Василий Васильевич Михеев
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Ефим Иосифович Пивовар
РГГУ (Россия, Москва)

Евгений Васильевич Попов
МГИМО (Россия, Москва)

Ли Син
Пекинский педагогический университет
(Китай, Пекин)

Леонид Владимирович Сморгун
СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)

Марина Вадимовна Стречнева
ИМЭМО РАН (Россия, Москва)

Дмитрий Викторович Стрельцов
МГИМО (Россия, Москва)

Иван Николаевич Тимофеев
РСМД (Россия, Москва)

Анн де Тинги
Сьянь По (Франция, Париж)

Алишер Файзуллоев
Университет мировой экономики и дипломатии Узбекистана
(Узбекистан, Ташкент)

Ши Чиюй
Тайваньский Национальный университет,
Университет Сунь Ятсена
(Китай, Тайвань, Тайбэй)

Чжао Хуацзэн
Фуданьский университет (Китай, Шанхай)

Татьяна Алексеевна Шаكلةина
МГИМО (Россия, Москва)

Людмила Ивановна Шерстова
ТГУ (Россия, Томск)

Джин Уилсон
Уитон Колледж; Гарвардский университет (США)

У Юйшань
Академия Синика (Китай, Тайвань, Тайбэй)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Дмитрий Евгеньевич Волков

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 46

УЧРЕДИТЕЛИ

Издательская группа «Юрист»
МГИМО МИД России

Журнал издается при поддержке Про-
граммы стратегического академического
лидерства «Приоритет-2030»

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в международные
и российские библиографические базы
данных, в том числе ESCI Web of Science
Core Collection, Google Scholar, BAK, RINCC
и другие.

Зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77 – 81006
от 30 апреля 2021 г. и ЭЛ № ФС 77 – 63932
от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

web-page: sravpol.ru

ISSN (print) 2221-3279

ISSN (online) 2412-4990

Отпечатано в отделе оперативной
полиграфии и множительной
техники МГИМО МИД России.
119454, Москва,
проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объем 18,87 усл. п.л.
Заказ № 1071.

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакции,
учредителей в лице МГИМО МИД России и издательской группы «Юрист», а также организаций, аффилированных
с авторами.

© Журнал «Сравнительная политика», 2022
© О.В. Гаман-Голутвина, 2022
© Издательская группа «Юрист», 2022

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА COMPARATIVE POLITICS RUSSIA

2022 • Volume 13 № 1-2

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 81006 от 30 апреля 2021 г.
и ЭЛ № ФС 77 - 63932 от 9 декабря 2015 г. (онлайн)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Dr Oksana V. Gaman-Goluvina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Dr Maxim A. Suchkov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

Alexander S. Peshenkov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chairman

Dr Andrey A. Baykov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Tatiana A. Alekseeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Viacheslav Ya. Belokrenitsky
Institute for Oriental Studies, RAS (Russia, Moscow)

Dr Alexei D. Bogaturov
Russia, Moscow

Ayşe Dietrich
Middle East Technical University (Turkey, Ankara)

Alisher Faizullaev
University of World Economics and Diplomacy of
Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

Gaye Christoffersen
Johns Hopkins University, Nanjing Center
(USA-China, Nanjing)

Zhao Huasheng
Fudan University (PRC, Shanghai)

Dr Mikhail V. Ilyin
Higher School of Economics (Russia, Moscow)

Akihiro Iwashita
University of Hokkaido (Japan, Sapporo)

Dr Aigul Kulnazarova
Tama University (Japan)

Dr Viktor L. Larin
RAS (Russia, Moscow)

Dr Marina M. Lebedeva
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chintamani Mahapatra
Jawaharlal Nehru University (India)

Dr Victor P. Makarenko
Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

Dr Vasily V. Mikheev
Institute of World Economy and International Relations
RAS (Russia, Moscow)

Dr Efim I. Pivovarov
Russian State University for the Humanities (Russia,
Moscow)

Dr Evgeny V. Popov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

ASSOCIATE EDITORS

Dr Maxim V. Kharkevich
Ekaterina V. Kubyshkina
Sofia K. Babkina
Daria P. Zhabina
Uliana V. Yakutova
Anastasia A. Sigova

Klaus Segbers
Free University of Berlin (Germany, Berlin)

Dr Tatiana A. Shakleina
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Chih-yu Shih
National Taiwan and National Sun Yat-sen
University (China, Taiwan, Taipei City)

Dr Lyudmila I. Sherstova
Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Dr Leonid V. Smorgunov
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Dr Marina V. Strezheva
Institute of World Economy and International
Relations RAS (Russia, Moscow)

Dr Dmitry V. Streltsov
MGIMO-University (Russia, Moscow)

Dr Ivan N. Timofeev
Russian International Affairs Council
(Russia, Moscow)

Anne de Tinguy
Sciences Po (France, Paris)

Jeanne L. Wilson
Wheaton College; Harvard University (USA)

Yu-Shan Wu
Institute of Political Science, Academia Sinica
(China, Taiwan, Taipei City)

Li Xing
Beijing Normal University (PRC, Beijing)

Alexander Zhebit
Federal University of Rio de Janeiro
(Brazil, Rio de Janeiro)

Dr Viktoria I. Zhuravleva
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Charles E. Ziegler
University of Louisville (USA)

Dr Olga V. Zinevich
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)

COMPUTER LAYOUT

Dmitry E. Volkov

Журнал основан в 2009 г.
С начала издания – № 46

PUBLISHERS
Publishing Group "Yurist"
MGIMO-University

The journal is published with the support
of the "Priority 2030" Strategic Academic
Leadership Program

INDEXING

The journal is included in international and
Russian bibliographic databases, including
ESCI Web of Science Core Collection, Google
Scholar, Higher Attestation Commission, RSCI
and others.

web-page: sravpol.ru
ISSN (print) 2221-3279
ISSN (online) 2612-4990

Printed at the Department
of Operational Polygraphy and
Multiplication Technology,
MGIMO University,
76 Prospekt Vernadskogo,
Moscow, Russia, 119454.
Circulation 2000 copies.
Order No. 1071.

The opinions expressed in *Comparative Politics Journal* are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, MGIMO University, Publishing Group "Yurist", or the organizations to which the authors are affiliated.

© Comparative Politics, 2022
© O.V. Gaman-Goluvina, 2022
© Publishing Group "Yurist", 2022

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

СЛОЖНЫЙ МИР ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИСТИН В ОТРАЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

СЛОВО РЕДАКТОРА

О.В. Гаман-Голутвина

МОЗАИЧНОЕ ПОЛЕ МИРОВОЙ И РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Правовые основы санкционной
политики Великобритании

Г.П. Толстопятенко, А.А. Малиновский, С.С. Агеев
(МГИМО МИД России)

Сравнительное исследование
территориальных этнических автономий

М.Х. Фарухшин, А.Р. Зарипова (КФУ)

Особенности лоббирования крупных корпораций
в политической динамике глобального мегаполиса
(на примере московской программы реновации)

А.А. Дегтярёв (РУДН им. П.Лумумбы),
А.С. Потапкин (МГИМО МИД России)

Разведка и разработка нефтегазовых ресурсов
в Каспийском море: проблемы правового
регулирувания

Н.Ю. Молчаков, О.В. Гликман
(МГИМО МИД России)

ВОПРОСЫ СТРАНОВЕДЕНИЯ В КОМПАРАТИВИСТСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Динамика мер протекционизма
и свободной торговли в конкурентном
противостоянии США и КНР

Т.В. Колесникова (Санкт-Петербургский
государственный университет аэрокосмического
приборостроения)

И.М. Степнов (Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации)

Торговая война США и Китая:
экономические и правовые эффекты

Е.Я. Арапова (МГИМО МИД России)

Статус Тайваня и эволюция тайваньской
идентичности

И.Е. Денисов (МГИМО МИД России)
А.С. Каимова (ИСАА МГУ)

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

Управление взаимозависимостью
в отношениях ЕС и КНР: экономический аспект

Ю.Ю. Мельникова (РСМД)

CONTENTS

THE COMPLEX WORLD OF RELATIVE TRUTHS AS REFLECTED IN POLITICAL COMPARATIVISM

EDITORIAL NOTE

Dr Oksana V. Gaman-Golutvina

MOSAIC FIELD OF WORLD AND RUSSIAN POLITICS

Legal Basis for UK Sanctions Policy

Dr Gennady P. Tolstopiatenko,
Dr Aleksey Al. Malinovsky, Dr Stanislav S. Ageev
(MGIMO University)

Comparative Study of Territorial Ethnic Autonomies

Dr Midkhat Kh. Farukshin, Dr Aigul R. Zaripova
(Kazan Federal University)

Specific Features of Big Corporations Lobbying
in the Political Dynamics of Global Megapolis
(Case of the Housing Renovation Program in
Moscow). Part 1

Dr Andrei A. Degtyarev (RUDN University)
Artem S. Potapkin (MGIMO University)

Exploitation And Use of Oil and Gas Resources
in the Caspian Sea: Legal Aspects

Dr Nikita Yu. Molchakov, Dr Olga V. Glikman
(MGIMO University)

COUNTRY STUDIES IN THE COMPARATIVIST DIMENSION: CHINA IN WORLD POLITICS

Dynamics of Protectionism And Free Trade
Measures in the Competitive Confrontation
between the United States And China

Dr Tatiana V. Kolesnikova (Saint Petersburg State
University of Aerospace Instrumentation)

Dr Igor M. Stepnov (Financial University under the
Government of the Russian Federation /Market
Economy Institute Russian Academy of Sciences)

US – China Trade War:
Economic And Legal Aftermaths

Dr Ekaterina Ya. Arapova (MGIMO University)

Status of Taiwan And the Evolution of Taiwanese
Identity

Igor E. Denisov (MGIMO University)
Dr Anna S. Kaimova (Lomonosov Moscow State
University)

SCIENTIFIC DEBUT

Managing Interdependence in the EU –
China Relations: Economic Aspects

Julia Ju. Melnikova (Russian International
Affairs Council)

Sino-Russian "Energy Marriage":
Evidence of Cooperation from the Belt
and Road Initiative
Shide Feng (Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences)
Jiawei Wang (Lomonosov Moscow State University,
Moscow School of Economics)
Fengchen Wang (HSE University)

СТРАНИЦЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Системообразующий кризис:
политические последствия событий
на площади Тяньаньмэнь в 1989 году
И.Ю. Зуенко (МГИМО МИД России)

Кан Ювэй и Италия начала XX в.
осмысление политики Запада носителем
традиционного конфуцианского сознания
Д.Е. Мартынов (КФУ)

ИНТЕРВЬЮ

с *Яной Лексютиной* (СПбГУ)

КНИЖНАЯ РЕЦЕНЗИЯ

(на книгу Дж. Манкоффа «Империи Евразии»)
Империи Евразии и западоцентричный мировой
порядок: как прошлое определяет будущее
международной системы
В.М. Жорнист (МГИМО МИД России)

158

Sino-Russian "Energy Marriage":
Evidence of Cooperation from the Belt
and Road Initiative
Shide Feng (Institute of China and Contemporary
Asia, Russian Academy of Sciences)
Jiawei Wang (Lomonosov Moscow State University,
Moscow School of Economics)
Fengchen Wang (HSE University)

POLITICAL HISTORY PAGES

171

A Systemic Crisis: Political Consequences
of the 1989 Tiananmen Square Events
Dr Ivan Yu. Zuenko (MGIMO University)

186

Kang Youwei And Italy in the Beginning of the 20th
Century: Comprehension of the Politics of the West
by the Traditional Confucian Thinker
Dr Dmitry E. Martynov (Kazan Federal University)

INTERVIEW

199

with *Dr Yana V. Leksyutina*
(Saint-Petersburg State University)

BOOK REVIEW

207

Empires of Eurasia And West-Centric World Order:
How the Past Shapes the Future of the
International System
Vera M. Zhornist (MGIMO University)

СЛОЖНЫЙ МИР ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИСТИН В ОТРАЖЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Уважаемые коллеги и друзья «Сравнительной политики»!

Рада сообщить, что журнал возобновляет издание, теперь – с новой редакционной командой. С должной благодарностью относимся к деятельности прежней редакции во главе с основателем «Сравнительной политики» – известным политологом и регионоведом, тонким знатоком китайской культуры и истории, доктором политических наук, профессором А.Д. Воскресенским. Благодаря усилиям коллег журнал обрел высокую академическую репутацию, стал авторитетным изданием, вышел на достойный профессиональный уровень, что подтверждается его включением в международные и российские библиографические базы данных, в том числе *ESCI Web of Science Core Collection*, *Google Scholar*, ВАК, РИНЦ и другие. Этот путь был непростым, о чем могу судить как заместитель главного редактора «Сравнительной политики» с момента его первого выпуска в 2010 году и до 2018 года. Российская ассоциация политической науки, которую мне с 2010 года доверено возглавлять, в 2016–2020 гг. вошла в число соучредителей журнала и по мере возможности стремилась содействовать его выпуску.

Новацией является изменение состава соучредителей – с 2022 года в их число входит МГИМО МИД России. Столь авторитетное участие и активная благожелательная поддержка станут дополнительным и весомым фактором обеспечения качества публикаций, позволят развивать лучшие традиции глубокого, объективного и беспристрастного анализа полиаспектных процессов на глобальном, национальном и региональном уровнях политики.

Принципы обновленной публикационной политики, преемственной по отношению к предшествующей, включают научность (редкие исключения могут быть сделаны для ярких публицистических работ по профильным темам), которая в данном случае трактуется как следование гносеологическим принципам *объективности, фундаментальности и рациональности, соответствия критериям истинности и достоверности знания*. В свою очередь, само *знание, его структура, функционирование и развитие* также выступают объектом изучения. Первостепенным полагаем выявление *причинно-следственных связей, механизмов, источников движения*, исходя из гегелевского суждения о том, что *закон есть существенное в дви-*

жении универсума. Ключевым требованием к текстам выступает новизна, понимаемая как *качественное приращение нового знания, оригинальность замысла и текста*. Исходим из желательности *многообразия эвристических стратегий и методологий*. Считаем желательным богатство исследовательской оптики, включающей *теоретические и эмпирические ракурсы* при непременности концептуального осмысления эмпирических данных. Это определяет отсутствие методологических и методных предубеждений редакции и ее приверженность *равноправию использования качественных и количественных методов* – ключевым критерием релевантности инструментов является их адекватность поставленным содержательным задачам. Приветствуются междисциплинарные штудии. Безусловно привержены гносеологическому оптимизму.

Страницы «Сравнительной политики» открыты и для отечественных, и для зарубежных ученых, что органично аксиоме об отсутствии границ в научном поиске. Надеемся, что журнал станет ареной развития международной и межрегиональной коллаборации. Приветствуются статьи коллег из региональных университетов. Намерены соблюдать принятые в рамках международных баз данных ограничения доли авторов, аффилированных с организациями-учредителями. Языками публикаций станут русский и английский. Адресованное авторам детальное изложение требований к текстам размещено на нашем сайте.

Обновленная редакционная команда стремится представить многообразие дискурсов, призванных отразить богатство измерений политики и охватить широкий спектр социальных процессов. Это собственно политика – как внутренняя, так и мировая; международные отношения и международная политическая экономия; сравнительное правоведение и политическая журналистика; страноведение и регионоведение; политическая история и политическая философия, а также многое другое, что входит в сферу широко трактуемой политики – в соответствии с многозначностью этого концепта. Последний определяет и целереализующий курс, и конкурентное взаимодействие по поводу обретения и удержания политической власти, и отраслевые специфики, и управленческие императивы, и проекции новейших технологий в сферу политики. Это задает многообразие представленных на страницах «Сравнительной политики» научных направлений с соответствующими предметными полями, субдисциплинами, методологическими стратегиями и методами. Однако столь обширное многообразие не равнозначно эклектике – общим знаменателем подходов выступает компаративная оптика рассмотрения, трактуемая в широком смысловом и предметном контексте.

Приоритетными полагаем *политико-компаративные и политико-теоретические ракурсы и актуальные сюжеты международных отношений* в многообразии их сравнительных аспектов. Г.В.Ф. Гегель некогда написал,

что сущность лучше всего познается при пересечении ее пределов. Иначе говоря, все познается в сравнении. Сравнительная политология едина во многих измерениях. Это одно из наиболее развитых направлений мировой и отечественной политической науки. Будучи обширной предметной областью, она одновременно выступает и методом для иных научных дисциплин и субдисциплин. Кроме того, это еще и эффективная технология профилактики «местечковости» академических и аналитических штудий, способ избегания узких тем и малозначимых вопросов.

Видим свою задачу в том, чтобы представить по возможности объемную и широкоформатную картину политического мира, релевантную объекту осмысления – бесконечно сложному миру относительных истин, чему способствует разнообразие тематических разделов.

Рубрика *«Страницы политической истории»* обоснована целесообразностью осмысления и переосмысления настоящего через призму прошедших эпох. Блок *«Интервью»* позволит пригласить к обсуждению актуальных вопросов международной и внутриполитической жизни авторитетных отечественных и зарубежных ученых, общественных деятелей, политиков, управленцев. Резонность включения раздела *«Новации образовательного процесса»* не нуждается в развернутой аргументации: аффилиация с вузом говорит сама за себя. Рубрика *«Рецензия»* призвана знакомить аудиторию с новыми публикациями профессиональной направленности; раздел *«Научный дебют»* откроет возможности публикации для молодых исследователей – преподавателей, аспирантов, в отдельных случаях даже студентов. Значимые события *научной жизни* отразит одноименная рубрика.

Предполагаем, что периодический выпуск тематических (полностью или частично) номеров позволит фокусировать внимание аудитории на стержневых темах мировой и внутренней повестки. Таким стал и первый выпуск обновленной *«Сравнительной политики»*, посвященный разнообразным аспектам развития Китайской Народной Республики, что органично тренду поворота России на Глобальный Юг и Восток и расширению ее сотрудничества с Китаем.

Представление номера логично начать с освещения в данном выпуске страниц политической истории Китая. Рассмотрение Д.Е. Мартыновым (Казанский федеральный университет) трактатов выдающегося китайского реформатора Кан Ювэя (1858–1927), посвященных осмыслению западной социальной и политической реальности с позиции приверженца неоконфуцианской философии, показало: политическая реальность стран Запада воспринималась в Китае как компендиум положительных и отрицательных прецедентов для использования правителем во имя общего блага и гармонизации общества. Западные политические институты

воспринимались в качестве продукта специфически европейского цивилизационного развития от времени древних Эллады и Рима, что проблематизировало их применимость в ино-цивилизационном Китае.

Востоковед И.Ю. Зуенко (ИМИ МГИМО МИД России) с опорой на исторические документы стремится объяснить, каким именно образом произошло укрепление власти Коммунистической партии Китая после подавления тяньаньмэньских волнений 1989 года. Представляют интерес также размышления о причинах того, почему знаковые события на площади Тяньаньмэнь 1989 г. стали «системообразующим кризисом» и открыли новую веху в истории Китая, отмеченную благоприятными возможностями для социально-экономического развития.

Обращаясь к изучению экономической динамики Китая, Т.В. Колесникова из Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения в соавторстве с И.М. Степновым из Финансового университета при Правительстве РФ подвергают анализу динамику мер протекционизма и свободной торговли в конкурентном противостоянии США и КНР. Анализ показывает, что протекционизм и фритредерство в экономической политике США и Китая отнюдь не исключают друг друга и варьируются с целью обеспечения международной конкурентоспособности национальных экономик. Посредством сопоставления официального законодательства и нормотворчества выявлена тенденция к усилению протекционизма в экономической политике государств после финансового кризиса 2008 года. В условиях ужесточения экономического противостояния США и Китай предпринимают энергичные меры для поддержки национальных экономик в целях защиты важных для развития государств отраслей.

В развитие анализа торговой войны Китая и США и ее влияния на глобальную торговлю Е.Я. Арапова из МГИМО МИД России выявляет ключевых бенефициаров этого противоборства, дает оценку ситуации на отдельных рынках и определяет глобальные правовые эффекты, ранее остававшиеся за кадром экспертного внимания. Вследствие распространения противоречащих принципам глобальной торговой системы санкций и ограничений, решение санкционных и торговых споров смещается с глобального уровня на уровень американской правовой системы. В результате международное законодательство *de facto* вытесняется национальным – американским. Характерно, что этот процесс происходит не только «сверху», но и эволюционно стимулируется «снизу», так как сами истцы осознают существенно более высокую эффективность решения споров в американских судах.

И.Е. Денисов (МГИМО МИД России) и А.С. Каимова (ИСАА МГУ) затрагивают болезненную для Китая тему статуса Тайваня и тайваньской идентичности в контексте растущего геополитического противостояния КНР

и США. Проблема Тайваня обостряется не только из-за все более активной поддержки «сепаратистских сил» на острове со стороны США, но и в силу самой логики великодержавной конкуренции. Тайвань стремится использовать сложившуюся глобальную неопределенность для укрепления своего статуса и демонстрации субъектности. В долгосрочной перспективе это осложняет поиск мирного решения тайваньского вопроса, что следует принимать во внимание при прогнозировании дальнейшей динамики развития ситуации в Тайваньском проливе.

Китайские коллеги Фэн Шидэ (Институт Китая и современной Азии РАН), Ван Цзявэй (МГУ им. М.В. Ломоносова) и Ван Фэнчэнь (НИУ ВШЭ) обращаются к изучению российско-китайского энергетического сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Посредством использования комбинации количественных и качественных методов анализа авторы приходят к выводу о том, что ключевым фактором укрепления этого сотрудничества выступает симбиотическая экономическая взаимодополняемость сторон и зависимость активного экономического роста Китая от стабильного и надежного энергоснабжения.

В рамках раздела «Интервью» шеф-редактор «Сравнительной политики», директор Института международных исследований МГИМО М.А. Сучков беседует с профессором Санкт-Петербургского государственного университета Я.В. Лексютиной. Обсуждение касается широкого спектра характеристик современного Китая, суммируемых в совокупности смыслов, мотивов, технологий и инструментов движения страны к «китайскому миру» – *Pax Sinica*. В восприятии китайцев это означает не просто восстановление правильного хода исторического процесса, хотя это само по себе важно, поскольку, как полагают китайцы, «китайский мир» существовал на протяжении многих столетий и был прерван в результате череды агрессий иностранных держав лишь в середине XIX столетия. *Pax Sinica* означает также формирование внешнего окружения, благоприятствующего дальнейшему поступательному развитию Китая.

Ю.Ю. Мельникова из Российского совета по международным делам в рубрике «Научный дебют» рассматривает управление взаимозависимостью в отношениях ЕС и КНР. Автор выдвигает гипотезу о том, что политика в отношении Китая является принципиальным кейсом для понимания того, как Европейский союз может укрепить свое положение в формирующемся многополярном мире за счет взаимодействия с различными центрами силы. Ключевым для поддержания безопасности ЕС фактором является возможность сохранения инициативы и управления существующей взаимозависимостью. Поэтому Евросоюз логично сосредоточивается на укреплении внутреннего защитного законодательства для управления взаимозависимостью во избежание потери экономических преимуществ от сотрудничества с КНР.

Аспирантка МГИМО В.М. Жорнист предлагает рецензию на книгу американского исследователя Дж. Манкоффа «Империи Евразии», посвященную изучению политики Китая, Турции, Ирана и России через призму их имперского прошлого. Дж. Манкофф обсуждает возможности преемственности имперской политики на фоне ослабления привлекательности институтов постбиполярного западоцентричного мирового порядка и возможной связи внешней политики государств с их имперской идентичностью в постимперский период.

Принципиально отметить: формат тематического номера не означает, что доминантная тема исчерпывает весь объем выпуска. И это, на взгляд редакции, весьма благоприятствует гибкости публикационной политики – актуальные текущие тренды настолько многоплановы и разнообразны, что одна тема – пусть и «горячая» – не исчерпывает повестку.

В представляемый выпуск также включены статьи, посвященные выходящим за пределы китайской тематики сюжетам. Известные юристы МГИМО Г.П. Толстопятенко, А.А. Малиновский, С.С. Агеев подвергают анализу правовые принципы санкционной политики Великобритании. В рамках концепции *Realpolitik* понятие санкционной политики исследуется не в качестве академической конструкции, а как реальный политико-правовой инструмент решения внешнеполитических задач страны. Достоинством авторского замысла является ознакомление читателя с контекстом – с кратким историко-правовым обзором эволюции санкционного законодательства страны, начиная с Королевского указа 1621 г. и заканчивая санкционным законодательством ЕС, в который Великобритания входила до *Brexit*. Рассмотрение конкретного случая в широком историческом контексте органично кросс-темпоральному типу компаративных изысканий.

Еще одна выполненная в формате сравнительного правоведения статья юристов МГИМО Н.Ю. Молчакова и О.В. Гликман также посвящена рассмотрению конкретного вопроса – разбору правовых норм, регулирующих разведку и разработку нефтегазовых ресурсов в Каспийском море. Посредством сопоставления содержания соответствующих двусторонних и многосторонних международных договоров РФ авторы выявляют тенденции развития отечественного законодательства, отмечают законодательные новации и идентифицируют проблемы в данной сфере.

Статья патриарха отечественной этнополитологии М.Х. Фарушкина и его соавтора А.Р. Зариповой (Казанский федеральный университет) выполнена в соответствии с классическими канонами политической компаративистики: представлены подходы и методика сравнительного исследования территориальных этнических автономий, входящих в состав как федеративных, так и унитарных государств. Убедительно продемон-

стрирована двойственность роли, которую могут сыграть эти автономии; выявлены общие черты и специфика автономий, заданная формой государственного устройства; выявлено влияние этнического фактора на институты автономии и государства в целом. Достоинством работы является внимание не только к содержательным, но также к методическим аспектам сравнительного анализа этнических автономий, включая определение основных параметров изучения распределения власти между автономией и государством; выделение характеризующих эти параметры индикаторов; детализацию обработки данных по каждой группе индикаторов с помощью количественных и качественных методов.

Технологии прикладного политического анализа в данном выпуске представлены статьей А.А. Дегтярева (РУДН) и А.С. Потапкина (МГИМО МИД России). Предметом изучения выступают параметры лоббистской активности одной из крупнейших отечественных строительных компаний в контексте политико-управленческой динамики глобального мегаполиса Москвы. Авторы вводят в оборот концепцию «конверсии», маркируя ею циклический процесс инкорпорации интересов крупных бизнес-компаний в публичную повестку глобального мегаполиса. Представляет интерес аналитическое разграничение категорий «лоббирования» как микрополитической активности негосударственных стейкхолдеров и «лоббизма» как отраслевой макросистемы функционального представительства интересов.

В завершение вступительного слова хотела бы выразить надежду, что выпуск привлечет интерес профессиональной аудитории. Редакция «Сравнительной политики» приглашает к публикации и открыта к дискуссии. Надеемся на плодотворное сотрудничество с заинтересованными авторами во имя развития объективного научного знания в качестве безусловного элемента общезначимого блага.

Конечно, журнал – итог коллективного интеллектуального творчества и усилий. Пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить искреннюю признательность всей команде, осуществившей подготовку данного номера.

О. В. Гаман-Голутвина,
Заведующая кафедрой
сравнительной политологии МГИМО МИД России,
президент Российской ассоциации политической науки,
член-корреспондент РАН

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Геннадий ТОЛСТОПЯТЕНКО, Алексей МАЛИНОВСКИЙ, Станислав АГЕЕВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируется становление и развитие правовых основ санкционной политики Великобритании. Исходя из принципов *Realpolitik*, концепт «санкционная политика» исследуется не как академическая конструкция, а как реальный политико-правовой инструмент осуществления внешних функций английского государства. Авторы предлагают краткий историко-правовой обзор эволюции санкционного законодательства, начиная с Королевского указа 1621 г., Закона о навигации (1651), Закона о гербовом сборе (1765), Законов Тауншенда (1767) и заканчивая санкционным законодательством ЕС, куда Великобритания входила до Брексита. Основное внимание уделяется подробному анализу Закона «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г., а также подзаконных актов, среди которых Регламенты о санкциях за химическое оружие (2019) и Регламенты о санкциях за нарушение прав человека (2020).

Поскольку правовая система Великобритании относится к системе прецедентного права, авторы предприняли попытку анализа важнейших судебных решений в данной сфере: дело *HM Treasury v Ahmed* (2010) и дело Вексельберга, более известное как дело *Lamesa Investments Limited v Cynergy Bank Limited* (2019).

В заключении делается вывод о том, что санкционная политика Великобритании направлена преимущественно на достижение ее геополитических целей.

Ключевые слова: санкционная политика; ограничительные меры; законы о санкциях; санкционные регламенты; Великобритания

Толстопятенко Геннадий Петрович — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-6513-1832. E-mail: decanatmp@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Малиновский Алексей Александрович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-2376-0956. E-mail: dr.malinovsky@yandex.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Агеев Станислав Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-9593-7645. E-mail: s.ageev@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Будучи исторически одной из ключевых мировых держав, в настоящее время Великобритания стремится сохранить статус значимого геополитического игрока. Важным инструментом в борьбе за мировое лидерство выступает санкционная политика, которая осуществляется Великобританией как исходя из ее стратегических государственных интересов, так и глобальных интересов ее важнейшего союзника – США.

Английская санкционная политика представляет собой основанную на национальном (а в некоторых случаях и международном) праве внешнеполитическую деятельность государства, направленную на:

1. Формальное признание конкретного государства, юридического или физического лица угрозой для Великобритании и ее союзников или нарушением международного правопорядка (в случае присоединения к санкциям ООН).
2. Принятие при необходимости специального законодательного или подзаконного акта, устанавливающего санкционные режимы либо иные ограничительные меры, влекущие за собой неблагоприятные последствия для враждебных субъектов.
3. Принуждение враждебных субъектов к изменениям своей внешней и внутренней политики в соответствии с глобальными интересами Великобритании и ее союзников.
4. Ослабление экономического, военного или геополитического потенциала враждебных субъектов путем применения ограничительных мер санкционной политики.
5. Умаление правового статуса враждебных субъектов (ограничения международной правосубъектности иностранных государств и правоспособности иностранных граждан).

На всем протяжении своего исторического развития Великобритания активно осуществляла санкционную политику, правовые основы которой и являются предметом исследования данной статьи.

Краткая история английских санкций

В истории формирования подходов Великобритании к санкциям можно выделить четыре этапа: (1) до участия в Лиге Наций и ООН; (2) с момента участия в Лиге Наций и ООН; (3) во время членства в ЕС; (4) после выхода из ЕС. Примечательно, что после выхода из ЕС санкционная политика Великобритании изменилась и обрела новую форму. Это позволяет говорить о том, что на каждом этапе подходы Великобритании к санкциям отличались, что выразилось и в особенностях правового регулирования.

Некоторые исследователи отмечают, что первый этап санкций начался в XVII в. (Гландин, Панов, 2020: 144). В качестве примера они приводят Королевский указ 1621 г., которым вводился запрет на экспорт табака из Вирджинии (британской колонии) в любые государства, кроме Великобритании. По мнению авторов, следствием принятия данного нормативного правового акта

стало поступление значительной части табака в другие страны через Великобританию, где он облагался дополнительными пошлинами, которые стали экономическим ударом, к примеру, по голландским торговцам.

Схожие меры предусматривались Законом о навигации (1651)¹, Законом о гербовом сборе (1765)², Законами Тауншенда (1767)³. Общим для всех этих законодательных актов являлось воздействие на соответствующие общественные отношения через налоговые механизмы, а именно через косвенное налогообложение определенных товаров и услуг, которое подрывало их положение на рынке. Иными словами, воздействие происходило экономически.

Впоследствии экономические рычаги давления дополнились административными запретами. В особенности это характерно для периода противостояния Великобритании и Франции в XIX в. Так, согласно королевскому указу 1806 г., была провозглашена морская блокада французских портов в Европе, которая выражалась, в частности, в ограничении доступа нейтральных кораблей в порты между Брестом и Эльбой.

Одновременно с этим были приняты Королевские указы 1807 г., возложившие на корабли нейтральных государств обязанность заходить в британские порты для выгрузки товара на берег в целях проверки. С одной стороны, это происходило под угрозой захвата, т.е. применялся административный ресурс, с другой стороны, данная процедура требовала уплаты пошлины, т.е. использовались экономические рычаги давления.

Важно отметить, что реакцией на подобные ограничения одностороннего характера были встречные санкции и войны.

Второй этап, начавшийся с момента участия Великобритании в Лиге Наций и ООН, характеризуется сочетанием применения ограничительных мер как в одностороннем порядке, так и на основе участия в работе международных институтов. Особого внимания на данном этапе заслуживает разработка Великобританией черных, серых и белых списков в годы Первой и Второй мировых войн. В данные списки британское правительство включало физических и юридических лиц, замеченных в связях с Германией. В зависимости от категории списка к указанным частным лицам могли применяться те или иные ограничения одностороннего характера. Можно сказать, что данный этап продолжается вплоть до настоящего времени и был изначально дополнен особенностями третьего, а впоследствии четвертого этапа.

Так, статья 16(1) Устава Лиги Наций устанавливала: «Если Член Лиги прибегает к войне, вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других

¹ An Act for increase of Shipping, and Encouragement of the Navigation of this Nation of 1651. *British History online*. (n.d.). Available at: <https://www.british-history.ac.uk/no-series/acts-ordinances-interregnum/pp559-562> (accessed 19 April 2022).

² The Stamp Act of 1765. *Historic Documents of the United States*. (n.d.). Available at: https://ahp.gatech.edu/stamp_act_bp_1765.html (accessed 19 April 2022).

³ The Townshend Act of 1767. The Avalon Project. *Documents in Law, History and Diplomacy*. (n.d.). Available at: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/townsend_act_1767.asp (accessed 19 April 2022).

Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Устав, и пресечь финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет»⁴. Применялась эта статья, к примеру, в отношении Югославии по инициативе Великобритании (1921), Греции (1925) и Италии (1935).

В статье 41 Устава ООН схожее по смыслу положение было сформулировано несколько иначе: «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений»⁵. Для Великобритании, как и для других государств-членов ООН, данное положение является обязательным в том числе сейчас.

Хотя обязанности государств-членов, предусмотренные статьей 16(1) Устава Лиги Наций, сопоставимы с положениями статьи 41 Устава ООН, юридические факты различаются. В первом случае это наступление события, которое государства могут квалифицировать по-разному и, соответственно, по-разному отнестись к исполнению обязанности. Во втором случае есть большая определенность, поскольку юридическим фактом является резолюция Совета Безопасности ООН. Таким образом, создание Лиги Наций и ООН ограничило практику применения санкций конкретными государствами. Решение о применении санкций стало прерогативой Совета Безопасности ООН, а следование данному решению – обязанностью государств-членов.

Третий этап ознаменовался вхождением Великобритании в ЕС и принятием Закона «О Европейских сообществах» 1972 г.⁶ Практика применения самостоятельных ограничительных мер в рамках ЕС не была характерна для Европейских сообществ и появилась лишь в 1992 г., когда был создан Европейский союз. В качестве примера можно привести Общую позицию государств – членов ЕС в отношении Бирмы/Мьянмы (1996)⁷.

⁴ Устав Лиги Наций 1920 года. *Документы XX века*. (n.d.). Available at: <http://doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 20.04.2022).

⁵ Устав ООН 1945 года. *Организация объединенных наций*. (n.d.). Available at: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 20.04.2022).

⁶ European Communities Act of 1972. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1972/68/contents/enacted> (accessed 19 April 2022).

⁷ 96/635/CFSP: Common Position of 28 October 1996 defined by the Council on the basis of Article J.2 of the Treaty on European Union, on Burma/Myanmar. *EUR-lex*. (n.d.). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31996E0635> (accessed 19 April 2022).

Правовым основанием для принятия ограничительных мер в ЕС является статья 215 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС)⁸. В параграфе 1 этой статьи сказано: «Когда решение, принятое в соответствии с главой 2 раздела V Договора о Европейском союзе, предусматривает полное или частичное приостановление или сокращение экономических и финансовых отношений с одной или несколькими третьими странами, Совет, постановляя квалифицированным большинством по совместному предложению Верховного представителя Союза по иностранным делам и политике безопасности и Комиссии, принимает необходимые меры. Совет информирует о них Европейский парламент». Далее в параграфе 2 конкретизировано: «Когда это предусмотрено решением, принятым в соответствии с главой 2 раздела V Договора о Европейском союзе, Совет согласно указанной в параграфе 1 процедуре может принимать ограничительные меры против физических или юридических лиц, групп или негосударственных образований».

В частности, на основании данной статьи был принят Регламент Совета ЕС «О введении ограничительных мер в отношении определенных физических и юридических лиц...»⁹, а в 2004 г. были разработаны Основные принципы использования ограничительных мер (санкций)¹⁰.

Таким образом, на данном этапе Великобритании в еще большей степени ограничена в принятии односторонних ограничений. Подтверждением тому является, в частности, дело *Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others* (2017)¹¹, которое было передано на рассмотрение Суда ЕС, поскольку применение ограничений основывалось на наднациональном, а не национальном праве.

Четвертый этап начинается с 31 января 2020 г.: именно с этого момента, согласно статье 20 Закона «О Европейском союзе (о выходе)»¹², завершается переходный период, и Великобритания окончательно выходит из ЕС. С точки

⁸ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *EUR-lex*. (n.d.). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (accessed 19 April 2022).

⁹ Council Regulation (EC) No 881/2002 of 27 May 2002 imposing certain specific restrictive measures directed against certain persons and entities associated with Usama bin Laden, the Al-Qaida network and the Taliban, and repealing Council Regulation (EC) No 467/2001 prohibiting the export of certain goods and services to Afghanistan, strengthening the flight ban and extending the freeze of funds and other financial resources in respect of the Taliban of Afghanistan. *EUR-lex*. (n.d.). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002R0881> (accessed 03 April 2022).

¹⁰ Basic Principles on the Use of Restrictive Measures (Sanctions). *Council of the European Union*. (n.d.). Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (accessed 03 April 2022).

¹¹ Judgment of the Court (Grand Chamber) of 28 March 2017. *PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others*. Request for a preliminary ruling from the High Court of Justice (England & Wales), Queen's Bench Division (Divisional Court). Case C-72/15. *EUR-lex*. (n.d.). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62015CJ0072> (accessed 03 April 2022).

¹² European Union (Withdrawal) Act of 2018. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/16/contents/enacted> (accessed 03 April 2022).

зрения санкционной политики это означает, что в отношении Великобритании более не действует глава 2 раздела V Договора о ЕС (ДЕС)¹³, посвященная общей внешней политике и политике безопасности (ОВПБ), а значит, она становится вновь независимой от Европейского союза в принятии решений о введении ограничений.

С одной стороны, в вопросе санкций Великобритания вернулась к тому нормативно-правовому состоянию, которое существовало на втором этапе, с другой стороны, на этом же этапе действовал порядок, по которому лишь Совет Безопасности ООН обладает правом применения международно-правовых санкций.

Но уже на третьем этапе появились альтернативные системы многосторонних санкций, к примеру, на уровне ЕС (Саргсян, 2014) и односторонних санкций, например, США (Терри, 2022). Во-первых, одновременное применение санкций, проистекающих от разных субъектов международного права, стало обычным явлением. Во-вторых, санкции Совета Безопасности ООН утратили на практике исключительный характер. Хотя такое положение вещей с правовой точки зрения небесспорно. Так, некоторые исследователи отмечают, что «односторонние меры экономического характера нельзя отнести к санкциям в силу того, что подлинные международно-правовые санкции носят вертикальный характер, являются коллективным инструментом воздействия на правонарушителя, реализуемым в первую очередь СБ ООН» (Иванова, 2018: 129). Другие исследователи указывают, что «меры, принятые одним или группой (альянсом) государств по своей природе являются односторонними, тогда как решения, санкционированные Советом Безопасности ООН от лица международного сообщества, относятся к разряду многосторонних» (Кехлер, 2019). Иными словами, санкции, принятые на уровне ЕС, не всеми учеными квалифицируются как многосторонние и приравниваются к санкциям ООН.

Тем не менее возвращение Великобритании к традиции введения односторонних санкций ознаменовалось принятием в 2018 г. Закона «О санкциях и противодействии отмыванию доходов»¹⁴.

Законодательные основы санкционной политики Великобритании

Вопросы введения санкций Великобританией на современном этапе регулируются несколькими нормативными правовыми актами, среди которых основным является Закон «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г. Напомним, что на предыдущем этапе правовой основой для имплементации многосторонних санкций ЕС в Великобритании являлся Закон «О Европейских сообществах» 1972 г. Что касается правовой основы для мно-

¹³ Consolidated version of the Treaty on European Union. *EUR-lex*. (n.d.). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12012M%2FTXT> (accessed 03 April 2022).

¹⁴ Sanctions and Anti-Money Laundering Act of. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/13/contents/enacted> (accessed 06 April 2022).

госторонних санкций ООН, а именно Закона «Об ООН» 1946 г.¹⁵, то он применим в определенной степени. Так, Верховный суд Великобритании в 2010 г. постановил по делу *HM Treasury v Ahmed*¹⁶, что Закона «Об ООН» 1946 г. недостаточно для неограниченного ареста активов, являющегося ключевой мерой для большинства санкционных режимов. В результате был принят Закон «Об аресте имущества террористов» 2010 г. Однако часть регулирования из этого закона была перенесена в Закон «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г.

Данный закон позволяет Великобритании не только имплементировать санкционные режимы ООН, но также использовать санкции для обеспечения национальной безопасности и достижения целей внешней политики. Этому вопросу посвящена Часть 1 указанного Закона. Часть 2 регламентирует вопросы противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма. Часть 3 касается общих положений, применимых для первых двух частей.

Как отмечается в пункте 4 пояснительной записки к указанному Закону, «санкции являются важным инструментом зарубежной политики и национальной безопасности. Они представляют собой ограничительные меры, которые применяются временно и служат принуждением к изменению модели поведения, ограничения поведения или сообщением о ясной политической позиции, адресованным конкретному государству или лицу».

Далее при переходе от пункта 4 к пункту 5 пояснительной записки отражается современный подход к санкционной политике западных государств. С одной стороны, Великобритания признает важность санкций Совета Безопасности ООН и обязанность имплементировать их, с другой стороны, она заявляет о своем праве и праве союзников вводить и применять санкции в тех ситуациях, в которых «ООН воздерживается от действий, но Великобритания сочтет необходимым международный ответ».

Таким образом, в настоящий момент времени Великобритания применяет как санкции, предусмотренные резолюциями Совета Безопасности ООН (например, в отношении Ирана и Северной Кореи), так и ограничительные меры, разработанные ею самостоятельно (в частности, к России). В целом, речь идет о 35 санкционных режимах, в том числе в отношении около 2000 частных лиц.

Важно, что санкции в Великобритании устанавливаются регламентами, для которых Закон «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г. является правовым основанием. Так, согласно статье 1(1) указанного Закона, санкции вводятся соответствующим министром, который сочтет их необходимыми. «Соответствующим министром», по смыслу статьи 1(9), является либо член кабинета министров, либо министр финансов.

¹⁵ United Nations Act of 1946. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/9-10/45> (accessed 03 April 2022).

¹⁶ *HM Treasury v Ahmed* of 2010. *United Kingdom Supreme Court*. (n.d.). Available at: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2010/2.html> (accessed 03 April 2022).

Сами санкции, согласно статьям 3–8, бывают следующих видов: (1) финансовые санкции; (2) иммиграционные санкции; (3) торговые санкции; (4) санкции в отношении воздушных судов; (5) санкции в отношении плавательных судов; (6) иные санкции для целей обязательств перед ООН. Наиболее подробное регулирование предусмотрено в части финансовых санкций и санкций в области авиационных и морских перевозок.

На практике финансовые санкции администрируются специально созданной в рамках Министерства финансов Великобритании структурой — Офисом по имплементации финансовых санкций. Именно эта структура исполняет регламенты, о которых говорилось выше.

В частности, в отношении России подобные Регламенты¹⁷ были приняты в 2019 г. и вступили в силу 31 декабря 2020 г. В настоящий момент времени, согласно официальному сайту законодательства Великобритании, в указанный документ было внесено 14 поправок, каждая из которых представляет собой очередной пакет ограничений. Каждый из регламентов сопровождается пояснительным меморандумом.

Лица, которые подпадают под соответствующий санкционный режим, перечислены в санкционном списке Великобритании.

Обращает на себя внимание и то, что в Великобритании для целей исполнения регламентов разрабатываются специальные руководства. В частности, подобное руководство было разработано для целей имплементации санкций в отношении России¹⁸. В нем подробным образом раскрываются запреты и требования, введенные регламентами, в частности обстоятельства, при которых санкции не применяются. Так, в статье 15 Закона «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г. говорится о том, что регламентами могут быть предусмотрены исключения из запретов и требований, вводимых ими. Запреты снимаются на основании специальных лицензий, а требования не применяются в случае специальных указаний. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что исключения и указания могут быть общего, группового или индивидуального характера.

Иная особенность рассматриваемых регламентов заключается в том, что они принимаются не только в отношении конкретных стран, но и по определенным сферам. Так, в Великобритании были разработаны, среди прочего, Регламенты о санкциях за химическое оружие (2019)¹⁹ и Регламенты о санкциях за нарушение прав человека (2020)²⁰.

¹⁷ The Russia (Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/855/contents> (accessed 03 April 2022).

¹⁸ Russia Sanctions: Statutory Guidance. *Gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/russia-sanctions-guidance/russia-sanctions-guidance> (accessed 03 April 2022).

¹⁹ The Chemical Weapons (Sanctions) (EU Exit) Regulations of 2019. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/618/contents> (accessed 03 April 2022).

²⁰ The Global Human Rights Sanctions Regulations of 2020. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2020/680/contents/made> (accessed 03 April 2022).

В соответствии с Законом «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г. регламенты могут быть обжалованы в судебном порядке. В частности, статьей 38(2) предусмотрено, что органом обжалования является Высокий суд Англии и Уэльса, а для Шотландии – Сессионный суд.

Исполнение регламентов обеспечено статьей 17, в которой закреплено право установления меры ответственности в самих регламентах за их неисполнение, но в определенных границах. К примеру, по общему правилу, в случае вынесения обвинительного приговора срок лишения свободы не может превышать 10 лет.

Иное законодательство, имеющее отношение к санкционной политике Великобритании, включает: (1) Закон «Об иммиграции» 1971 г.²¹, в соответствии с которым автоматически выдворяются из Великобритании физические лица, имеющие ограничения на передвижение, наложенные ООН или ЕС; (2) Закон «Об экспортном контроле» 2002 г.²², который позволяет вводить торговые ограничения; (3) Закон «О полицейской деятельности и преступлениях» 2017 г.²³, который обеспечивает безотлагательное исполнение санкций ООН, а также способствует исполнению финансовых санкций.

В заключение стоит отметить, что санкционное законодательство Великобритании не имеет экстерриториального действия в отличие от законодательства США. Именно возможностью экстерриториального применения ограничений обусловлено применение санкций США на территории в том числе Великобритании. Показательным в этом плане является дело Вексельберга.

Известные прецеденты

Дело Вексельберга более известно как дело *Lamesa Investments Limited v Cynergy Bank Limited* 2019 г.²⁴. В рамках данного дела компания *Lamesa* (Кипр) заключила по английскому праву соглашение о займе с банком *Cynergy* (Великобритания), которым предусматривалось предоставление последнему 30 млн фунтов стерлингов. Важно, что кипрская компания косвенно принадлежала гражданину Российской Федерации, который оказался в санкционном списке США, но уже после предоставления займа. Его включение в указанный санкционный список послужило причиной, по которой английский банк перестал выплачивать проценты. Данный банк заявил, что за выплату процентов на него самого могут быть наложены санкции со стороны США.

²¹ Immigration Act of 1971. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/77/contents> (accessed 03 April 2022).

²² Export Control Act of 2002. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/28/contents> (accessed 03 April 2022).

²³ Policing and Crime Act of 2017. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2017/3/contents/enacted> (accessed 03 April 2022).

²⁴ *Lamesa Investments Limited v Cynergy Bank Limited* of 2019. *Judiciary.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf> (accessed 03 April 2022).

Компания *Lamesa* не согласилась с доводами банка *Cynergy* и обратилась за защитой нарушенного права в Высокий суд. Однако суд встал на сторону английского банка. По мнению судьи, рассматривавшего дело, обязательные положения закона образуют те нормы, на содержание которых стороны не могут повлиять. Таковыми являются положения законов США о санкциях. Банк *Cynergy* перестал выплачивать проценты ввиду угрозы применения штрафа, поэтому с его стороны не было неисполнения обязательств по договору.

Кипрская компания подала апелляцию, в которой указала, что санкционное законодательство США не содержало прямого запрета на совершение платежа, а потому неисполнение обязательств со стороны английского банка имеет место. Но апелляционная инстанция оставила в силе решение суда первой инстанции, хотя исходила при этом из иной аргументации. Так, по мнению судьи соответствующей инстанции, в деле имеет место отсрочка исполнения обязательств по договору, пусть и существенная по времени, но обусловленная объективными факторами.

Судебная практика на основании Закона «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г. пока еще не успела сформироваться. В качестве одного из немногих судебных дел можно привести дело *The Queen (on the application of Hany Youssef) v The Secretary of State For Foreign, Commonwealth and Development Affairs and HM Treasury* 2021 г.²⁵. В этом деле истцом являлся Хэни Юссеф, гражданин Египта, проживающий в Великобритании с 1994 г. В сентябре 2005 г. он был признан «санкционным лицом» Комитетом ООН по финансовым санкциям в отношении «Аль-Каиды» и «Талибана»²⁶. Таким образом, в течение более 15 лет он находился под существенными финансовыми санкциями. На основании резолюции ООН в Великобритании были приняты Приказы в Тайном совете, предусмотренные Законом «Об ООН» 1946 г., а именно Приказы о мерах ООН в отношении «Аль-Каиды» и «Талибана» 2002 и 2006 гг. Но впоследствии указанные Приказы были отменены Верховным судом Великобритании в деле *HM Treasury v Ahmed* 2010 г. По этой причине активы истца оказались под арестом на основании Регламента Совета ЕС «О введении ограничительных мер в отношении определенных физических и юридических лиц...», который имел прямое действие в Великобритании. Однако его применение прекратилось в связи с выходом Великобритании из состава ЕС. Таким образом, с декабря 2020 г. правовым основанием для продолжения санкций в виде ареста активов истца стали Регламенты «О санкциях в отношении ИГИЛ (ДАИШ)²⁷ и «Аль-Каиды» (санкции ООН)» 2019 г.²⁸, принятые

²⁵ *The Queen (on the application of Hany Youssef) v. The Secretary of State For Foreign, Commonwealth and Development Affairs and HM Treasury* of 2021. *Brickcourt.uk*. (n.d.). Available at: https://www.brickcourt.co.uk/images/uploads/documents/Youssef_v_SSFCDA_-_Approved_Judgment.pdf (accessed 12 April 2022).

²⁶ Организации признаны террористическими и запрещены в РФ.

²⁷ Организация признана террористической и запрещена в РФ.

²⁸ The ISIL (Da'esh) and Al-Qaida (United Nations Sanctions) (EU Exit) Regulations 2019. *Legislation.gov.uk*. (n.d.). Available at: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/466/contents> (accessed 03 April 2022).

во исполнение Закона «О санкциях и противодействии отмыванию доходов» 2018 г. Так, Правилom 5 данных Регламентов установлено, что в отношении лица, определенного Комитетом ООН по санкциям, должна быть применена мера в виде ареста активов с момента окончания переходного периода, последовавшего за выходом Великобритании из состава ЕС.

Истец обжаловал продолжение санкций, в частности, сославшись на то, что Закон 2018 г. и Регламенты 2019 г. не предусматривают доступа к правосудию для пересмотра режима ареста активов, введенного в отношении него. Как указывает истец, это нарушает право на «справедливое публичное разбирательство», гарантированное статьей 6(1) ЕКПЧ²⁹. Ответчик в лице министра иностранных дел по делам Содружества и вопросам развития не согласился с этим, поскольку Закон 2018 г. предусматривает правовой механизм, воспользовавшись которым истец мог бы пересмотреть санкции, введенные в отношении него, в том числе по суду, однако он к нему не обратился.

Рассмотрев доводы сторон, в том числе ссылку на прецедент *HM Treasury v. Ahmed* 2010 г., суд пришел к выводу об отсутствии нарушения прав истца. В частности, судом было указано на то, что механизм пересмотра санкций предусмотрен статьями 25 и 38 Закона 2018 г., а значит, нет нарушения права, гарантированного ЕКПЧ.

Заключение

В качестве итога можно сделать вывод о том, что санкционная политика является важнейшим инструментом государства в Великобритании, а особенности ее правового регулирования заслуживают дальнейшего внимательного изучения. Важно подчеркнуть, что детальная правовая регламентация данной сферы не только рассчитана на развитие внутригосударственного правопорядка, но и ориентирована на формирование правопонимания в других государствах, привыкших к эффективности английского частного права, которое применяется юридическими лицами по всему миру в рамках договорных отношений. Таким образом, Великобритания формирует правовые условия для последующего принятия государствами международных правил, основанных на англо-американском понимании эффективности международных правовых режимов. Однако английская правовая традиция в сфере публичных отношений вряд ли приемлема для государств за пределами англосаксонского мира. При этом эффективность ее воздействия не только на массовое сознание, но и на правопонимание элит во многих странах, очевидно, требует тщательного изучения этого феномена, если суверенные государства не хотят утратить собственные правовые традиции.

²⁹ Европейская конвенция по правам человека 1950 года. *Совет Европы*. (n.d.). Available at: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

Список литературы

1. Гландин С.В., Панов Ф.Ю. (2020) Ограничительные меры и санкции в праве Соединенного Королевства: до и после Brexit. *Закон* 6: 142–158. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38850.
2. Иванова Е.М. (2018) Проблема применения «односторонних санкций» в современном международном праве. *Российский внешнеэкономический вестник* 5: 127–134.
3. Кехлер Х. (2019) Санкции и международное право. *Вестник международных организаций* 14(3): 27–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-02.
4. Саргсян А.М. (2014) Европейские санкции: от национальных до коллективных. *Современная Европа* 3(59): 90–105. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-1-5.
5. Терри П.С. (2022) Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве. *Вестник международных организаций* 17(1): 25–55. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-02.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022

DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-12-24

LEGAL BASIS FOR UK SANCTIONS POLICY

Dr Gennady P. TOLSTOPYATENKO, Professor, First Vice-Rector, MGIMO University

ORCID: 0000-0002-6513-1832. E-mail: decanatmp@inno.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr Aleksey Al. MALINOVSKY, Associate Professor, Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, MGIMO University

ORCID: 0000-0002-2376-0956. E-mail: dr.malinovsky@yandex.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr Stanislav S. AGEEV, Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, MGIMO University

ORCID: 0000-0001-9593-7645. E-mail: s.ageev@inno.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (no. 075-15-2020-783).

Abstract: The article analyzes the formation and development of the legal foundations of the UK sanctions policy. Based on the principles of Realpolitik, the concept of "Sanctions Policy" is studied not as an academic construction but as a real political and legal tool for the implementation of the external functions of the English state. The article proposes a brief historical and legal review of the sanctions legislation evolution, starting with the Royal Decree of 1621, the Navigation Act (1651), the Stamp Act (1765), the Townshend Acts (1767) and ending with the sanctions legislation of the EU, where the UK was a member before Brexit. The focus is on a detailed analysis of the Law on

Sanctions and Combating Money Laundering of 2018, as well as statutory instruments, including the Regulations on Sanctions for Chemical Weapons (2019) and the Regulations on Sanctions for Violations of Human Rights (2020).

Since the UK legal system belongs to the system of case law, the authors attempted to analyze the most important court decisions in this area, including: the case of *HM Treasury v. Ahmed* (2010) and *Vekselberg, better known as Lamesa Investments Limited v. Cynergy Bank Limited* (2019).

It is concluded that the UK's sanctions policy is primarily aimed at the achievement of its geopolitical objectives.

Keywords: sanctions policy; restrictive measures; sanctions laws; sanctions regulations, Great Britain

References:

1. Glandin S.V., Panov F.Ju. (2020) Ogranichitel'nye mery i sankcii v prave Soedinennogo Korolevstva: do i posle Brexit [Sanctions and restrictive measures of the United Kingdom before and past BREXIT]. *Zakon*[Statute] 6:142–158. DOI:10.25136/2644-5514.2022.3.38850. (In Russian).
2. Ivanova E.M. (2018) Problema primeneniya "odnostoronnih sankcij" v sovremennom mezhdunarodnom prave [Application problem of «unilateral sanctions» in modern international law]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Journal] 5: 127–134. (In Russian).
3. Kochler H. (2019) Sankcii i mezhdunarodnoe parvo [Sanctions and International Law]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [International Organisations Research Journal] 3(14): 27–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-02. (In Russian).
4. Sargsyan A.M. (2014) Evropejskie sankcii: ot nacional'nyh do kolektivnyh [European sanctions: from national to collective measures]. *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe] 3(59): 90–105. DOI: 10.5922/2074-9848-2015-1-5. (In Russian).
5. Terry P.S. (2022) Provedenie v zhizn' vneshnej politiki SShA putem nalozheniya odnostoronnih vtorichnyh sankcij: rabotaet li pravo sil'nogo v mezhdunarodnom publicnom prave [Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law?]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [International Organisations Research Journal] 17(1): 25–55. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-01-02. (In Russian).

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ АВТОНОМИЙ

Мидхат ФАРУКШИН

Айгуль ЗАРИПОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: В статье рассматриваются подходы и методика сравнительного исследования территориальных этнических автономий, входящих в состав как федеративных, так и унитарных государств. Обосновывается положение о двойственной роли, которую могут сыграть эти автономии. Анализ автономных сообществ с целью последующей оценки положительных и негативных практик представляется возможным только на основе сравнения. Показаны общие черты и особенности автономий в зависимости от формы государственного устройства. Раскрыто влияние этнического фактора на институты автономии и государства в целом. Уделено внимание методике сравнительного анализа этнических автономий, включая определение основных параметров изучения распределения власти между автономией и государством, выделение индикаторов, раскрывающих указанные параметры. Раскрываются возможности обработки полученных данных по каждой группе индикаторов с помощью количественных и качественных методов исследования.

Ключевые слова: территориальная этническая автономия, сравнительный метод, кейс-стади, параметры сравнения, индикаторы, индексный анализ, ранжирование

Среди государств с различным устройством заметное место занимают государства, в состав которых входят территориальные этнические автономии (ТЭА). По общему мнению, территориальная автономия – не новое явление. Оно известно более двух столетий, но распространение получило

Фарукшин Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры политологии Отделения социально-политических наук Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального университета

ORCID: 0000-0003-0004-4559. E-mail: Midkhat.Farukshin@kpfu.ru

420111, Казань, ул. Кремлевская, д. 35, Учебное здание №14 (Корпус №2).

Зарипова Айгуль Раисовна – кандидат политических наук, доцент Кафедры политологии Отделения социально-политических наук Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального университета

ORCID: 0000-0002-5810-5986. E-mail: AjgulRaisZaripova@kpfu.ru

420111, Казань, ул. Кремлевская, д. 35, Учебное здание №14 (Корпус №2).

Поступила в редакцию: 18.05.2021

Принята к публикации: 08.06.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

в XX в., особенно после окончания Холодной войны. Притязания на автономию со стороны этнических групп, как правило, связываются с возрастанием требований права на политическое самоопределение.

Этнические автономии как объект сравнительного изучения

Территориальные этнические автономии представляют собой широко распространенное в мировой практике явление. Трудно не согласиться с констатацией, что «автономия больше не отклонение. Действуя на пересечении международного и конституционного права, она теперь широко распространена. Сегодня было бы трудно изучать конституционную и политическую системы большинства государств без обращения к автономии» (Ghai, 2013: 7).

На принципе автономности составных частей построена любая федерация, если она действительно является федерацией. Автономную природу имеют субъекты федерации, в том числе и те, которые образованы на основе этно-территориального принципа. Однако, этническая автономия, как показывает международный опыт, возможна и в условиях унитарного государства. По сведениям, содержащимся в *Regional Ethnic Autonomies Database*, в мире в разное время насчитывалось 103 таких автономии, а по оценке двух зарубежных экспертов, в мире существуют 64 успешные автономии в 17 государствах (Anderson & Costa, 2016: 537–540), при этом в некоторых из них функционирует по одной этнической автономии, в других – две или несколько. Более того, по некоторым источникам, в начале XXI в. в мире было более 120 территориально сконцентрированных этнических групп, которые стремились к большей степени независимости от своего государства, начиная с требований культурной и территориальной автономии и заканчивая угрозой сепаратизма, ведущей либо к независимой государственности, либо к объединению с другим государством (Wolff, 2011: 26–27). Не все эти группы добились территориальной автономии.

Объективно оценивая роль территориальных этнических автономий, нужно признать ее неоднозначность. С одной стороны, ТЭА могут стать инструментом выражения специфических интересов этнической группы, добившейся автономии, особенно в области сохранения национальной культуры, языка, этнической идентичности и противодействия ассимиляции. Это путь сотрудничества центральной и автономной властей, исключающий противопоставление узко этнических интересов общегосударственным. Как указывают некоторые авторы со ссылкой на другие работы, «в ряде исследований утверждается, что институты территориальной автономии служат в качестве эффективных средств поддержания мира внутри этнически разделенных государств» (Shaykhutdinov, 2010: 179). С другой стороны, существует риск противопоставления партикулярных интересов (местничества) общегосударственной воле, что создает угрозу сепаратизма во имя узкокорыстных интересов этнической элиты автономии. Это путь дестабилизации и разрушения целостности государства со всеми негативными последствиями для общества.

По какому пути пойдет та или иная автономия зависит от институциональной и контекстной среды, в которой она функционирует. Реальная возможность развития событий по одному и другому сценарию ставит научную и практико-политическую проблему разработки путей и способов стимулирования позитивных функций ТЭА и исключения тенденции к напряженности отношений между центральной властью и автономией.

Полноценное исследование территориальных этнических автономий и выявление их практико-политического содержания и направленности невозможно без использования сравнительного метода. Территориально-этнические автономии обладают как общими, так и специфическими чертами. Выявление их и сопоставление с целью последующей оценки положительных и негативных практик представляется возможным только на основе сравнения. Использование сравнительного подхода к изучению этнических автономий актуально в связи с отсутствием в отечественной политологии специальных сравнительных исследований ТЭА. В зарубежной политической науке такие исследования есть, но охватывают по несколько автономий, как правило, две-три, и отражаются они скорее на уровне научных статей. Не случайно отмечается, что «есть творческие сравнительные исследования федерализма, но мало об автономии (хотя есть сборники статей по отдельным странам)» (Ghai, 2013: 2).

При сравнительном исследовании территориальных этнических автономий следует учитывать, что они могут функционировать в составе как федеративных, так и унитарных государств. Между федерациями, имеющими в своем составе территориальные этнические автономии, и унитарными государствами с такими автономиями есть немало общего. И в том, и в другом случае имеет место разделение властных полномочий между центральной властью государства и властями автономии. Схожие черты приобретают взаимоотношения властей двух уровней и их институциональное воплощение. Полномочия автономии по своей природе являются исключительными, а не делегированными. Как в федеративном, так и унитарном государствах автономия вправе защищать свои интересы с использованием узаконенных судебных и политических процедур. Автономия при любой форме государственного устройства обладает (или должна обладать) самостоятельностью от центральной власти. Статус автономии в обоих случаях закреплён, как правило, на конституционно-правовом уровне.

Однако у автономий в федеративных и унитарных государствах стоит выделить ряд отличных черт. Во-первых, могут существенно различаться причины образования автономии и в первом, и втором случаях. Федерации как системы автономных образований создаются по причине огромной территориальной протяженности, затрудняющей управление из единого центра, по причинам экономической целесообразности и обеспечения безопасности от военных угроз. В унитарных государствах автономии возникают чаще всего как средство удовлетворения потребностей этнических групп в самоуправлении и поддержки развития своей культуры, языка, сохранения собственной идентичности, с одной стороны, и предотвращения угрозы распада

государства – с другой. Иначе говоря, в федерации формирование ее субъектов происходит значительно реже на этнической основе, в то время как в унитарных государствах автономии часто создаются на базе этнического принципа. Создание федераций с их автономными образованиями под воздействием внешнего фактора – крайне редкий случай, создание автономий в унитарных государствах под влиянием внешнего фактора происходит чаще, о чем свидетельствует формирование автономий в Южном Тироле, на Аландских островах и особенно явно создание Боснии и Герцеговины.

Во-вторых, в федерации любые изменения в круге полномочий одних ее субъектов требуют внесения таких изменений в полномочиях других субъектов федерации в силу действия универсального принципа равноправия составных частей федеративного государства, хотя отдельные из них рассчитывают в силу большой специфики на большую степень самоуправления. Иная ситуация в унитарном государстве: здесь изменения в статусе автономии по согласованию властей обоих уровней не требуют изменений в статусе других регионов. Любое приращение полномочий автономии становится объективным фактом, свидетельствующим об усилении асимметрии в государстве, которая в то же время не обязательно подрывает его стабильность и целостность.

Иногда трудно разграничить унитарное государство с автономиями от федерации, особенно когда его официальные власти отказываются признать федеративный характер государства. Так, «история пост-франкистской Испании показывает трудности в отличии федерации от автономии: то, что начиналось как разнообразие автономии, быстро приняло форму федерации, поэтому можно сказать, что Испания имеет форму автономии, но видимость федерации» (Ghai, 2013: 16).

При сравнении этнических автономий следует учитывать влияние этнического фактора на их особенности, характер взаимоотношений властей автономии с центральной властью государства, а также институты автономии и государства в целом. Одним из факторов такого влияния является этнический состав автономии. И здесь нужно выделить три разных случая.

Первый вариант, когда титульная в автономии этническая группа является доминантной, т. е. составляет абсолютное или относительное большинство в населении автономии. Второй, когда сама автономия является биэтнической, где основные этнические группы сосуществуют на принципе равноправия и паритета. Третьим является случай биэтнического государства, где обе основные этнические группы консолидировались как отдельные автономные образования.

При этом важно учесть еще ряд обстоятельств. Влияние этнического фактора на статус автономии и, в частности, на разделение власти между государством и автономией нужно рассматривать на региональном (автономном) и общенациональном уровнях. Хотя этнический фактор оказывает влияние и на общую ситуацию в автономном образовании и, возможно, в государстве в целом, особый интерес представляет отражение этнического факто-

ра именно на институциональной структуре автономии и государства. В этой связи представляется необходимым обратить внимание в первую очередь на две проблемы: первая – это влияние этнического фактора на распределение власти, а именно, на состав государственных и муниципальных органов власти; вторая проблема – влияние этнического фактора на полномочия основных этнических групп, в частности, возможность этнической группы повлиять на принятие или непринятие политического решения. Как, например, в ситуации с институтом «тревожного звонка» в Бельгии или с положением о «жизненно важных интересах» в практике Боснии и Герцеговины. Причем обе названные проблемы взаимосвязаны, переплетены.

Методологические вопросы сравнительного исследования ТЭА

Применение сравнительного метода к исследованию территориальных этнических автономий с получением соответствующих результатов предполагает предварительное проведение некоторых операций. В первую очередь – это определение параметров исследования, под которыми мы понимаем институциональную структуру в избранных сферах функционирования автономий, причем избранных с учетом их значимости.

Следующим шагом является разработка индикаторов сравнения в выделяемых сферах. По нашему мнению, к таким сферам нужно отнести полномочия в области законодательства, межбюджетных отношений, языковой политики, международных связей. Немаловажным аспектом работы является и сравнение форм сотрудничества между центральной и автономной властями, а также форм влияния этнического фактора на институты автономии.

В сфере законодательства считаем целесообразным выделить следующие индикаторы (показатели): (1) обладает ли автономия в лице своих органов правом законодательной инициативы (правом внесения законопроектов в парламент государства); (2) признаются ли законодательные полномочия автономии в Конституции государства; (3) имеет ли общенациональный парламент право отменять законы, принятые законодательным органом автономии; (4) обладает ли общенациональный парламент правом контролировать законодательный процесс в автономии (в какой форме); (5) объем законодательных полномочий автономии (количество сфер, регулируемых законами автономии); (6) имеют ли органы государственной власти автономии право оспаривать в судебном порядке законодательные акты государства; (7) существует ли законодательное закрепление принципа приоритета общегосударственных законов перед законами автономии.

Пожалуй, одним из главных вопросов, всегда возникающих в процессе деволюции предметов ведения и полномочий от центра к властям автономии и практически неизменно создающих напряженность в отношениях властей двух уровней, является распределение бюджетно-налоговых полномочий. Это объясняется ограниченностью финансовых ресурсов даже в экономически сильных государствах, не говоря о слабых. В пользу значимости названных полномочий говорит тот факт, что некоторые специалисты выделяют только

два основных критерия возникновения автономии и ее институционального оформления: существование правового документа – конституции, соглашения или статута, которым признается создание территориальной автономии, и властное полномочие правительства вновь созданного территориального образования собирать налоги и вести расходы (Shaykhutdinov, 2010: 179–180).

При анализе полномочий в сфере межбюджетных отношений между центральной властью и автономией следует опираться на следующие индикаторы: (1) прописано ли распределение налогов в Конституциях государства и автономии; (2) имеет ли автономия свой бюджет; (3) каков сложившийся тип налоговых отношений: а) государство и автономия имеют отдельные, независимые и не пересекающиеся источники налоговых поступлений, б) налоги распределяются пропорционально (в каких пропорциях) по уровням бюджетной системы (бюджет государства, бюджет автономии, бюджет муниципалитетов), в) смешанная система: автономия имеет некоторые свои источники налогов плюс свою часть пропорционально распределяемых налогов; (г) собирает ли государство все налоги, а затем распределяет налоговые доходы по регионам, включая автономию (по какому принципу: произвольно или в соответствии с законодательно установленным принципом); (4) направляется ли собранная на территории автономии часть налоговых поступлений в общегосударственный бюджет или государство оставляет в распоряжении властей автономии все налоговые доходы либо их часть; (5) предусмотрены ли трансферы, дотации автономиям из общегосударственных финансовых ресурсов; (6) имеют ли автономии право самостоятельно делать заимствования на международных рынках (осуществляется ли в этом случае контроль со стороны государства)? При утвердительном ответе на последний вопрос стоит обратить внимание на формы такого контроля.

При разграничении предметов ведения и полномочий между государством и входящей в его состав территориальной этнической автономии важное место занимают компетенции по вопросам языка. Объясняется это тем, что язык остается главным маркером этнической идентичности, основой всей национальной культуры, свидетельством жизнеспособности этнической общности и гарантией против ее исчезновения. Особенно сильно проблема языка затрагивает интересы титульной в автономии группы, которая в рамках всего государства остается меньшинством.

В некоторых автономиях, таких как Квебек или Каталония, язык остается вопросом продолжающейся напряженности в отношениях между носителями мажоритарного и миноритарных языков, а главное – между властью автономии и центральной в государстве властью. Даже в Швейцарии лингвистическое разнообразие, выражающееся в наличии в каждом кантоне большинства той или иной лингвистической общности, создает определенные проблемы. О значимости языка в политической жизни общества свидетельствует также то, что, например, в индийском федерализме автономия основывается прежде всего на языке, хотя лингвистические общности имеют много других пересекающихся идентичностей (Woodman & Ghai, 2013: 477).

В полиэтнических государствах, как свидетельствует международная практика, отношения в сфере языка и языковой политики могут складываться по-разному. Если центральная в государстве власть оставляет регулирование языковых процессов в автономии целиком в ее компетенции, доминирующая в автономии этническая группа не испытывает никаких проблем в сохранении родного языка (пример Аландских островов в Финляндии).

Но в многонациональных государствах часто имеет место противоречие между, с одной стороны, всесторонней поддержкой государством языка большинства, распространением его во всех сферах жизни общества, с другой – снижением, часто по объективным причинам, инструментальной роли языков этнических меньшинств с тенденцией постепенного угасания.

Очевидно, в целом права Ульрика Шмидт, которая, по сути отражая это противоречие, пишет, что, «учитывая благоприятные условия (через доступ к образованию) и стимулы (источник дохода, престиж), этнические группы в пределах современного государства-нации обычно движутся в сторону языка большинства, в то время как культурная автономия, децентрализация и региональный национализм (как в Каталонии) вероятнее всего содействуют сохранению языка» (Schmidt, 2008: 12–13).

Иная ситуация складывается в биэтнических государствах. При обычном равноправии двух основных этнических групп создаются одинаковые условия для сохранения и развития их языков, а возможные трения устраняются, в первую очередь, путем переговоров либо других политических мер, а в необходимых случаях – и путем использования судебных процедур.

При распределении полномочий в сфере регулирования языковых процессов как для самой автономии, так и для государства в целом особенно важными являются такие индикаторы, как: (1) объявлен ли официальным (государственным) язык доминантной в автономии этнической общности; (2) действуют ли на территории автономии одновременно доминантный в государстве язык и язык доминантной (титულიной) в автономии этнической общности; (3) используются ли в системе образования оба языка; (4) является ли изучение доминантного в автономии языка обязательным во всех учебных заведениях автономии независимо от национальной принадлежности учащихся; (5) является ли обязательным изучение в учебных заведениях автономии доминантного в стране, общегосударственного, официального языка всеми учащимися; (6) осуществляется ли в учебных заведениях автономии обучение на доминантном языке автономии, а также на других родных языках (до какого уровня – на всех уровнях от дошкольного образования до высших учебных заведений, до уровня средней школы, неполного среднего образования, среднего профессионального образования); (7) разграничены ли полномочия центра и автономии в языковой сфере в конституции государства и в конституции (статуте) автономного образования или других законах; (8) используется в работе государственных и муниципальных органов власти, в документообороте, во взаимоотношениях граждан с органами власти язык титულიной в автономии этнической группы или язык доминантной в государ-

стве этнической общности, или оба языка. Анализ этих показателей даст довольно полное представление о языковой ситуации, существующих в данной области проблемах в автономии и государстве в целом.

Конечно, языковая ситуация будет разной в зависимости от этнического состава населения. В многонациональном государстве, как Российская Федерация, где по всем объективным показателям доминантным является русский язык, в республиках, по сути политических автономиях, в работе государственных и муниципальных органов власти, в документообороте используются оба языка – общенациональный государственный язык и государственный язык соответствующей республики. В биэтнической провинции Южный Тироль проживают две основные этнические группы – немцы, которые составляют 69,4% населения, и итальянцы, доля которых в населении автономии равна 26,06%. Относительно небольшую группу представляют ладины (4,53%). Соответственно, в провинции используются два основных и наиболее распространенных языка – немецкий и итальянский, а также ладинский язык.

Языковая ситуация и языковая политика основываются на принципе равноправия языков независимо от численности их носителей. Немецкий и итальянский языки используются в публичной жизни и во всех других сферах; ладинский язык используется в основном в местностях, где преимущественно проживают ладины.

Предметы ведения и полномочия территориальных этнических автономий включают в себя решение вопросов не только внутренней, но и внешней политики. С точки зрения существующей международной практики представляется неточным утверждение, будто «*территориальная автономия*» означает наделение публично-территориальной единицы в составе государства некоторой степенью самоуправления в решении определенных внутренних вопросов» (Мочалов, 2017: 160). Тем самым из сферы деятельности властей территориальной автономии как бы исключаются международные связи. Международные отношения представляют собой особую область, участие в которой автономных образований нередко вызывает споры и противоречия.

В сфере международных связей могут быть следующие индикаторы полномочий этнических автономий: (1) предусматривается ли в Конституции государства и Конституции (Статуте, Уставе) автономии ее право на международные связи (внешнеэкономические и международные гуманитарные); (2) может ли автономное образование самостоятельно заключать договоры с иностранными партнерами (какого уровня – с государствами, с регионами иностранных государств или только с неправительственными организациями); (3) осуществляет ли государство контроль за международными связями автономии (в какой форме – дает разрешение, требует согласования до вступления автономии в контакты с зарубежным партнером, утверждает заключенные властями автономии соглашения и т. д.); (4) предусмотрено ли совместное участие представителей государства и автономии в международных связях (предварительные консультации до заключения договоров, затрагивающих компетенцию автономий; совместные делегации на меж-

дународных переговорах и т. п.); (5) имеет ли автономия свои представительства за рубежом, а также свои представительства при международных организациях.

Одним из условий стабильности государства с территориальными этническими автономиями и успешного функционирования последних является степень сотрудничества центральной государственной власти с властями автономии. Индикаторы такого сотрудничества или отсутствия его могут быть следующие: (1) предусмотрены ли связи властей двух уровней институционально или это связи *ad hoc*; (2) каковы формы сотрудничества (периодические встречи руководителей разного уровня центральных и автономных органов власти; создание совместных комиссий, комитетов; включение представителей автономии в центральные органы государственной власти).

Специфической для этнических автономий является проблема влияния этнического фактора на институты автономии и государства. Возможны следующие индикаторы такого влияния: (1) представлена ли титульная в автономии этническая общность в центральных органах государства на групповой основе; (2) распределяются ли в автономии и государстве государственные должности в зависимости от национальной принадлежности претендента; (3) имеет ли титульная в автономии этническая группа свою фракцию в общенациональном парламенте; (4) действуют ли в автономии, а также в государстве этнические партии.

Определение индикаторов в столь разных областях требует досконального изучения автономий, взятых за единицу сравнения. В свою очередь это требует опоры на солидную эмпирическую базу. В отечественной науке такую базу предоставляет фундаментальный труд пермских политологов, реализовавших проект «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств», благодаря которому удалось исследовать «процесс создания и функционирования этнических региональных автономий (ЭРА)» (Балансируя притязания..., 2017: 6). Этими учеными создана уникальная база данных об этнических региональных автономиях, которая включает список этнических региональных автономий (103 случая). В базе представлено примерно 150 переменных, сгруппированных в шесть частей. «Созданная база данных, по мнению руководителя проекта, обладает значительным потенциалом для проведения широкомасштабных количественных сравнительных исследований современных ЭРА» (Панов, 2016: 66).

Конечно, эта база требует дополнения и уточнения другими источниками информации. В качестве источников исследования следует также использовать: а) Конституции и другие законодательные акты, а также статистические данные автономных образований и государств, в составе которых находятся этнические автономии; б) другие базы данных, относящихся к территориальным этническим автономиям – *Regional Autonomy Index, World Development Indicators, The Territorial Management of Ethnic Conflicts, Ethnic Power Regulations, UCDP/Prio Armed Conflicts Datasets: Minorities at Risk, Ethnic*

Regional Autonomies Databases (ERAD), *Authority Trends* и другие; в) посвященная проблемам территориальной этнической автономии отечественная и зарубежная научная политологическая и социологическая литература; г) имеющиеся данные социологических опросов.

Следующим этапом методической работы по исследованию территориальных этнических автономий является обработка полученных данных по каждой группе индексов на основе комбинации количественных и качественных методов исследования. В числе методов, позволяющих создать полное представление о каждой отдельно взятой автономии, стоит упомянуть метод кейс-стади, который нацелен на исследование всех взаимосвязей и взаимозависимостей, характеризующих особенности разделения власти между государством и этническими автономиями. Методика позволяет на основе описания специфики отношений между центральной властью и этнической автономией, раскрытия глубинных процессов выделить сущностные характеристики каждого отдельного исследуемого случая. Применение кейс-стади представляется необходимым в связи с имплицитной возможностью данного метода акцентировать внимание на таких отношениях центральной власти и автономий, которые могут быть упущены из виду при использовании иных методов. Полученные в ходе реализации метода кейс-стади данные по каждому случаю можно использовать для проведения сравнительного анализа.

Среди количественных методов внимания заслуживают корреляционный и регрессионный анализы. В контексте исследования территориально-этнических автономий количественные методы позволяют ответить на вопрос о влиянии социально-экономических условий на объем политических полномочий территориально-этнических автономий, а также характер взаимоотношений между центральной властью и автономией. Данные методы позволяют оценить статистическую взаимосвязь между уровнем социо-экономического развития автономии и ее объемом приобретенных полномочий, если таковая имеется.

Еще одним инструментом для оценки полномочий территориально-этнических автономий является индексный анализ, который позволит соотнести непосредственно несоизмеримые данные из результатов кейс-стади и сравнительного исследования с последующим формальным ранжированием различных автономий. Числовое обозначение уровня автономии позволит замерить реальные политические возможности региона и его властный потенциал в отношениях с центром. Результатом замеров станет Индекс вертикальной деволюции в территориально-этнических автономиях, который позволит отобразить автономии исходя из их политического потенциала. Для этого целесообразно планировать кодирование каждого индикатора, когда группы полномочий ранжируются по их значимости для статуса автономии. Исходя из этого, каждая группа полномочий получит свой коэффициент значимости. Далее внутри каждой группы оценка каждого индикатора будет производиться по бинарной системе (от 0 до 1). Числовое значение полномочий суммируется для получения индекса по соответствующей группе. Создание данного

индекса позволит сформировать представление о реальном политическом потенциале автономий и их роли в отношениях с центральной властью. Кроме того, индекс предоставит возможность наглядной оценки значения различных групп полномочий в формировании потенциала этнической автономии.

По итогам индексного анализа и ранжирования этнических автономий по их политическому потенциалу будет произведено распределение единиц исследования по группам исходя из перечня полномочий автономии, сложившегося характера отношений между центральной властью и автономией; преобладания формальных или неформальных практик в отношениях автономии и центральной власти. Итогом такого деления автономий станет создание типов\моделей распределения власти в этнических автономиях.

Описывая подходы и методику сравнительного исследования территориальных этнических автономий, мы вовсе не претендуем на непогрешимость. Процедура использования сравнительного метода при изучении многообразного мира автономий может и должна совершенствоваться.

Список литературы

1. Anderson L., Costa C. (2016) Survival of the Fittest: Explaining the Success of Ethnic Autonomy Arrangements. *Swiss Political Science Review* 22(4): 516–544.
2. Ghai Y. (2013) Introduction: Nature and origins of autonomy. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 1–31.
3. Schmidt U. (2008) *Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities*. ECMI Issue Brief, 18. 15 p.
4. Shaykhutdinov R. (2010) Give Peace a Chance: Nonviolent Protest and the Creation of Territorial Autonomy Arrangements. *Journal of Peace Research* 47(2): 179–191.
5. Wolff St. (2011) Managing Ethnic Conflict: The Merits and Perils of Territorial Accommodation. *Political Studies Review* 9(1): 26–41.
6. Woodman S., Ghai Y. (2013) Comparative Perspectives on institutional Frameworks for Autonomy. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 449 – 486.
7. *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств* (2017). Под ред. П.В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 213 с.
8. Мочалов А.Н. (2017) Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС). *Право. Журнал Высшей школы экономики* 3: 154–173.
9. Панов П.В. (2016) Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных. *Вестник Пермского университета. Политология* 4: 66–93.

COMPARATIVE STUDY OF TERRITORIAL ETHNIC AUTONOMIES

Dr Midkhat Kh. FARUKSHIN – Professor, Department of Political Science, Kazan Federal University.

ORCID: 0000-0003-0004-4559. E-mail: Midkhat.Farukshin@kpfu.ru
35 Kremlevskaya Street, Bld. 14/2, Kazan, Russia.

Dr Aigul R. ZARIPOVA – Associate Professor, Department of Political Science, Kazan Federal University.

ORCID: 0000-0002-5810-5986. E-mail: AigulRaisZaripova@kpfu.ru
35 Kremlevskaya Street, Bld. 14/2, Kazan, Russia.

Received May 18, 2021

Accepted June 8, 2023

Abstract: The article discusses the approaches and methods of territorial ethnic autonomies comparative research that are part of both federal and unitary states. The statement on the dual role that these autonomies play is substantiated. The analysis of autonomous communities to assess positive and negative practices is possible only on the basis of comparison. The general features of autonomies are shown depending on the form of government. The influence of the ethnic factor on the autonomy and state institutions is revealed. The research focused on comparative analysis of ethnic autonomies, including the definition of the main comparison options for studying the distribution of power between the autonomy and the state, the selection of indicators that reveal them. The article reveals the possibilities of processing the obtained data for each group of indicators using quantitative and qualitative research methods.

Keywords: territorial ethnic autonomy, comparative method, case studies, comparison options, indicators, index analysis, ranking

References:

1. Anderson L., Costa C. (2016) Survival of the Fittest: Explaining the Success of Ethnic Autonomy Arrangements. *Swiss Political Science Review* 22(4): 516–544.
2. Ghai Y. (2013) Introduction: Nature and Origins of Autonomy. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 1–31.
3. Schmidt U. (2008) *Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities*. ECMI Issue Brief, 18. 15 p.
4. Shaykhutdinov R. (2010) Give Peace a Chance: Nonviolent Protest and the Creation of territorial autonomy arrangements. *Journal of Peace Research* 47(2): 179–191.
5. Wolff St. (2011) Managing Ethnic Conflict: The Merits and Perils of Territorial Accommodation. *Political Studies Review* 9(1): 26–41.
6. Woodman S., Ghai Y. (2013) *Comparative perspectives on institutional frameworks for autonomy*. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 449–486.

7. *Balansiruya prityazaniya: etnicheskiye regional'nyye avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv* [Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomy, State Integrity, and Ethnic Minority Rights] (2017) Ed. P. Panov. Moscow: Political encyclopedia, 231 p. (In Russian).
8. Mochalov A.N. (2017) Territorial'noye ustroystvo gosudarstva kak sposob upravleniya etnicheskim mnogoobraziyem (konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye v stranakh BRIKS) [Territorial Structure of State as a Tool of Ethnic Diversity Management (Constitutional Law Regulation in the BRICS Countries)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics] 3: 154–173. (In Russian).
9. Panov P.V. (2016) Mir etnicheskikh regional'nykh avtonomiy: predstavleniye novoy bazy dannykh [The World of Ethnic Regional Autonomies: Introducing a New Database]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science] 4: 66–93. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ ЛОББИРОВАНИЯ КРУПНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ГЛОБАЛЬНОГО МЕГАПОЛИСА (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ПРОГРАММЫ РЕНОВАЦИИ) – I

Андрей ДЕГТЯРЕВ
РУДН им. П. Лумумбы

Артём ПОТАПКИН
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье рассматривается лоббистская активность корпорации ПИК в контексте политико-управленческой динамики глобального мегаполиса Москвы. Для осуществления целей этого исследования в научный оборот вводится и обосновывается концепция «конверсии» как циклического процесса учета и инкорпорирования в публичную повестку глобального мегаполиса интересов отдельных крупных бизнес-организаций как социально-политических стейкхолдеров в рамках их основной деятельности по производству ренты и максимизации прибыли. В первой части статьи предпринимается анализ учета воздействия международного контекста, комплекса условий и факторов на осуществление строительной политики и ведение лоббистской деятельности крупным девелоперским бизнесом. В работе проводится и обосновывается аналитическое разграничение общих категорий «лоббирования» как микрополитической активности негосударственных стейкхолдеров, с одной стороны, и, с другой, – «лоббизма» как отраслевой макросистемы функционального представительства интересов.

Ключевые слова: лоббистская деятельность, глобальный мегаполис, микролоббирование, конверсия представления интересов, макросистема отраслевого лоббизма

Дегтярев Андрей Алексеевич – кандидат философских наук, доцент РУДН им. П. Лумумбы.
ORCID: 0000-0001-8167-209. E-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Потапкин Артём Сергеевич – магистрант Факультета управления и политики, МГИМО МИД России.
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук «Механизм участия бизнес-организаций в макродинамике политико-управленческого процесса современной России (анализ осуществления влияния на отраслевую регуляторную политику федеральных органов государственной власти)».

Социально-политическая и экономическая жизнедеятельность Москвы как столичного и мирового мегаполиса имеет важное значение на национально-государственном и региональном (субнациональном) «макроуровне» общественного развития, в рамках «микроуровня» политической активности его ключевых стейкхолдеров и в аспектах наднациональной и международной политики, то есть на еще более высоких «мегауровнях». Подобное комплексное взаимодействие особенно ярко проявляется в ходе анализа таких «мегаполисных мегапроектов», как Программа реновации жилья, которая началась в Москве в середине 2010-х гг., а затраты на нее уже измеряются миллионами запланированных и построенных квадратных метров и триллионами рублей инвестиций городского бюджета и корпоративного сектора.

В данной работе предпринимается попытка выяснить ряд вопросов, связанных с некоторыми особенностями политической динамики в ходе управления глобальным мегаполисом Москвой. В частности, рассматриваются органично встроенные в социально-политическую динамику циклически-трансформационные взаимоотношения между лоббированием крупных девелоперских бизнес-организаций (на примере компании ПИК), *представлением* их интересов на микроуровне, и макроуровнем функционирования строительного лоббизма как отраслевой подсистемы функционального *представительства*. В качестве рабочей модели в данном исследовании в научный оборот вводится концепция «*спатиально-уровневой конверсии*», отражающая циклический процесс учета (инкорпорирования) индивидуального и группового интереса акционеров и бизнес-организаций как политических агентов-стейкхолдеров (в рамках их деятельности по производству политической ренты и максимизации экономической прибыли) в трансформационном цикле построения комплексной структуры «формулы интересов» и государственно-управленческого определения общественной проблемы (публичной повестки) посредством их представления, продвижения и осуществления политического влияния. Для решения задачи использовался качественный метод кейс-стади (дополненный анализом документов, включенным наблюдением и экспертными интервью¹), связанный с анализом хода проактивного участия компании ПИК в продвижении самой крупной в России и Европе городской Программы московской реновации (ПМР).

Методологические аспекты интерпретации структуры лоббистской сферы представления и представительства интересов

Прошло почти три десятилетия с тех пор, как в России сформировалась многоукладная структура новых рыночных отношений, а также сложилась постсоветская политическая система. В этих условиях произошло образование двух базовых подсистем репрезентации социальных интересов – «пря-

¹ Для сбора эмпирических данных с последующей их обработкой была проведена серия из 32 экспертных интервью с городскими депутатами Мосгордумы и районных советов Москвы, работниками столичной администрации, отраслевых научно-аналитических центров, архитектурно-планировочных организаций и др.

мого» (президентско-парламентского) и «функционального» (лоббистского) представительства. Параллельно с этими макросоциальными процессами, возможно, не слишком заметно, происходит рекрутирование и складывание целой армии профессиональных лоббистов, работающих в GR-отделах крупных корпораций, в структуре деловых ассоциаций (отраслевых и межсекторных) и в консалтинговых фирмах. Эти специалисты занимаются так называемым «представлением и продвижением» частных интересов бизнес-организаций (прежде всего, крупных корпораций) в комплексном пространстве публичной политики для оказания влияния на процессы принятия решений органами государственной власти (ОГВ). За последнюю четверть века в России возникли и первые профессиональные объединения российских лоббистов – Ассоциация специалистов по связям бизнеса и государства (GR-Лига) и Национальный союз лоббистов (НСЛ). Появилось также полдюжины проектов федеральных законов по регулированию лоббистской деятельности и институционализации механизма представления и продвижения интересов, то есть созданию нормативно-правовой базы системы российского лоббизма. Был подготовлен проект профессионального стандарта «Специалист по взаимодействию с органами государственной и муниципальной власти, некоммерческими организациями, представлению и продвижению интересов»².

Современные исследования в рамках данной области осуществляют преимущественно на объемном междисциплинарном поле, состоящем из разработок специалистов, прежде всего, в сфере политологии, с учетом знаний из социологии и экономики, корпоративного и социального управления. В то же время, несмотря на комплексный характер указанной проблематики, можно выделить три базовых проблемно-тематических блока, в границах которых уже разрабатывается данное исследовательское направление.

В первой подгруппе сформировался обширный кластер традиционной-политологической литературы по описанию процессов *лоббирования* как микрополитической структуры деятельности по осуществлению влияния различных негосударственных организаций на ОГВ (Автономов, 2004; Сморгунов, 2016; Nownes, 2006; Baumgartner, Berry, Hojnacki et al., 2009; Drutman, 2015). С 1980-х гг. появляется новая волна исследований и публикаций по корпоративной политической активности (*corporate political activity*), то есть микрополитическому поведению и деятельности современных крупных корпораций в различных отраслях экономической и социальной политики (Перегудов, 2006; Hillman, Hitt, 1999; Lawton, McGuire, Rajwani, 2013; Schuler, Rehbein, Green, 2019)³.

² Профессиональный стандарт (проект) «Специалист по взаимодействию с органами государственной и муниципальной власти, некоммерческими организациями, представлению и продвижению интересов (лоббист). Ачкасова В.А., Минтусов И.Е., Филатова И.Г., ред. (2021) *GR и лоббизм: теория и технологии: учебник для вузов. 2-е изд.* Москва: Издательство «Юрайт».

³ DeNicola P., Freed B.F., Passantino S.C., and Sandstrom K.J. (2010) *Handbook of Corporate Political Activity: Emerging Corporate Government Issues*. New York, The Conference Board.

Вторая подгруппа традиционной политологической литературы содержит достаточно большой объем информации и разветвленную проблематику по лоббизму как макрополитической структуре, то есть общей подсистеме функционального представительства групповых интересов и институту правовой и политической системы (Белоусов, 2005; Парвоз, 2016; Каневский, 2019; Berry, Wilcox, 2018).

И, наконец, особо выделяется третья подгруппа политологических трудов (хотя пока трудно относить ее к мейнстриму), связанная с проблемой трансформации индивидуально-группового поведения в деятельность микроорганизаций и ее преобразования затем уже в функционирование макрополитических институтов, то есть затрагивающая как раз комплексные вопросы микро-макро-переходов (т.е. механизмы «спатальной конверсии») (Береттеникова, Шатковская, 2012; Дегтярев, 2020; Eulau, 1969; Eulau, 1996; Morgan, 2011; Dahan, 2013).

Следует дать оценку современному состоянию разработанности данной проблемной области. Во-первых, в российской литературе по лоббизму еще не сформировалось единого и стройного категориально-терминологического аппарата для описания всей этой субдисциплинарной области. Прежде всего, зачастую путаются или отождествляются базовые категории лоббизма и лоббирования. Категория «лоббизм» (*lobbyism*) связана, прежде всего, с макроуровнями интегральной активности и их системно-структурными характеристиками, в то время как понятие «лоббирование» (*lobbying*) больше описывает микроуровни лоббистской активности, рентаобразующей деятельности и стратегий политического поведения негосударственных агентов. Это частный случай пока что не обозначенной и преодолеваемой дилеммы «микроагент – макроструктура», стоящей в классической социальной теории. И здесь доминирует редуцирующая стилистика (за исключением анализа элитных группировок), когда комплексная и конфликтная структура социально-политического представительства интересов порой сводится к весьма упрощенным макромоделям, где отдельный агент довольно легко продвигает свои интересы по очищенным от внешних помех и действий «недрузгов» эталонным каналам коммуникации. В то же время в анализе ряда современных процессов политического участия требуется нередко описать и объяснить переход (*конверсию*) к иной исследовательской оптике, образно говоря, от «мелкой клетки» стратегии и тактики действий микроакторов (на основе индивидуальных и групповых ценностей и интересов) к более «крупной клетке», то есть от их реагирования на «прямое» и исходное воздействие макрофакторов вплоть до его результатов и последствий «обратного» микродействия на последующую макротрансформацию.

Во-вторых, в зарубежной специальной литературе имеется большое разнообразие вариантов идентификации поведения микроагентов (концепты акторов и агентов, участников и стейкхолдеров, и пр.) лоббирования. При этом также несколько упрощается их взаимосвязь, которую нередко сводят

лишь к самому наличию некоего «макροокружения» как условия организации микроактивности лоббистов (Dörrenbächer, Geppert, 2009; Berry, Wilcox, 2018). В итоге пока трудно обнаружить и удовлетворительное «разведение и соединение» (с его релевантным обоснованием) *концепта «лоббизм»* как макрополитической подсистемы функционального представительства интересов (используемый наряду с концептом «партийно-электоральная система» прямого представительства интересов) с концептом *«лоббирование»* как микрополитической деятельности и линии поведения негосударственных акторов по оказанию влияния и давления на центры принятия и осуществления государственных решений, которое в своей совокупности и образует динамическую макроструктуру. Пока что практически нет разделяемых большинством специалистов концептуальных разработок для четкого различения и ясного разграничения иерархического места агентов (носителей и представителей интересов) в рамках «представительства» интересов в *макросистеме* функционирования «лоббизма» с их же ролью «представления» интересов уже в *микросистеме* осуществления «лоббирования».

Поэтому для решения проблемы различения и построения многоуровневой структуры и динамики лоббистских действий (лоббирования) агентов и устойчивых систем взаимоотношений (лоббизма), попробуем выделить основные уровни и типы взаимодействий субъектов негосударственного влияния и агентов публичного властвования, рассматривая их в некоей линейной и редуцированной логике продвижения «снизу вверх», от индивидуальных интересов бизнесменов и их групповых носителей до сложнейшей и гиперкомплексной комбинаторики партикулярных и национальных интересов в международных (транснациональных и наднациональных) лоббистских альянсах глобального бизнеса.

Во-первых, в «микроформате» исходные взаимодействия лоббирующего субъекта с лоббируемым агентом могут выражаться в личностной проекции взаимоотношения собственника-акционера и топ-менеджера крупного бизнеса, иницирующего представления индивидуальных и партикулярных интересов, с уполномоченным чиновником как представителем государственного органа. Так же как они возможны и на уровне малых групп руководящих бизнесменов, постепенно продвигающих интересы своего бизнеса в публичную повестку, через диалог группировок экономической и политической элиты (например, в рамках элитарных клубов и собраний).

Во-вторых, на «мезоуровне» подключаются уже общие ресурсы лоббирования секторальных организаций бизнеса, в том числе, направленное воздействие GR-подразделений корпораций и деловых ассоциаций, которые оказывают совместное влияние на профильные подразделения (департаменты и отделы) отраслевых ОГВ, то есть министерств и ведомств.

В-третьих, на «макроуровне» функционирования политической системы и публично-государственной политики (где принимаются итоговые решения) корпоративные интересы и проблемы продвигаются в национальную (фе-

деральную и региональную) повестку крупными коалициями, включающими различных стейкхолдеров (от менеджмента и персонала фирмы до профсоюзов и деловых ассоциаций, партий и СМИ, и др.).

Наконец, в-четвертых, возможен также вариант взаимодействия национально-государственных и наднациональных агентов бизнеса и на «мегауровне», как это происходит с современной динамикой системы евролоббизма, в рамках которой активно продвигают свои интересы многие транснациональные компании (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ). Указанные выше уровни и подуровни взаимодействия лоббирующих субъектов и лоббируемых объектов в более развернутом и систематизированном формате можно представить в табличном виде (см. таблицу).

Таблица. Уровни и типы взаимодействия государственных и негосударственных агентов

Table. Levels and types of interaction between state and non-state agents

Уровни / типы взаимодействия	Агенты взаимодействия	
	субъекты влияния (агенты негосударственного влияния)	объекты влияния (агенты публичного властвования)
<i>Микроуровень</i>		
межличностный (интерперсональный)	индивидуальные представители организаций 2-го и 3-го секторов	персональные уполномоченные госслужащие 1-го сектора
микрогрупповой (малые группы)	малые группы гражданского общества (сетевые стейкхолдеры / «клики») 2-го и 3-го секторов	малые группы политэлиты / госбюрократии (политико-бюрократические группировки / «кланы») 1-го сектора
<i>Мезоуровень</i>		
мезогрупповой (большие группы)	социально-адресные группы сегменты гражданского общества / сетевые коалиции стейкхолдеров	элитные и бюрократические группировки (сегменты политической элиты / отраслевой государственной бюрократии)
межорганизационный	автономные организации гражданского общества / деловые ассоциации и саморегулируемые организации / НКО	структурные / автономные подразделения (организации) различных институтов государства
<i>Макроуровень</i>		
локально-региональный (субинституциональный)	локально-региональные субинституты гражданского общества	локально-региональные субинституты государства
межинституциональный	центральные институты гражданского общества	центральные институты национального государства

межсекторальный	2-й сектор (бизнес-управление) 3-й сектор (НГО-управление)	1-й сектор (государственное управление)
<i>Мегауровень</i>		
кросснациональный	зарубежные (национальные) корпорации / общественные объединения и НКО	национальные (зарубежные) органы государственной власти (ОГВ)
транснациональный	транснациональные корпорации международные социальные движения и НКО	национальные органы государственной власти (ОГВ)
супранациональный (надгосударственный)	бизнес-корпорации социальные движения общественные объединения и НКО	наднациональные институты (ЕС и ЕАЭС)
глобальный	транснациональные корпорации международные социальные движения и НКО	международные правительственные организации

Возможно, дальше всех в вопросах *пространственной динамики между-уровневых переходов* пока что продвинулись социологи в рамках новых разработок общесоциальной парадигмы «структура-агент (*structure-agency*)» (М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка, и др.), в соответствии с которой произошло размежевание обширного концептуального поля на два типа метаподходов – «холистских» и «активистских». Также отметим, что указанная проблема давно нашла свое место в рамках классического разграничения макро- и микро-экономических процессов, например, предметных областей теорий рынка и фирмы. В политологии же попытки теоретической разработки проблем «*микро-макро-перехода*» в политических процессах (в рамках флуктуирующего пространственного континуума их «жизненных циклов») осуществлялись в рамках базовых «активистских» подходов: бихевиорализма (Eulau, 1969; Eulau, 1996), рационального выбора и групповой репрезентации (Baumgartner, Leech, 1998). В контексте «холистского» системно-функционального подхода Д. Истоном была выдвинута весьма продуктивная (и основополагающая для данного дискурса) идея «*конверсии*» частно-социальных требований в интегральные публичные решения, а Г. Алмондом также была разработана интересная методологическая схема «*микро-макро-перехода*» – начиная от политической социализации и идентификации к артикуляции, и затем – от агрегирования частных интересов – к общей и интегральной «формуле интересов» при выработке и принятии уже публичного решения (Almond, Bingham Powell, 1988).

В этой связи возникает следующий исследовательский вопрос: каким образом происходит процесс постепенной трансформации активности носителей экономических интересов и драйверов социально-политических проблем – от микроуровня (индивидуальных носителей и их делегатов-представителей партикулярных интересов) до макроуровня (образования широких альянсов и компромиссных соглашений в рамках лоббистской системы взаимоотношений с комплексными «формулами интересов»), какие этапы данного процесса существуют, и в каких форматах он проходит? Для ответа на вопрос потребуются некая оригинальная и концептуальная разработка в рамках общей логики *микро-макро-перехода*. Но здесь же одновременно и закономерно возникает вопрос роли и значения «верхних» наднациональных и международных мегафакторов в городской политической динамике, а также степени учета их воздействия на процессы лоббирования крупного корпоративного бизнеса.

Проблема учета международного контекста в политической динамике управления московским мегаполисом

В ходе основных этапов разработки и реализации комплекса городских решений, связанных с долгосрочным реновационным мегапроектом, ощути-мо переплелись и столкнулись многие векторы и линии поведения разнородных политических акторов: городской бюрократии и депутатского корпуса, отечественных девелоперов и профессиональных лоббистов, иностранных инвесторов и рабочих-строителей, городских жителей и общественных активистов, а также местных сообществ граждан (например, семей-резидентов и домохозяйств трудовых мигрантов) и групп бизнес-интересов из стран СНГ. К примеру, в постковидный период начала 2020-х гг. Мэрия Москвы анонсировала планы резкого ограничения числа и квоты иностранных трудовых мигрантов от общего числа рабочей силы, занятой в городском строительном секторе⁴. Вероятность принятия такого решения почти сразу же вызвала весьма умело скоординированную лоббистскую контрактивность девелоперских корпораций и основных строительных компаний, обычно жестко конкурирующих между собой на московском отраслевом рынке недвижимости.

В отечественной литературе уже около двух десятилетий достаточно активно обсуждаются вопросы о роли глобальных городов в политико-экономической системе мировых и международных взаимодействий (Сассен, 2007; Федякин, 2015; Лебедева, 2019), а также проблемы взаимосвязи международных и внутренних факторов политического управления мегаполисами, в рамках которого аккумулируются и размещаются, распределяются и контролируются огромные финансово-экономические и социально-демографические ресурсы общества (Прохоров, 2021; Beissinger, 2022). Кроме указанных

⁴ Собянин поручил уменьшить число мигрантов на стройках по реновации (2021). *Интерфакс*. 17 ноября, 2021. Available at: <https://www.interfax.ru/moscow/803530> (дата обращения: 20.03.2022).

концепций глобального города и мирового мегаполиса, известный интерес для методологии анализа комплексной динамики и многомерной системы управления Москвой могут представлять также концепты «многоуровневого управления» в мирополитическом континууме (Чихарев, Рамонова, 2011: 10), «микрopolитики в глобальном контексте» (Мусиенко, 2003: 87–97), и, наконец, некоторые модели «глокализации» (Кирьянова, 2007: 50–52). И следует здесь особенно выделить статью Т.В. Мусиенко «Генезис микрopolитики как области компаративного политического знания», в которой поднимаются важные вопросы сравнительного анализа микрopolитических процессов в мультиуровневом пространственном измерении (Мусиенко, 2001).

Важно отметить, что даже в нынешний непростой период Москва взаимодействует с другими столицами, регионами и государствами на всех континентах и на самых различных уровнях, поддерживая контакты с более чем 150 зарубежными городами и регионами в 97 странах мира. В этой комплексной системе происходит взаимодействие различных мега-, макро- и микропроцессов, их факторов и акторов в динамике столичной городской политики. Данные уровневые взаимосвязи влияют, прежде всего, на формирование общественно-политической повестки как московской региональной (субнациональной) политики, так и ряда отраслевых повесток государственной политики некоторых стран СНГ (доходы резидентских домохозяйств мигрантов и др.).

Обозначенное выше взаимодействие распадается на целый комплекс «прямых» и «обратных» связей. С одной стороны, международные условия прямо и косвенно воздействуют на деятельность и поведение макроакторов городской власти и управления (Мэрии и Московской городской думы (МГД)), поскольку последним приходится учитывать различные наднациональные условия и мегафакторы: продвижение интересов транснациональных и крупных национальных корпораций, работающих в политико-экономическом пространстве Москвы, проявление интересов миллионов зарубежных мигрантов из стран СНГ, осуществляющих трудовую деятельность в юрисдикции российского мегаполиса. С другой стороны, целый ряд современных результатов осуществления московской социально-экономической политики может влиять на положение таких заинтересованных акторов в зарубежных государствах, как, к примеру, развитие домохозяйств трудовых мигрантов из стран СНГ, получающих финансовую поддержку из ресурсов столичного бюджета и городского бизнеса.

Авторы полагают, что *глобальный (мировой) мегаполис* – это современный вид организации сверхкрупного городского поселения в относительно компактном социально-территориальном пространстве, который отличается от других исторических видов поселений своими специфическими демографическими (свыше 5–10 млн чел. населения и др.), финансово-экономическими (постиндустриальный и инновационный центр с крупнейшим валовым региональным продуктом (ВРП), финансово-инвестиционный хаб и др.), социокультурными (резервуар современных субкультур и др.), политико-управленческими (гиперкомплексное и многоуровневое городское управление и др.),

научно-техническими (концентрация интеллектуальных и технологических ресурсов и др.), информационно-коммуникативными (наличие особых средств массовой коммуникации (СМК) как коммуникативных центров-генераторов и др.) характеристиками, и наконец, трансгранично-сетевыми и мирополитическими взаимодействиями с зарубежными государствами, международными организациями, транснациональными корпорациями и другими глобальными акторами.

Возникает вопрос о характере подобных «прямых» связей – международных факторах и условиях осуществления экономической и социальной макрополитики в рамках московского мегаполиса, их воздействии на деятельность строительного комплекса и крупнейших девелоперских компаний как его базовых акторов, а также о роли зарубежных инвесторов программ строительства столичной недвижимости. И подобные «мега-макро» связи следует сгруппировать в два основных кластера – экономический и социальный.

Экономический блок подразумевает совокупное влияние ряда мегафакторов на процессы городского управления московским мегаполисом, связанные с прямым участием подразделений международного (иностранного и транснационального) бизнеса в функционировании и развитии столичной экономики. Данное участие распадается на следующие направления: организация работы городских предприятий промышленности, торговли и сферы услуг как филиальных подразделений зарубежного бизнеса; инвестиционное воздействие зарубежных финансовых ресурсов на экономическую жизнь столицы; владение и управление объектами недвижимости в Москве для осуществления деловой активности; воздействие и применение инновационных техник и технологий на модернизацию промышленных процессов в Москве; воспроизводство потоков зарубежных туристов, приезжающих в Москву и влияющих на развитие сектора гостеприимства в экономике города и т. д.

Многолетняя практика организации работы городских предприятий промышленности, торговли и сферы услуг как филиалов организаций зарубежного бизнеса динамично расширяла налоговую базу для городского бюджета, создавала новые рабочие места и привносила в текущий оборот новые управленческие технологии. Характерным примером выступала деятельность компании «*Renault* Россия» в Москве по производству легковых автомобилей, ярко демонстрировавшая такое направление зарубежного участия вплоть до ее ухода с московского рынка в мае 2022 г.

Ощутимо сказывалось воздействие потоков инвестиций зарубежных финансовых агентов и кумулятивное влияние их крупных ресурсов на экономическую активность столицы. Например, анализируемая в данной статье крупная строительная компания ПИК не так давно размещала ценные бумаги *SPO*, причем чистая выручка девелопера от *SPO* составила 35,9 млрд руб., а координаторами размещения выступали такие крупнейшие банки, как *JPMorgan*, *Morgan Stanley* и *Credit Suisse*. Размещение акций ПИК стало крупнейшей публичной продажей в строительной отрасли за последнее де-

сятилетие, где около 60% инвестиций пришлось на иностранных инвесторов⁵. Кроме того, уже более 10 лет (2012–2022 гг.) в структуре Мэрии Москвы издается специализированный ежеквартальный журнал *Capital Ideas* для зарубежных бизнесменов и инвесторов в московскую экономику, в том числе, привлекающий их деловое внимание для вхождения в московскую программу реновации. На начало 2022 г. доля остатков прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономике Москвы составляла 251,4 млрд долл. США, а общий объем остатков зарубежного участия в капитале московских предприятий составил почти 202,4 млрд долл. США⁶.

Здесь следует также отметить приобретение, владение и контроль объектов недвижимости в Москве для ведения деловой активности, которые прямо влияют на ход строительной политики. В 2022 г. иностранные компании владели в Москве почти 6 млн кв. метров коммерческой недвижимости. И самая большая доля иностранных собственников в Москве была в торговых центрах, где им принадлежало 18% площадей, или 1,2 млн кв. метров недвижимости⁷. Наконец, зарубежный бизнес оказывает инновационное технико-технологическое воздействие на производственно-экономические процессы в Москве, поскольку вплоть до начала специальной военной операции (СВО) на Украине и последовавших экономических санкций ряд крупных корпораций и зарубежных фирм были одним из базовых драйверов инноваций в городской экономике (Боос, Гохберг, Иванова и др., 2021: 20–24).

Тесно примыкающий к нему социальный блок взаимосвязей включает в себя воздействие на московскую политику труда и занятости; обмен зарубежным опытом и кадровое удовлетворение городских потребностей путем притока в столицу сообщества зарубежных высококвалифицированных специалистов и менеджеров; влияние на этнонациональную и мультикультурную политику Москвы, осуществляемое столичной Мэрией и Московской городской думой; учет и заимствование международного и сетевого опыта управления мегаполисами, городского планирования и ведения градостроительства; общее воздействие деятельности зарубежных трудовых мигрантов на развитие городского ландшафта и местной культуры.

Кратко отметим здесь и воздействие зарубежных трудовых ресурсов на развитие городского хозяйства и социальной сферы города, поскольку город продолжает испытывать потребности в рабочей силе. К примеру, на столичных стройках иностранных рабочих было 62 тыс. человек и не хватало еще 5 тыс. работников⁸. К этому же имело отношение и длительное кадровое воз-

⁵ Группа ПИК привлекла ₴36 млрд в ходе SPO (2021). *РБК*. 01 октября, 2021. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/6156b50e9a7947594ecd813a> (дата обращения: 22.03.2022).

⁶ Иностранные инвестиции в экономике Москвы по итогам 2021 года (2021). *Официальный сайт Мэра Москвы*. б.д. Available at: <https://www.mos.ru/dvms/function/napravlenie-deyatelnosti/inostrannye-investicii/> (accessed 22.03.2022).

⁷ Иностранцы оказались владельцами каждого восьмого коммерческого объекта (2022). *РБК*. 29 апреля, 2022. Available at: <https://www.rbc.ru/business/29/04/2022/626a42fe9a7947575e4086ff> (дата обращения: 25.06.2022).

действие притока в столицу профессионального сообщества зарубежных высококвалифицированных специалистов и менеджеров. До начала СВО к указанным факторам примыкала также и постоянно растущая динамика потоков зарубежных туристов, приезжающих в Москву, что оказывало существенное влияние на состояние соответствующего городского сектора. А предыдущий фактор уже опосредованно воздействует еще и на развитие этноконфессиональной и мультикультуральной политики Москвы для интеграции части мигрантов в городское сообщество и городскую культуру, которая уже более четверти века осуществляется московскими органами власти (Мэрией и МГД). И, наконец, здесь нужно также учитывать заимствование международного и сетевого опыта управления современными мегаполисами, городского планирования и ведения градостроительства.

Для ранее определенных задач данной работы рассмотрим вопрос об упомянутых выше «обратных» связях как направлении воздействия уже некоторых результатов осуществления московской региональной и отраслевой политики на социально-экономическое развитие в ряде зарубежных стран, в частности, в рамках отраслевых повесток некоторых государств ближнего и дальнего зарубежья. Во-первых, это касается общих результатов (и поистине теперь глобальной) внешнеэкономической деятельности Москвы. По имеющимся данным Департамента внешнеэкономических и международных связей Мэрии Москвы, в 2021 г. зарегистрированные в Москве предприятия и организации осуществляли торговые операции с 232 странами мира, а внешнеторговый оборот между зарегистрированными в Москве организациями и зарубежными партнерами по итогам 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличился на 40,5 % и составил около 335 млрд долл.⁹

Следующий момент касается уже собственно отраслевой строительной политики Москвы. За последние пять лет в ходе развертывания программы московской реновации существенно увеличился общий объем производства материалов для городского стройкомплекса, в результате чего вырос и объем экспортно-импортных операций, сопутствующих нынешнему московскому строительному буму. По словам руководителя городского департамента инвестиционной и промышленной политики А.В. Прохорова, экспорт стройматериалов из Москвы за первые восемь месяцев 2021 г. достиг объема в 279,81 млн долл., что на 38,1% больше показателя за аналогичный период годом ранее¹⁰.

⁸ Стройка Москвы не хватает 5 тысяч рабочих (2022). *Интерфакс*. 29 июня, 2022. Available at: <https://www.interfax.ru/moscow/849438> (дата обращения: 27.08.2022).

⁹ Внешняя торговля Москвы по итогам 2021 года (2021). *Официальный сайт Мэра Москвы*. б.д. Available at: <https://www.mos.ru/dvms/function/napravlenie-deyatelnosti/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (дата обращения: 22.03.2022).

¹⁰ Москва нарастила экспорт стройматериалов на 38,1% за январь–август (2021). *ТАСС*. 2 декабря, 2021. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/13087723> (дата обращения: 02.03.2022).

Наконец, следует отметить влияние хода миграции трудовых ресурсов в Москву и демографический отток рабочих мигрантов из ряда стран СНГ как на состояние занятости (снижение безработицы) в них, так и на уровень жизни и численности их народонаселения. Результаты привлечения мигрантов из ближнего зарубежья в городское хозяйство Москвы (прежде всего, в сферы строительства, ЖКХ, торговли и услуг) оказывают воздействие на социально-экономическое положение семей миллионов трудовых мигрантов ряда государств СНГ¹¹ и существенный рост доходов их домохозяйств, в том числе, за счет перечисления части зарплат трудовых мигрантов из Москвы. К примеру, в начале 2020-х гг. из 4,2 млрд долл., перечисленных в страны СНГ трудовыми мигрантами, на цели обеспечения семей уходило из них от 50 до 70%¹².

Вместо заключения: реконструкция и реновация и различия между ними

Таким образом, к существенным компонентам воздействия наднациональных мегафакторов на макропроцессы городского развития Москвы можно отнести роль использования зарубежных инвестиций, трудовых ресурсов мигрантов, экспортно-импортной политики в столичном стройсекторе и сопутствующих ему отраслях строительных материалов и инновационных технологий, а также необходимость и возможность учета мирового опыта в сфере современной урбанистики, управленческой и архитектурно-планировочной деятельности. И в частности, определенное позитивное влияние на инновационные процессы столичного развития должно оказывать компаративное изучение и использование продвинутого зарубежного опыта реформирования городской среды и модернизации старых районов массовой жилой застройки так называемого «индустриального периода».

Однако это также вызывает ряд вопросов. Каким образом государственным органам можно и нужно модернизировать уже сложившиеся микрорайоны панельной малоэтажной застройки в крупных городах мира? В чем заключаются базовые *альтернативы городского развития и модернизационного девелопмента*? Кроме мегаполисов и городов-миллионников в России, столкнувшихся с проблемами реформирования и обновления массовой городской застройки, крупные проекты по обновлению и санации жилого фонда проводились как в странах бывшего социалистического блока (Прибалтика, Чехия, Польша, восточная часть Германии (бывшая ГДР)), так и в развитых капиталистических странах (Франция, Финляндия, и др.). Как правило, эти проекты сводились к двум основным путям проектирования реформ. Первый путь заключался в умеренной *реконструкции* домов, т.е. обновлении их инфраструктуры, изменении размеров жилой площади, перепланировке

¹¹ В первую очередь это касается Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

¹² Трудовые мигранты смогут отправлять переводы на родину в кредит (2021). *Ведомости*. 5 октября, 2021. Available at: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2021/10/05/889841-trudovie-migranti> (дата обращения: 02.03.2022).

квартир, новому дизайну благоустройства среды. Второй путь, получивший в российском дискурсе вполне дипломатичное название «реновация», предполагал радикальный снос жилого фонда с переселением жителей в новые дома и изменение прежнего архитектурного дизайна микрорайона. При этом в ряде европейских государств основное предпочтение отдавалось первому варианту, например, в Чехии за последние десятилетия было снесено около 1% подобной массовой застройки, во Франции – лишь 3%, в Германии – 19%.

В настоящее время в экспертном сообществе существуют два базовых и альтернативных варианта для принятия политико-стратегических решений и долгосрочных программ в сфере современного городского развития и модернизационного деvelopeмента – *реконструкция* и *реновация*. В чем же заключаются преимущества первого и недостатки второго в свете критического анализа московского опыта? Во-первых, вариант умеренной реконструкции имеет ряд преимуществ перед альтернативой радикальной реновации, что связано с улучшением жилищных условий и модернизацией инфраструктуры дома; сохранением локальных сообществ микрорайонов; относительно незначительным уплотнением площади застройки; адекватным контролем над планированием и реализацией проектов инвесторами-застройщиками; бережным сохранением городской экологии; возможностью у жителей выступить в качестве соинвесторов (даже несколько приобрести на использовании ресурсов реконструкции) и пр. Во-вторых, вариант тотальной и радикальной реновации обычно характеризовался экспертным сообществом как не вполне обоснованный и имеющий целый ряд существенных недостатков, которые были связаны с дороговизной сноса и постройки новых коммуникаций; цикличностью строительства и выбытия массового жилья из строя; разрушением сложившихся местных сообществ; резким уплотнением застройки и повышением нагрузки на объекты социальной инфраструктуры и улично-дорожную сеть, а также негативным воздействием на городскую экологию и окружающую среду и т. п.

Как раз о подобных недостатках реновации (и на ярком контрасте с позитивным опытом реконструкции) подробно говорится в работе уфимского специалиста по компаративной политической урбанистике Марии Мельниковой «Не просто панельки: немецкий опыт работы с районами массовой застройки» (2020), где анализируется постсоциалистический эксперимент Германии по реконструкции панельных пятиэтажных зданий и заключается, что опыт московской реновации (как радикальный снос с новым строительством и переселением) по ряду негативных причин и последствий неприемлем для большинства российских крупных городов. По данному поводу она отмечает, что «инструмент Градостроительного Кодекса «Развитие застроенных территорий» чаще всего используется просто для сноса ветхого фонда с целью освобождения территорий под новое строительство» (Мельникова, 2020: 10–15). Таким образом, развитие городских территорий в России на городском уровне воспринимается как преобразование физического пространства, а не существенное повышение качества размещения и проживания людей.

Примерно к таким же выводам приходят ученые-урбанисты в рамках совместного исследовательского проекта Европейского университета, Тартуского университета и Института изучения социального пространства им. Лейбница «Жилье после трансформации» (2018–2021 гг.). Исследование предполагало всестороннее и компаративное рассмотрение подобных модернизационных процессов реконструкции при помощи проведения серии кейс-стади в микрорайонах массовой индустриальной застройки Берлина, Таллина, Санкт-Петербурга и др.¹³

Российские крупные девелоперы сумели пролоббировать в Москве длительную, объемную и затратную программу реновации. В процессе обсуждения проектов программы московской реновации частью экспертного сообщества приводились убедительные аргументы в пользу альтернативы реконструкции старого жилого фонда Москвы и против варианта реновационной реформы. Но, как говорится и нередко водится, «силу аргумента победил аргумент силы». Повышение высотности и плотности застройки затрудняет прямые коммуникации собственников жилья, формирование их гражданских объединений и управление многоквартирными домами ввиду увеличивающегося числа собственников, где их может насчитываться и более 1–2 тыс. чел. И в долгосрочной перспективе (30–50 лет) ситуация с моральным и физическим износом построенных панельных домов может повториться. Однако если учитывать коэффициент реновации по расчетам НПЦ «Развитие города», реконструировать и сносить придется площадь в 2,7 раза кв. метров больше. Далее, большой масштаб бюджетных расходов и высокие темпы строительства возможно не позволят выполнить обязательства в полном объеме, и, вероятно, параметры реновации в будущем могут быть пересмотрены. В итоге реновация спровоцирует отложенный спрос, поскольку москвичи, проживающие в сносимом жилье, будут терпеливо ждать бесплатного переселения в квартиру от города.

Как российским девелоперам удалось обосновать и пролоббировать дорогую и масштабную программу московской реновации? Каким образом получилось аргументировать необходимость принятия пакета публичных решений на федеральном и региональном уровнях? Попытку ответа на эти вопросы можно будет найти во второй части исследования.

Список литературы

1. Almond G.A. and Powell G.B. (eds) (1988) *Comparative Politics Today: A World View*. 4th ed. Glenview, Ill: Scott, Foresman/Little, Brown College Division.
2. Baumgartner F.R. and Leech B.L. (2001) *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press.

¹³ См. подробнее о результатах реализации политико-компаративных кейс-проектов “Estates After Transition (EAT)”. Available at: <https://www.estatetransition.org>

3. Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., et al. (2009) *Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why*. Chicago London: The University of Chicago Press.
4. Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
5. Berry J.M. and Wilcox C. (2018) *The Interest Group Society*. Sixth Edition. New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
6. Dahan N.M., Hadani M. and Schuler D.A. (2013) The Governance Challenges of Corporate Political Activity. *Business & Society* 52(3): 365–387. DOI: 10.1177/0007650313491470.
7. Dörrenbächer C. and Geppert M. (2009) Micro-political Games in the Multinational Corporation: The Case of Mandate Change. *Management Review* 20(4): 373–391. DOI: 10.5771/0935-9915-2009-4-373.
8. Drutman L. (2015) *The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate*. Oxford-New York, NY: Oxford University Press.
9. Eulau H. (1969) *Micro-Macro Political Analysis: Accents of Inquiry*. Chicago: Aldine Publishing Company.
10. Eulau H. (1996) *Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways through Complexity*. Norman: University of Oklahoma Press.
11. Hillman A.J. and Hitt M.A. (1999) Corporate Political Strategy Formulation: A Model of Approach, Participation, and Strategy Decisions. *The Academy of Management Review* 24(4): 825–842. DOI: 10.2307/259357.
12. Lawton T., McGuire S. and Rajwani T. (2013) Corporate Political Activity: A Literature Review and Research Agenda: Corporate Political Activity. *International Journal of Management Reviews* 15(1): 86–105. DOI: 10.1111/j.1468-2370.2012.00337.x.
13. Morgan G. (2011) Reflections on the Macro-Politics of Micro-Politics. In: Dörrenbächer C. and Geppert M. (eds) *Politics and Power in the Multinational Corporation: The Role of Institutions, Interests and Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 415–436. DOI: 10.1017/CBO9780511973352.014.
14. Nownes A.J. (2006) *Total Lobbying: What Lobbyists Want (and How They Try to Get It)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
15. Schuler D.A., Rehbein K. and Green C.D. (2019) Is Corporate Political Activity a Field? *Business & Society* 58(7): 1376–1405. DOI: 10.1177/0007650316680206.
16. Автономов А.С. (2004) *Азбука лоббирования*. Москва: Права человека.
17. Белоусов А.Б. (2005) *Лоббизм как политическая коммуникация*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН.
18. Боос В.О., Гохберг Л.М., Иванова Е.А. и др.; под ред. Гохберга Л.М., Куценко Е.С. (2021) *Инновационная Москва: стратегические вызовы и тактические ответы*. Доклад, НИУ ВШЭ, Москва. DOI: 10.17323/978-5-7598-2386-5.
19. Веретенникова О.Б., Шатковская Е.Г. (2012) Экономическая политика на макро- и микроуровнях. *Известия Иркутской государственной экономической академии* 2: 2.
20. Дегтярев А.А. (2020) «Дуальность оптики» политико-аналитической работы: проблема конверсии макро-микро-анализа в цикле GR-менеджмента. *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием*, Москва, 27–28 ноября 2020, с. 168–170. Москва: Московский педагогический государственный университет.
21. Каневский П.С. (2019) *Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ*. Москва: Канон.
22. Кириянова Н.Г. (2007) *Общество в контексте глобально-локальных отношений*. Томск: Дельтаплан.
23. Лебедева М.М. (2019) Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования* 1: 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16.

24. Мельникова М. (2020) *Не просто панельки: немецкий опыт работы с районами массовой застройки*. Уфа.
25. Мусиенко Т.В. (2001) Генезис микрополитики как области компаративного политического знания. *Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии* 4(17): 242–258.
26. Мусиенко Т.В. (2003) *Микрополитика в современном мире*. Москва: Наука.
27. Павроз А.В. (2016) *Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах*. Санкт-Петербург: Издательство Русской Христианской гуманитарной академии.
28. Перегудов С.П. (2006) *Крупная корпорация как субъект публичной политики*. Москва: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
29. Прохоров А.В. (2021) Стратегическое развитие мировых мегаполисов: систематизация факторов влияния. *Управление рисков* 4: 16–25.
30. Сассен С. (2007) Глобальный город: введение понятия. В книге: Слук А.Н. (отв. ред.) *Глобальный город: теория и реальность*. Москва: Аванглион, с. 9–27.
31. Сморгун Л.В. (2016) Взаимодействие государства и бизнеса в России: от лоббизма к корпоративной публичной политике. *Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление* 4(71): 100–104.
32. Федякин И.В. (2015) *Политика формирования и развития мегаполисов: зарубежные модели и российские реалии*. Москва: Социально-политическая мысль.
33. Чихарев И.А., Рамонова М.А. (2011) Понятие и основные концепции многоуровневого управления в мирополитическом дискурсе. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки* 5: 3–16.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1–2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-38-57

SPECIFIC FEATURES OF BIG CORPORATIONS LOBBYING IN THE POLITICAL DYNAMICS OF GLOBAL MEGAPOLIS (CASE OF THE HOUSING RENOVATION PROGRAM IN MOSCOW). PART 1

Dr Andrei A. DEGTYAREV – Associate Professor, RUDN University.
ORCID: 0000-0001-8167-209. E-mail: andrew.a.degtyarev@gmail.com
6 Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198.

Artem S. POTAPKIN – MA Student, School of Governance and Politics, MGIMO University.
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Acknowledgments: This research was supported by a grant from MGIMO University for the implementation of scientific work by young researchers under the guidance of doctors or candidates of science.

Abstract: The article addresses the micro-processes of the PJSC PIK's lobbying activity in the context of the political and managerial dynamics in the global (world) city of Moscow. The study introduces and substantiates the concept of "spatial conversion" as a cyclical process of considering and incorporating individual and group interests of individual top managers and business organizations as political stakeholders in the framework of their activities for the generation of political rent and maximizing economic profit. The first part of the paper analyzes the impact of the international context, its conditions and factors on the implementation of construction policy and lobbying of large developers. The article distinguishes between the terms "lobbying" as a micro-political activity carried out by non-government stakeholders and "lobbyism" as a system of functional interest representation in a specific area.

Keywords: lobbying activity, global (world) city, micro-lobbying, spatial conversion, macro-system of sectoral lobbyism

References:

1. Almond G.A. and Powell G.B. (eds) (1988) *Comparative Politics Today: A World View*. 4th ed. Glenview, Ill: Scott, Foresman/Little, Brown College Division.
2. Baumgartner F.R. and Leech B.L. (2001) *Basic Interests: The Importance of Groups in Politics and in Political Science*. Princeton: Princeton University Press.
3. Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., et al. (2009) *Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why*. Chicago London: The University of Chicago Press.
4. Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
5. Berry J.M. and Wilcox C. (2018) *The Interest Group Society*. Sixth Edition. New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
6. Dahan N.M., Hadani M. and Schuler D.A. (2013) The Governance Challenges of Corporate Political Activity. *Business & Society* 52(3): 365–387. DOI: 10.1177/0007650313491470.
7. Dörrenbächer C. and Geppert M. (2009) Micro-political Games in the Multinational Corporation: The Case of Mandate Change. *Management Review* 20(4): 373–391. DOI: 10.5771/0935-9915-2009-4-373.
8. Drutman L. (2015) *The Business of America Is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate*. Oxford-New York, NY: Oxford University Press.
9. Eulau H. (1969) *Micro-Macro Political Analysis: Accents of Inquiry*. Chicago: Aldine Publishing Company.
10. Eulau H. (1996) *Micro-Macro Dilemmas in Political Science: Personal Pathways through Complexity*. Norman: University of Oklahoma Press.
11. Hillman A.J. and Hitt M.A. (1999) Corporate Political Strategy Formulation: A Model of Approach, Participation, and Strategy Decisions. *The Academy of Management Review* 24(4): 825–842. DOI: 10.2307/259357.
12. Lawton T., McGuire S. and Rajwani T. (2013) Corporate Political Activity: A Literature Review and Research Agenda: Corporate Political Activity. *International Journal of Management Reviews* 15(1): 86–105. DOI: 10.1111/j.1468-2370.2012.00337.x.
13. Morgan G. (2011) Reflections on the macro-politics of micro-politics. In: Dörrenbächer C. and Geppert M. (eds) *Politics and Power in the Multinational Corporation: The Role of Institutions, Interests and Identities*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 415–436. DOI: 10.1017/CBO9780511973352.014.
14. Nownes A.J. (2006) *Total Lobbying: What Lobbyists Want (and How They Try to Get It)*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
15. Schuler D.A., Rehbein K. and Green C.D. (2019) Is Corporate Political Activity a Field? *Business & Society* 58(7): 1376–1405. DOI: 10.1177/0007650316680206.

16. Avtonomov A.S. (2004) *Azbuka lobbirovaniya* [The ABC of Lobbying]. Moscow, Prava cheloveka. (In Russian).
17. Belousov A.B. (2005) *Lobbizm kak politicheskaya kommunikaciya* [Lobbyism as Political Communication]. Ekaterinburg: Ural'skoe otделение RAN. (In Russian).
18. Boos V.O., Gokhberg L.M., Ivanova E.A. and etc.; ed. Gokhberga L.M., Kutsenko E.S. (2021) *Innovatsionnaya Moskva: strategicheskie vyzovy i takticheskie otvety* [Innovative Moscow: Strategic Challenges and Tactical Responses]. Report, NIY VHE. Moscow. DOI: 10.17323/978-5-7598-2386-5. (In Russian).
19. Chiharev I.A., Ramonova M.A. (2011) Ponyatie i osnovnye koncepcii mnogourovnevnogo upravleniya v miropoliticheskom diskurse [Definition and Main Concepts of Multilevel Management in Micropolitical Discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Ser. 12. Politicheskie nauki [MSU Review. Series 12. Political Science] 5: 3–16. (In Russian).
20. Degtyarev A.A. (2020) "Dual'nost' optiki" politiko-analiticheskoy raboty: problema konversii makro-mikro-analiza v cikle GR-menedzhmenta [«Duality of Optics» in Political-Analytical Work: The Problem of Converting from a Macro-Micro Analysis in the GR-management Cycle]. *Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformacionnye vyzovy i perspektivy: Materialy Yezhegodnoy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Moskva, 27–28 noyabrya 2020* [Political Representation and Public authority: Transformational Challenges and Prospects: Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation, Moscow, November 27–28, 2020]. pp. 168–170. Moscow: Moscow State Pedagogical University. (In Russian).
21. Fedyakin I.V. (2015) *Politika formirovaniya i razvitiya megapolisov: zarubezhniye modeli i rossiyskie realii* [The Policy of Forming and Development of Megapolises: Models and the Russian Reality]. Moscow: Sotsialno-politicheskaya mysl. (In Russian).
22. Kanevskij P.S. (2019) *Institut lobbizma v XXI veke: sravnitel'nyy analiz* [The Institution of Lobbyism in the 21 Century: Comparative Analysis]. Moscow: Kanon. (In Russian).
23. Kiryanova N.G. (2007) *Obshchestvo v kontekste globalno-lokalnyh otnoshenij* [Society in the Context of Global and Local Relations]. Tomsk: Deltaplan. (In Russian).
24. Lebedeva M.M. (2019) Transformatsiya roli gorodov i vnutrigosudarstvennyh regionov v mirovoj politike [Transformation of the Role of Cities and Domestic Regions in World Politics]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Ojkumena. Regional Researches] 1: 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16. (In Russian).
25. Melnikova M. (2020) *Ne prosto panelki: nemeczkij opyt rabot' s rajonami massovoj zastroyki* [Not Just Panel Houses: the German Experience of Working with Mass Housing Districts]. Ufa. (In Russian).
26. Musienko T.V. (2001) Genezis mikropolitiki kak oblasti komparativnogo politicheskogo znaniya. [The Genesis of Micropolitics as a Field of the Comparative Politics Knowledge]. *Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii* [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy] 4(17): 242–258. (In Russian).
27. Musienko T.V. (2003) *Mikropolitika v sovremennom mire* [Micropolitics in the Modern World]. Moscow: Nauka. (In Russian).
28. Pavroz A.V. (2016) *Lobbizm: institucional'nye osnovaniya i praktiki politicheskogo vliyaniya v demokraticheskikh obshchestvakh* [Lobbyism: Institutional Foundations and Influence Practices in Democratic Societies]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Russkoj Hristianskoj gumanitarnoj akademii. (In Russian).
29. Peregudov S.P. (2006) *Kрупnaya korporatsiya kak sub»ekt publichnoy politiki* [Large Corporation as Subject of Public Policy]. Moscow, Izdatel'skij dom GU-VSHE. (In Russian).
30. Prohorov A.V. (2021) Strategicheskoe razvitie mirovyh megapolisov: sistematizatsiya faktorov vliyaniya [Strategic Development of World Megacities: Systematization of Factors of Influence]. *Upravlenie riskom* [Risk Management] 4: 16–25. (In Russian).

31. Sassen S. (2007) Globalniy gorod: vvedenie ponjatija [Global City: Introduction]. In: Sluka A.N. (Ed.) *Globalniy gorod: teorija i praktika* [Global City: Theory and Practice]. Moscow: Avanglion. (In Russian).
32. Smorgunov L.V. (2016) «Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v Rossii: ot lobbizma k korporativnoj publichnoj politike» [Interaction between State and Business in Russia: from Lobbying to Corporate Public Policy]. *Nauka i obrazovanie; hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and Education, Economy and Economics, Entrepreneurship, Law and Administration] 4(71): 100–104. (In Russian).
33. Veretennikova O.B., Shatkovskaya E.G. (2012) Ekonomicheskaya politika na makro- i mikrourovnyah [Economic Policy at Macro- and Micro-levels]. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii* [Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy] 2: 2. (In Russian).

РАЗВЕДКА И РАЗРАБОТКА НЕФТЕГАЗОВЫХ РЕСУРСОВ В КАСПИЙСКОМ МОРЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Никита МОЛЧАКОВ, Ольга ГЛИКМАН
МГИМО МИД России

Аннотация: Особенности правового режима недропользования, нефтегазовой деятельности в Каспийском море обусловлены особым международно-правовым статусом Каспийского моря. Перед Российской Федерацией стоят стратегические задачи по освоению энергетических ресурсов на российском участке дна Каспийского моря, развитию морского транспорта и научно-исследовательского флота, модернизации и строительству морских портов и терминалов на Каспии. Выполнение этих задач во многом зависит от эффективности российского законодательства в данной области. В статье сопоставлены положения двусторонних и многосторонних международных договоров Российской Федерации, которые применимы к разведке и разработке нефтегазовых ресурсов в Каспийском море, раскрыты их механизмы и значение, а также выявлены отличия в их положениях. Авторы выявили различия в тенденциях развития российского законодательства, регулирующего нефтегазовую деятельность на российском участке дна Каспийского моря, до и после ратификации Россией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., проанализировали последние законодательные инициативы в данной области, а также обнаружили ряд проблем в рамках этого процесса.

Ключевые слова: Каспийское море, дно Каспийского моря, сектор Каспийского моря, российское законодательство, международное право, международные договоры прикаспийских государств, Конвенция о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., недропользование, углеводороды

Молчаков Никита Юрьевич – кандидат юридических наук, декан Международно-правового факультета, доцент кафедры конституционного права, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Гликман Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-9243-9787. E-mail: glikman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение № 075-15-2020-783).

Современный международно-правовой статус Каспийского моря

Каспийское море обладает особым международно-правовым статусом (*sui generis*), история развития которого уникальна (Барсегов, 1998; Салимгерей, 2003; Мамедов, 2006). Каспийское море – замкнутый внутриконтинентальный водоем, не являющийся частью Мирового океана и не имеющий естественных связей с Мировым океаном (не сообщается напрямую с другим морем или океаном). Оно полностью окружено территориями прикаспийских государств. В настоящее время их пять: Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан.

Принципиально то, что именно прикаспийские государства всегда определяли и в настоящее время определяют статус этого водоема. В Каспийском море не применимы классификации морских пространств, закрепленные в Женевских конвенциях 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (последняя включает внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону, исключительную экономическую зону, континентальный шельф, открытое море и международный район морского дна). На Каспии действует особая классификация пространств, установленная международными договорами прикаспийских государств. При этом, безусловно, при разработке двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества прикаспийские государства принимали во внимание действующие нормы общего международного морского права и международного природоохранного права, отталкивались от этих норм. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, подписанная пятью прикаспийскими государствами 12 августа 2018 г. (далее – Конвенция) закрепила принципы деятельности Сторон, классификацию пространств Каспийского моря, права Сторон в них, правила нахождения и плавания судов в данной акватории, проведения научных исследований, отдельные правила осуществления деятельности, связанной с разведкой и разработкой нефтегазовых ресурсов, и др. (Бекашев, 2018). В Конвенции отражены различные интересы прикаспийских государств в сфере безопасности, экономики, судоходства, недропользования и других областях сотрудничества.

Конвенция подписана пятью прикаспийскими государствами, но пока не вступила в силу. Для этого требуется ратификация всеми пятью прикаспийскими государствами. На данный момент ее ратифицировали четыре государства, включая Россию. В Иране продолжаются серьезные внутриполитические дискуссии по вопросу ратификации Конвенции.

Подписание Конвенции, безусловно, стало долгожданным событием, по сути, прорывом в развитии международно-правового регулирования статуса Каспийского моря. В зарубежных международно-правовых исследованиях отмечается, что в Конвенции «прибрежные государства четко обозначили исключительную природу своих прав и интересов в Каспийском море» (Kadir, 2019: 401). Подчеркивается значение Конвенции сквозь призму того, что почти 30 лет после распада Советского Союза правовой статус Каспийского моря оставался неопределенным (Janusz-Pawletta, 2020: 171). С такой точкой

зрения нельзя согласиться. Наименование подписанного международного договора не должно вводить в заблуждение. Подписанию Конвенции предшествовали двусторонние и многосторонние международные договоры, политико-правовые акты, договоренности, а также сложившаяся практика прикаспийских государств. И до, и после 1991 г. Каспий являлся территорией с особым международно-правовым статусом, определяемым прикаспийскими государствами, число и наименования которых изменялись в разные периоды. Другое дело, что в связи с распадом СССР и увеличением числа прикаспийских государств в рамках правопреемства возник ряд новых международно-правовых вопросов, разногласий в их позициях относительно различных вариантов разграничения Каспийского моря и отдельных видов деятельности, в том числе нефтегазовой (Мамедов, 2006). При этом следует разделять вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря (Каспийское море было задолго до 2018 г. территорией *sui generis* и остается таковой) и вопросы классификации, правового режима его пространств, реализации суверенитета, суверенных и исключительных прав, осуществления юрисдикции в Каспийском море (они, действительно, были впервые комплексно урегулированы в Конвенции).

Важно отметить, что прикаспийские государства не стали создавать специальный орган или международную организацию для сотрудничества в Каспийском море (по аналогии с органами и организациями, созданными для сотрудничества соответствующих государств в иных по статусу морских пространствах и районах (например, Арктический совет, Секретариат Договора об Антарктике, Международный орган по морскому дну). Возможно, это дело будущего. При этом в ст. 19 Конвенции предусмотрен механизм пятисторонних регулярных консультаций высокого уровня под эгидой министерств иностранных дел. Примечательно, что на Пятом каспийском саммите 12 августа 2018 г. в Казахстане главы пяти прикаспийских государств приняли решение о проведении Каспийского экономического форума. Первый форум состоялся 11–12 августа 2019 г. в Туркменистане.

Двусторонние международные договоры России с Казахстаном и Азербайджаном о разграничении дна Каспийского моря

В соответствии с двусторонними международными договорами России с Казахстаном и Азербайджаном в конце 1990-х – начале 2000-х годов впервые в истории были разграничены соответствующие участки дна Каспийского моря. Крайне важно, что это разграничение было осуществлено исключительно для целей недропользования и взаимосвязанной хозяйственно-экономической деятельности.

Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование от 6 июля 1998 г. (далее – Соглашение 1998 г.) разграничило между Сторонами дно северной части Каспийского моря и его недра «по срединной линии, модифицированной на основе

принципа справедливости и договоренности Сторон». Примечательно, что модифицированная срединная линия была проведена «с учетом островов, геологических структур... других особых обстоятельств и понесенных геологических затрат». При этом водная поверхность была сохранена в общем пользовании (ст. 1). В Соглашении 1998 г. была уточнена правовая природа прав Сторон – «Стороны осуществляют свои суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии» (ст. 2).

В соответствии с Соглашением 1998 г. Стороны имеют исключительное право на совместную разведку и разработку перспективных трансграничных структур и месторождений. Стороне или ее юридическим и физическим лицам, открывшим месторождение углеводородов или выявившим перспективные геологические структуры в зоне прохождения модифицированной срединной линии до ее согласования Сторонами, было предоставлено «приоритетное право на получение лицензии на их разведку и разработку с обязательным привлечением представителей другой Стороны» (ст. 2–3).

В Соглашении 1998 г. не был решен вопрос о прокладке трубопроводов в разграничиваемой части Каспийского моря, не затронуты вопросы искусственных островов, установок и сооружений. Однако было предусмотрено заключение отдельных двусторонних и многосторонних соглашений прикаспийских государств по широкому кругу вопросов использования Каспийского моря «после заключения и на основании Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» (ст. 5). Такая отсылка в международном договоре к тогда еще не принятому и даже не разработанному международному договору уникальна.

Отдельное внимание было уделено обязательствам Сторон по защите экологической системы Каспийского моря – запрещена деятельность, которая может нанести серьезный ущерб природной среде Каспийского моря (ст. 6).

В Протоколе 2002 г. к Соглашению 1998 г. были установлены географические координаты прохождения указанной линии. Установление разграничительной линии в международном договоре важно для недропользования, поскольку всегда создает правовую определенность относительно статуса месторождения – позволяет квалифицировать его либо как трансграничное, либо как находящееся на территории, на которую распространяются суверенитет или суверенные права одного из государств.

Протокол 2002 г. закрепил механизм совместного осуществления недропользования на структурах «Курмангазы» («Кулалинская») и «Центральная» и месторождении «Хвалынское». Протокол 2002 г. предусмотрел назначение Сторонами своих уполномоченных организаций, подписание ими договора о форме совместной деятельности – консорциуме, коммерческой организации с иностранными инвестициями или любой иной форме совместной деятельности (далее – предприятие), включая условия недропользования. При этом в отношении структуры «Курмангазы» закреплены суверенные права на недропользование Казахстана и применение законодательства Казахстана,

а в отношении структуры «Центральная» и месторождения «Хвалынское» – соответственно, России. В Протоколе 2002 г. урегулированы вопросы распределения долей, опциона по каждому предприятию. Таким образом, нормы двустороннего международного договора непосредственно стали правовой основой создания предприятий.

В период 2006 – 2017 гг. отдельными протоколами неоднократно вносились изменения в Протокол 2002 г. в связи со сложностями и препятствиями, с которыми столкнулись предприятия при реализации своих прав в рамках национального законодательства. Протокол 2006 г. уточнил, что трем предприятиям право пользования соответствующими участками недр предоставляется, во-первых, на условиях раздела продукции, во-вторых, без необходимости включения этих участков в соответствующие национальные перечни и, в-третьих, без проведения конкурсов или аукционов, подтверждающих отсутствие возможности геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых на этих участках недр на иных условиях, отличных от условий раздела продукции.

Протокол 2015 г. детализировал вопросы деятельности предприятия по структуре «Центральная». Установлен 25-летний срок геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых без проведения аукциона, включая семилетний срок геологического изучения недр с применением общего режима налогообложения. После завершения этапа геологоразведки предприятию предоставлено право продолжить недропользование с применением общего режима налогообложения или заключить соглашение с Правительством Российской Федерации о разделе продукции. Закреплена обязанность предприятия уплатить разовый платеж за пользование недрами, установленный законодательством Российской Федерации.

Дополнительный протокол 2017 г. уточнил правила эксплуатации структуры «Курмангазы». Предусмотрено заключение дополнительного соглашения между Правительством Казахстана или его компетентным органом и предприятием к Соглашению о разделе продукции 2005 г. и условия этого дополнительного соглашения (увеличение контрактной территории; предоставление предприятию дополнительного шестилетнего периода разведки с возможностью его продления на четыре года; установление даты подписания дополнительного соглашения в качестве даты начала дополнительного периода разведки).

Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря от 23 сентября 2002 г. (далее – Соглашение 2002 г.) разграничило между Сторонами дно Каспийского моря и его недра «на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленности точек и модифицированной по договоренности Сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся на Каспии практики» (ст. 1). Координаты модифицированной срединной линии были установлены непосредственно в тексте Соглашения 2002 г. Было также закреплено, что «стороны осуществ-

вляют свои суверенные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с недропользованием на дне, в пределах своих данных секторов / зон до линии разграничения» (п. 1 ст. 2).

В Соглашении 2002 г. был предусмотрен общий рамочный механизм освоения минеральных ресурсов трансграничных структур (п. 2–4 ст. 2). Оно должно осуществляться на основе международной практики уполномоченными организациями, назначаемыми Правительствами Сторон. Правительства Сторон должны оформить своим уполномоченным организациям права на освоение минеральных ресурсов трансграничных структур в пределах своих данных секторов / зон, а уполномоченные организации должны с согласия Правительств Сторон подписать соглашения о сотрудничестве.

Несмотря на схожесть предмета регулирования, сопоставление Соглашения 1998 г. и протоколов с Казахстаном и Соглашения 2002 г. с Азербайджаном, которые остаются действующими международными договорами, позволяет выделить следующие отличия.

1. В наименовании Соглашения 1998 г. с Казахстаном были прямо указаны цели разграничения дна Каспийского моря, в наименовании Соглашения 2002 г. с Азербайджаном такой целевой принцип не содержится. Однако в статье 2 каждого из соглашений закрепляются суверенные права Сторон в соответствующих пределах, а именно в целях недропользования.

2. Формулировки, касающиеся суверенных прав, различаются. Согласно ст. 2 Соглашения 1998 г. с Казахстаном они осуществляются «в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия», а согласно ст. 2 Соглашения 2002 г. с Азербайджаном «в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с недропользованием на дне». В первом случае использован целевой принцип, а во втором – предметный. Следует обратить внимание, что термин «ресурсы» шире, чем термин «минеральные ресурсы». Формулировка «другая правомерная хозяйственно-экономическая деятельность, связанная с недропользованием на дне» довольно широкая по содержанию – не ограничена деятельностью, связанной с минеральными ресурсами, и может включать, например, прокладку кабелей, строительство искусственных островов и сооружений в других экономических целях, а не только для целей разведки и разработки минеральных ресурсов.

3. Отличаются подходы к проведению модифицированной линии (основания модификации). В ст. 1 Соглашения 1998 г. с Казахстаном они детализированы и прямо указывают на необходимость учета островов, геологических структур, понесенных геологических затрат и других обстоятельств. П. 1 ст. 1 Соглашения 2002 г. с Азербайджаном закрепляет отсылку в этом вопросе к общепризнанным принципам международного права и сложившейся на Каспии практики (довольно общая и широкая формулировка).

4. В Соглашении 1998 г. с Казахстаном используется термин «части дна», а в Соглашении 2002 г. с Азербайджаном – «донные сектора / зоны». Согласно Конвенции, дно и недра разграничиваются на «сектора». В дальнейшем для единообразия необходимо будет унифицировать эти термины двусторонних международных договоров и Конвенции. На данном же этапе такое разнообразие терминов в международных договорах создает терминологическую проблему при имплементации их норм в российское законодательство.

5. Существенны отличия в подходах и механизмах эксплуатации трансграничных месторождений. Ст. 2 Соглашения 1998 г. с Казахстаном закрепляет исключительные права Сторон на совместную разведку и разработку трансграничных структур и месторождений с определением долей участия на основе мировой практики и с учетом добрососедских отношений. Кроме того, закреплено приоритетное право на получение лицензии Стороны или ее юридических и физических лиц, открывших месторождение углеводородов или выявивших перспективные геологические структуры до согласования прохождения модифицированной срединной линии Сторонами, т.е. до 2002 г., но с обязательным привлечением представителей другой Стороны (ст. 3). П. 6 ст. 1 Протокола 2002 г. с Казахстаном предусмотрено заключение отдельных договоров, в случае обнаружения новых трансграничных геологических структур, для осуществления на них деятельности хозяйствующими субъектами Сторон. В ст. 2 Соглашения 2002 г. с Азербайджаном содержатся общие правила, применимые к освоению минеральных ресурсов трансграничных структур: Правительства Сторон должны назначить уполномоченные организации, оформить им права, а подписание уполномоченными организациями соглашений о сотрудничестве возможно только с согласия Правительств.

В отличие от Протокола 2002 г. и протоколов к нему с Казахстаном, в которых закреплены правила создания и деятельности совместных предприятий для совместной эксплуатации двух структур и одного месторождения, Соглашение 2002 г. с Азербайджаном не содержит механизмов совместной эксплуатации отдельных (конкретных) структур или месторождений.

6. В Соглашении 1998 г. с Казахстаном не решен вопрос о правилах прокладки трубопроводов, но предусмотрено заключение двусторонних и многосторонних договоров по вопросам использования дна Каспийского моря после заключения будущей на тот момент Конвенции. Соглашение 2002 г. с Азербайджаном вообще не содержит специальных норм о прокладке трубопроводов и других вопросах недропользования.

Выделенные различия, безусловно, были основаны на расхождениях в позициях прикаспийских государств относительно регулирования недропользования в Каспийском море, а также свидетельствовали о большей готовности Казахстана, чем Азербайджана, к совместной деятельности в сфере недропользования с Россией.

Данные двусторонние международные договоры стали правовой основой внесения отдельных изменений в российское законодательство, регулирующее недропользование на российском участке дна Каспийского моря,

а в совокупности с соответствующими двусторонними международными договорами других прикаспийских государств были учтены при разработке Конвенции.

Многосторонние международные договоры прикаспийских государств

За последнее десятилетие число принятых прикаспийскими государствами многосторонних международных договоров, регулирующих отдельные аспекты сотрудничества в Каспийском море, существенно увеличилось.

Первым многосторонним международным договором пяти прикаспийских государств стала Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. (Мурсалиев, 2017: 21–28). В Конвенции содержатся обязательства принимать самостоятельно или совместно все необходимые меры для предотвращения, снижения и контроля загрязнения, охраны, сохранения и восстановления морской среды Каспийского моря, а также использовать ресурсы Каспийского моря таким образом, чтобы не наносить ущерба его морской среде. Учитывая широко применяемые универсальные принципы международной защиты окружающей среды, Стороны для достижения целей Рамочной конвенции договорились руководствоваться тремя принципами: принципом принятия мер предосторожности, принципом «загрязняющий платит», принципом доступности информации о загрязнении морской среды Каспийского моря. Важность принятия данной Конвенции совместно всеми прикаспийскими государствами не вызывает сомнения. Однако Рамочная конвенция не содержит действенных механизмов, позволяющих практически решать актуальные проблемы загрязнения Каспийского моря.

В качестве дополнительных мер, направленных на защиту морской среды Каспийского моря, по аналогии с действующими универсальными механизмами каспийскими государствами были приняты Протокол о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью 2011 г. (Актаусский протокол, вступил в силу), Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности 2012 г. (Московский протокол, не вступил в силу), Протокол о сохранении биологического разнообразия 2014 г. (Ашхабадский протокол, не вступил в силу), Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 2018 г. (Московский протокол; не вступил в силу).

В дальнейшем в отдельных соглашениях Сторонам удалось урегулировать сотрудничество в следующих сферах: безопасность на Каспийском море (за исключением военных аспектов) (2010 г.), предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций в Каспийском море, сохранение и рациональное использование водных биологических ресурсов Каспийского моря, гидрометеорология Каспийского моря (2014 г.).

В 2018 г. наряду с Конвенцией были подписаны соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве (не вступило в силу), сотрудничестве в области транспорта (вступило в силу), предотвращении инцидентов на

Каспийском море (не вступило в силу), а также три протокола к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море, в которых урегулированы вопросы борьбы с терроризмом, организованной преступностью, взаимодействия пограничных ведомств.

Среди подписанных многосторонних международных договоров прикаспийских государств отсутствует договор, комплексно регулирующий сотрудничество в разведке и разработке нефтегазовых ресурсов Каспийского моря.

Значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. для разведки и разработки нефтегазовых ресурсов

Положения Конвенции 2018 г., касающиеся разграничения морских пространств, принципиальны для осуществления деятельности по разведке и разработке нефтегазовых ресурсов. Согласно Конвенции, акватория Каспийского моря разграничивается на внутренние воды, территориальные воды, рыболовные зоны и общее водное пространство (ст. 5). Разграничение внутренних вод, территориальных вод и рыболовных зон между государствами со смежными побережьями осуществляется по договоренности между ними с учетом принципов и норм международного права (ст. 7 и 9). Эта огромная работа еще предстоит и займет немало времени.

Дно и недра Каспийского моря разграничиваются на секторы «по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм международного права в целях реализации их суверенных прав на недропользование и на другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр» (ст. 8). Секторальное разграничение дна и недр по Конвенции, так же, как и в рассмотренных выше двусторонних международных договорах, носит целевой характер – осуществлено сугубо для освоения ресурсов дна и недр. Из ст. 8 Конвенции следует, что для осуществления разграничения необязательно согласие всех пяти прикаспийских государств, этот вопрос должен решаться в каждом случае «по договоренности сопредельных и противолежащих государств» (рядом государств, в том числе Россией, они уже были достигнуты до подписания Конвенции).

К сожалению, даже после принятия Конвенции и ее ратификации Россией отсутствие континентального шельфа и территориального моря на Каспии не признается рядом юристов – они используют эти термины применительно к пространствам Каспийского моря (Батырь, 2019: 56, 60; Толстых, 2020: 9–19).

Особое значение имеет и то, что плавание в Каспийском море, проход в и из него осуществляется судами под флагом каждой из Сторон (п. 11 ст. 3 Конвенции).

Термин «территориальное море» не следует использовать применительно к Каспию, поскольку территориальное море, как было показано выше, регулируется общими нормами международного морского права, не примени-

мыми к Каспийскому морю. Сходства между ними в части распространения суверенитета прибрежного государства, конечно, есть. Но термин «территориальные воды» использован в Конвенции специально. Принципиальное отличие в том, что в территориальном море действует принцип мирного прохода судов всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю (ст. 17 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.). Через территориальные воды Сторон в Каспийском море разрешен проход исключительно судов под флагами Сторон (ст. 11 Конвенции). Очевидны различия в ширине этих пространств: ширина территориального моря – не более 12 морских миль (ст. 3 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), территориальные воды Сторон в Каспийском море не могут превышать 15 морских миль (ст. 7 Конвенции). Континентальный шельф представляет собой подводную окраину материка (ст. 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), дно Каспийского моря таковой не является с геологической точки зрения. Соответственно, принципиальны отличия в правах и обязанностях государств на континентальном шельфе и в секторе Каспийского моря.

Среди других норм Конвенции, имеющих особое значение в процессе разведки и разработки ресурсов, следует выделить право каждой Стороны осуществлять юрисдикцию в отношении судов под своим флагом в акватории Каспийского моря. Каждая Сторона в осуществление своего суверенитета, суверенных прав на недропользование и другую правомерную хозяйственно-экономическую деятельность, связанную с освоением ресурсов дна и недр, может принимать меры в отношении судов других Сторон, включая досмотр, инспекцию, преследование по горячим следам, задержание, арест и судебное разбирательство для обеспечения соблюдения ее законов и правил. Применение таких мер должно быть обоснованным. В случае необоснованного применения таких мер судну возмещаются любые причиненные убытки и ущерб (ст. 12).

Каждая Сторона имеет исключительное право регулировать, разрешать и проводить морские научные исследования, в частности, в своих территориальных водах, а также в своем секторе, связанные с разведкой и разработкой ресурсов дна и недр. Такие исследования могут проводиться судами под флагами Сторон только с письменного разрешения соответствующей Стороны и на установленных ею условиях (ст. 13).

Кроме того, каждая Сторона имеет исключительное право сооружать, разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование, осуществляет юрисдикцию в отношении искусственных островов, установок и сооружений в пределах своего сектора, а также может устанавливать вокруг них зоны в целях обеспечения безопасности судоходства и безопасности самих объектов (ст. 8, п. 2 ст. 12). Примечательно, что так же, как и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция не содержит определений терминов «искусственные острова», «установки», «сооружения», не раскрывает различия между ними. Согласно Конвенции, ширина зон безопасности не должна простираться более чем 500 м, отмеряемых от каждой точки внешнего края

таких объектов. Географические координаты таких сооружений и контуры зон безопасности должны сообщаться всем Сторонам. Все суда должны уважать эти зоны безопасности.

Каждая Сторона в пределах своего сектора осуществляет также юрисдикцию в отношении «своих подводных кабелей и трубопроводов» (п. 2 ст. 12 Конвенции). Специальные положения о юрисдикции в отношении иных («чужих») подводных кабелей и трубопроводов отсутствуют.

Довольно тонко и искусно был урегулирован один из самых проблемных вопросов в нефтегазовой сфере – вопрос прокладки подводных трубопроводов по дну Каспийского моря. Ряд положений ст. 14 Конвенции относится к прокладке трубопроводов в целом (п. 1, 3–4), а п. 2 – к прокладке магистральных трубопроводов. С одной стороны, закреплено общее право Сторон прокладывать подводные кабели и трубопроводы по дну Каспийского моря. С другой стороны, определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов в целом осуществляется по согласованию со Стороной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод. Право прокладки подводных магистральных трубопроводов по дну Каспийского моря было ограничено еще одним условием: Стороны могут прокладывать их при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, участниками которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы к ней.

Ряд юристов толкуют такой подход как не требующий согласия всей «пятерки» (Мамедов, 2019: 188), как довольно либеральный, исходящий из «принципа, согласно которому последнее слово остается за государством-транзитером» (Толстых, 2020: 15). Однако положение Конвенции относительно соблюдения многосторонних экологических требований и стандартов для прокладки магистральных трубопроводов по дну Каспийского моря не представляется либеральным, а является важным ограничением (Janusz-Pawletta, 2020: 178). Действительно, в Конвенции прямо не закреплена необходимость согласия всей «пятерки», но все же решение о соответствии проекта по прокладке подводного магистрального трубопровода экологическим требованиям должно приниматься в рамках пятистороннего механизма сотрудничества, что подразумевает вовлеченность всех прикаспийских государств в решение вопроса о прокладке такого трубопровода. Стоит также учитывать, что Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 2018 г. закрепил детальный механизм процедур оценки воздействия на окружающую среду планируемой деятельности, выполнение которых требует усилий, времени и финансовых затрат. Однако данный Протокол пока не вступил в силу, что в совокупности с не вступившей в силу самой Конвенцией создает определенные юридико-технические проблемы на данном этапе. В связи с этим расхождения в толковании и применении положений Конвенции, регулирующих прокладку трубопроводов, весьма вероятны.

Напомним, что обсуждаемый с 1990-х гг. проект по строительству Транскаспийского газопровода, идущего от Туркменистана в Азербайджан для транспортировки газа через территорию Турции в Европу, вызвал серьезные разногласия прикаспийских государств. Данный проект, не отвечающий интересам России, поддерживался и продолжает поддерживаться ЕС, НАТО, все больше уделяющей внимание энергетической безопасности, а также США под предлогом необходимости диверсификации поставок углеводородов. Особые интересы, безусловно, у Турции, Казахстана и Китая (Рожков, 2018: 58–76). После подписания Конвенции, несмотря на то, что за эти годы Туркменистан стал поставлять газ в Китай, а с недавнего времени и в Россию, возобновилось внимание западных политиков и экспертов к данному проекту. Распространяется мнение, что более не существует препятствий для реализации этого проекта, что представляется ошибочным с учетом вышеуказанных юридико-технических аспектов.

В Конвенции подчеркнута значение уже заключенных международных договоров между Сторонами и необходимость дополнительных договоров по многим вопросам сотрудничества на Каспии. Отсылки к национальному законодательству Сторон в Конвенции многочисленны, и предстоит большая работа по унификации и гармонизации нормативных правовых актов прикаспийских государств, регулирующих суверенитет, суверенные права, юрисдикцию в отдельных пространствах Каспийского моря и различные виды деятельности в них.

В исследованиях предложено рассмотреть доктринальную концепцию «каспийское право» как «оригинальный правовой комплекс, объединяющий региональные международно-правовые регуляторы с национально-правовым регулированием государств – участников Конвенции» и провести научные исследования для определения курса его развития (Хабриева, Курбанов, 2021: 129). В практическом плане перед учеными должна быть поставлена задача выявления проблем, с которыми сталкиваются прикаспийские государства при имплементации многосторонних и двусторонних международных договоров, применимых к Каспийскому морю, а также препятствий в рамках гармонизации и унификации национальных законодательств. Заслуживает отдельного внимания анализ практики прикаспийских государств в различных сферах деятельности, в том числе нефтегазовой, после принятия Конвенции, включая формирование региональных обычаев на Каспии.

Развитие российского законодательства применительно к разведке и разработке нефтегазовых ресурсов Каспийского моря

В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г., утвержденной Правительством Российской Федерации в 2020 г., отмечен рост добычи нефти с конденсатом, в том числе за счет месторождений, расположенных в Каспийском море. Кроме того, в рамках нефтегазохимической промышленности перспективным является развитие Каспийского кластера как одного из шести формируемых центров по глубокой переработке углево-

дородов с производственным ядром в виде крупных пиролизных мощностей и последующим производством пластмасс, каучуков и продуктов органического синтеза, их переработки в полуфабрикаты и конечные изделия.

В соответствии со Стратегией развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 г., утвержденной Правительством Российской Федерации в 2019 г., перед Россией стоят стратегические задачи по увеличению объема добычи углеводородов на российском участке дна Каспийского моря посредством введения в эксплуатацию новых нефтегазовых месторождений, а также по совершенствованию информационного обеспечения морской деятельности в Каспийском море.

В литературе отмечается, что «на протяжении нескольких лет Россия последовательно наращивала усилия по созданию инфраструктуры в субъектах, расположенных на Каспии» (Жильцов, 2021: 13). Согласно Стратегии развития российских морских портов в Каспийском бассейне, железнодорожных и автомобильных подходов к ним в период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации в 2017 г., развитие морских портов в Каспийском бассейне является стратегическим вопросом для России. Для реализации этой цели было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2020 г. № 1792 «О создании на территории Астраханской области портовой особой экономической зоны и Каспийского кластера» и предусмотрено финансирование этого проекта; разработан проект строительства современного порта с контейнерным терминалом в порту Оля; утвержден проект строительства нового порта в Калмыкии (г. Лаганы).

До ратификации Конвенции Россией не предпринималось глобальных законодательных шагов, направленных на закрепление особого статуса пространств Каспийского моря, за некоторыми исключениями, которые связаны с российской частью (российским сектором) дна Каспийского моря и непосредственно нефтегазовой деятельностью на данной территории.

В 2013 г. на основании двусторонних международных договоров России с Казахстаном и Азербайджаном были внесены прогрессивные изменения в Налоговый кодекс. В ст. 11 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая), определяющей основные понятия и термины, используемые при налогообложении добычи углеводородного сырья, было закреплено понятие «морское месторождение углеводородного сырья». Оно включает месторождение на участке (участках) недр, расположенном (расположенных) полностью в границах не только внутренних морских вод и (или) территориального моря Российской Федерации и (или) на континентальном шельфе Российской Федерации, но и «российской части (российском секторе) дна Каспийского моря». Аналогичным образом специфика недр Каспия была отражена в частности в ст. 147, 148, 164, 201, 381 Налогового кодекса Российской Федерации (часть вторая), регулирующих место реализации товаров, работ (услуг), налоговые ставки, налоговые вычеты, налоговые льготы соответственно.

При этом в 2020 г. после ратификации Россией Конвенции проектом федерального закона № 1018101-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части уточнения понятийного аппарата в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря», находящемся на рассмотрении Государственной Думы, было предложено изменить формулировку «российская часть (российский сектор) дна Каспийского моря» на формулировку «российский сектор в Каспийском море». Напомним, что в Конвенции под термином «сектор» понимаются «участки дна и недр, разграниченные между Сторонами...» (т.е. не используется термин «часть» и формулировка «сектор дна», поскольку сектор и есть дно и недра). Предусмотренный механизм вступления в силу данного федерального закона связан со вступлением в силу Конвенции.

В 2019 г. в пп. 8 п. 1 статьи 35 Закона Российской Федерации от 21 мая 1993 г. № 5003-1 «О таможенном тарифе» было предусмотрено освобождение от вывозных таможенных пошлин топлива, вывозимого из Российской Федерации для обеспечения деятельности судов, используемых на континентальном шельфе Российской Федерации и (или) в исключительной экономической зоне Российской Федерации либо в российской части (российском секторе) дна Каспийского моря для геологического изучения недр, разведки и добычи углеводородного сырья, а также судов обеспечения и поисково-спасательных судов, используемых для проведения указанных работ.

Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 260-ФЗ «О регулировании отдельных отношений, связанных с искусственными островами, установками и сооружениями, расположенными в пределах российского сектора Каспийского моря, и о внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» было закреплено, что создание, эксплуатация и использование искусственных островов, установок, сооружений, проведение буровых работ, прокладка подводных кабелей, трубопроводов в пределах российского сектора Каспийского моря осуществляются в порядке, установленном Федеральным законом от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», а регистрация расположенных в пределах российского сектора Каспийского моря искусственных островов, установок, сооружений и прав на них (за исключением плавучих (подвижных) буровых установок (платформ), морских плавучих (передвижных) платформ) осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Изначально рассматривался вопрос о регулировании соответствующих вопросов в рамках Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» и Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» без расширения предмета регулирования данных законов, что было совершенно юридически некорректно в связи с отсутствием таких пространств в Каспийском море в принципе.

Изменения, внесенные в ст. 67 Конституции Российской Федерации в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., не затронули морские пространства Каспийского моря. На тот момент Конвенция уже была ратифицирована Россией. Представляется, что в последующем следует внести изменения в части первую и вторую ст. 67 Конституции Российской Федерации, подтверждающие суверенитет, суверенные права и юрисдикцию Российской Федерации в отношении соответствующих пространств Каспийского моря.

После ратификации Конвенции Россией законодатель мог пойти по двум направлениям. Первое: по аналогии с «триадой морских законов», регулирующих морские пространства, на которые распространяется суверенитет, суверенные права и юрисдикция Российской Федерации согласно общим нормам международного морского права, разработать отдельный федеральный закон о соответствующих пространствах Каспийского моря. Второе: не разрабатывать отдельный федеральный закон, дополнив «триаду морских законов» специальными положениями о пространствах Каспийского моря, изменив наименования и преамбулы «триады морских законов» и расширив предмет их регулирования. И тот, и другой вариант требуют внесения изменений в ряд федеральных законов, регулирующих или затрагивающих морскую деятельность в целом.

Правительство Российской Федерации избрало второе направление. 28 сентября 2021 г. на рассмотрение в Государственную Думу был внесен проект федерального закона № 1256981-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» (далее – законопроект). Законопроект предусматривает внесение изменений в ряд федеральных законов, включая Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации», Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации», Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе».

В связи с данным законопроектом, так же, как и законопроектом № 1018101-7, возник юридико-технический вопрос, связанный с правомочностью имплементации в федеральные законы положений, ратифицированных Россией, но не вступивших в силу международных договоров. Этот вопрос предлагается решить в рамках механизма вступления в силу проектируемого федерального закона. Статья 15 законопроекта предусматривает, что федеральный закон вступает в силу со дня вступления в силу Конвенции, за исключением пункта 2 статьи 5 законопроекта. Данный пункт вступает в силу со дня вступления в силу Конвенции либо по истечении 180 дней со дня вступления в силу Протокола по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте к Рамочной конвенции по защите морской среды

Каспийского моря, подписанного 20 июля 2018 г., в зависимости от того, какая из указанных дат наступит позднее. Отсылка к Протоколу закреплена в проектируемом подпункте 7 Федерального закона «Об экологической экспертизе». Ни Протокол, ни Конвенция на данный момент не вступили в силу. Таким образом, в случае принятия данных законопроектов и невступлении в силу в ближайшее время указанных международных договоров, в законодательстве появятся нормы, которые могут быть недействующими долгие годы.

Законопроект на основании Конвенции вводит в законодательство Российской Федерации новые пространства: «внутренние воды и территориальные воды Российской Федерации в Каспийском море», «рыболовная зона Российской Федерации в Каспийском море», «российский сектор в Каспийском море», «общее водное пространство в Каспийском море». Представляется, что в указанных законопроектах вместо термина «российский сектор в Каспийском море» целесообразно использовать «сектор Российской Федерации в Каспийском море» по аналогии с терминологической конструкцией, примененной в законопроекте к другим пространствам Каспийского моря и в законодательстве – к общим морским пространствам («территориальное море Российской Федерации», «континентальный шельф Российской Федерации», «исключительная экономическая зона Российской Федерации»).

Один из существенных вопросов – к какому виду недр относятся недра сектора Российской Федерации в Каспийском море. До настоящего времени, к сожалению, недра российской(-го) «части дна», «донного сектора / зоны», несмотря на уже многие годы действующие международные договоры России с Казахстаном и Азербайджаном, вообще не были учтены в Законе Российской Федерации «О недрах». Внесенные в 2021 г. весьма объемные и концептуальные изменения в Закон Российской Федерации «О недрах» не затронули соответствующие участки недр в Каспийском море.

Законопроектом предлагается закрепить в ст. 21 Закона «О недрах», что недра в пределах российского сектора в Каспийском море включаются в государственный фонд недр. К участкам недр федерального значения предлагается отнести недра внутренних вод и территориальных вод Российской Федерации в Каспийском море, российского сектора в Каспийском море. Такой подход означает, что российский сектор в Каспийском море не включает недра внутренних вод и территориальных вод Российской Федерации в Каспийском море. Однако, представляется, что они соотносятся как частное, имеющее свои особенности, с общим. Следует предусмотреть, что к участкам недр федерального значения относятся недра сектора Российской Федерации в Каспийском море (в целом). Другое дело, что имеются различия в статусе частей сектора, но их можно уточнить в иных статьях законопроекта.

В Конвенции закреплена концепция раздельного разграничения водных пространств на четыре вида, а дна и недр – на секторы «в целях реализации суверенных прав прикаспийских государств на недропользование...», из чего следует, что разграничивается все дно и недра (ст. 8 Конвенции). Положения ст. 8 не согласуются с положениями ст. 6 Конвенции, согласно которой суве-

ренитет каждой Стороны распространяется на морской пояс, «называемый территориальными водами, равно как на его дно и недра», т.е. на эту часть сектора распространяется суверенитет прикаспийских государств. Специальных положений о суверенитете применительно ко дну и недрам внутренних вод в Каспийском море не содержится, но это вытекает из толкования.

Законопроектом вносится дополнение в ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации», согласно которому Государственная граница в Каспийском море устанавливается по внешней границе территориальных вод Российской Федерации. В ряде положений законопроекта выделяется «российский сектор в Каспийском море за внешней границей территориальных вод в Каспийском море». Соответственно сектор Российской Федерации в Каспийском море состоит из двух частей: одна часть российского сектора относится к территории Российской Федерации (т.е. на нее распространяется суверенитет), а другая не является территорией Российской Федерации (находится за пределами Государственной границы) – является территорией, на которую распространяются суверенные права и юрисдикция Российской Федерации в определенных целях.

Статус российского сектора в Каспийском море в целом законопроектом предлагается определить в рамках Федерального закона «О континентальном шельфе Российской Федерации», расширив его наименование и предмет регулирования. При этом в преамбуле указываются «суверенные права и юрисдикция Российской Федерации на ее континентальном шельфе» (т.е. уточняется правовая природа прав Российской Федерации на ее континентальном шельфе), но не уточняется правовая природа прав Российской Федерации в российском секторе в Каспийском море.

Изменений в Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» не предусмотрено.

Предусматривается также расширение наименования и предмета регулирования Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации». В него включаются нормы, определяющие статус и правовой режим внутренних вод и территориальных вод Российской Федерации в Каспийском море. При этом статью 161, закрепляющую особенности эксплуатации, использования искусственных островов, установок, сооружений, подводных трубопроводов, проведения буровых работ при региональном геологическом изучении, геологическом изучении, разведке и добыче углеводородного сырья, а также при транспортировке и хранении нефти и нефтепродуктов, особенности осуществления деятельности по перевалке нефти и нефтепродуктов, бункеровке (заправке) судов во внутренних морских водах и в территориальном море, предлагается распространить на внутренние воды и территориальные воды в Каспийском море, а также российский сектор в Каспийском море за внешней границей территориальных вод в Каспийском море. Это не в полной мере совпадает

с предлагаемыми изменениями наименования и преамбулы, ограниченными внутренними водами и территориальными водами Российской Федерации в Каспийском море.

Особое значение для нефтегазовой деятельности в российском секторе Каспийского моря имеет прогрессивное развитие норм Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ). В 2017 г. ст. 4 КТМ, регулирующая использование судов, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, в целях торгового мореплавания, подверглась кардинальным изменениям. Существенно было расширено понятие «каботаж» (теперь он включает перевозки на искусственные острова, установки и сооружения, расположенные в исключительной экономической зоне Российской Федерации и (или) на континентальном шельфе Российской Федерации) и между ними). Эти изменения стали не последними. Действующая редакция ст. 4 КТМ содержит специальные нормы относительно Северного морского пути, но не отражает особый статус пространств Каспийского моря. Эти и другие пробелы, в частности касающиеся безопасности морского судоходства, лодманской проводки, затонувшего имущества, страхования судов, перевозящих наливом нефть, ответственности за ущерб в связи с морской перевозкой опасных и вредных веществ) в соответствующих пространствах в Каспийском море, предлагается исполнить в рамках законопроекта (ст. 691, 85, 107, 114, 323, 324, 325 КТМ и др.).

В связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции предприняты также шаги по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях. Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу проекты федеральных законов № 6605-8 и № 6614-8. Эти меры необходимы для реализации суверенитета, суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации в соответствующих пространствах Каспийского моря. До этого момента особый статус пространств Каспийского моря вообще не был отражен в Уголовном кодексе (ст. 11 «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации», ст. 253 «Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации», ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов») и в Кодексе об административных правонарушениях (в частности в ст. 2.6, закрепляющей территориальные аспекты административной ответственности иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц», ст. 8.17, 8.19, 8.20, 11.7.1, устанавливающих ответственность за неправомерную деятельность в морских пространствах – за нарушение требований или условий лицензии, правил захоронения отходов и других материалов, незаконную передачу минеральных и (или) живых ресурсов, несоблюдение мер по обеспечению безопасности судоходства в зонах безопасности, установленных вокруг искусственных островов, установок и сооружений).

Заключение

Правила разведки и разработки нефтегазовых ресурсов в Каспийском море регулируются положениями двусторонних и многосторонних международных договоров прикаспийских государств. Положения действующих международных договоров России с Казахстаном и Азербайджаном содержат существенные отличия, в том числе относительно механизмов эксплуатации трансграничных нефтегазовых месторождений.

Специальный многосторонний договор по общим или отдельным аспектам нефтегазовой деятельности в Каспийском море отсутствует. Конвенция содержит много новелл, имеющих существенное значение для разведки и разработки нефтегазовых ресурсов Каспийского моря. Прежде всего, речь идет о классификации и правовом статусе пространств Каспийского моря, установленных Конвенцией. Предстоит большая работа по определению внешних и смежных границ пространств, на которые разделена акватория Каспийского моря. В Конвенции урегулированы общие вопросы недропользования в секторах, вопросы, связанные с плаванием судов, проведением научных исследований, прокладкой трубопроводов, созданием, эксплуатацией и использованием искусственных островов, установок и сооружений.

Ряд шагов, направленных на регулирование разведки и добычи нефтегазовых ресурсов в Каспийском море в рамках российского законодательства, был предпринят еще до подписания Конвенции, на основании двусторонних международных договоров России с Казахстаном и Азербайджаном, но эти шаги не были и не могли быть комплексными при отсутствии комплексных международно-правых основ.

После ратификации Конвенции Россией предприняты глобальные шаги, направленные на имплементацию ее положений в российское законодательство. Подготовленные Правительством Российской Федерации законопроекты предусматривают изменения, связанные с особым статусом пространств Каспийского моря и объектов в Каспийском море, на которые распространяется суверенитет, суверенные права и юрисдикция Российской Федерации. Эти изменения носят общий характер, затрагивают различные виды деятельности, в том числе, разведку и разработку нефтегазовых ресурсов в Каспийском море. В целом эти нововведения позитивны, хотя отдельные аспекты законопроектов нуждаются в доработке. Тот факт, что Конвенция не вступила в силу, является существенным юридико-техническим препятствием.

Список литературы

1. Janusz-Pawletta B. (2020) Legal Framework for the Interstate Cooperation on Development and Transport of Fossil Natural Resources of the Caspian Sea. *The Journal of World Energy Law & Business* 13(2): 169–184.
2. Kadir R.A. (2019) Introductory Note to the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *International Legal Materials* 58(2): 399–413.
3. Барсеров Ю.Г. (1998) *Каспий в международном праве и мировой политике*. М.: ИМЭМО РАН.

4. Батырь В.А. (2019) Сбалансированный современный особый международно-правовой статус Каспийского моря. *Lex Russica* 9: 51–62.
5. Бекашев К.А., Бекашев Д.К. (2018) Современный международно-правовой режим Каспийского моря. *Евразийский юридический журнал* 9: 28–35.
6. Жильцов С.С. (2021) Основные направления политики России в Каспийском регионе. *Казахстан-Спектр* 2: 7–22.
7. Мамедов Р.Ф. (2019) Международно-правовое содержание и значение Конвенции о правовом статусе Каспийского моря от 12 августа 2018 г. *Проблемы постсоветского пространства* 6: 175–194.
8. Мамедов Р.Ф. (2006) *Международно-правовой статус Каспийского моря: вчера, сегодня, завтра*. Баку.
9. Мамедов Р.Ф. (2006) *Разграничение Каспийского моря (международно-правовые вопросы)*. Баку.
10. Мурсалиев А.О. (2017) Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря: информация об окружающей среде и доступ к ней. *Международное право и международные организации* 4: 21–28.
11. Рожков И.С. (2018) Транзитно-транспортная синергия в Каспийском регионе в контексте формирования международно-правового статуса Каспийского моря: исторический шанс или вызов современности? *Мировая политика* 1: 58–76.
12. Салимгерей А.А. (2003) *Правовой статус Каспийского моря (проблемы теории и практики)*. Алматы.
13. Толстых В.Л. (2020) Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств. *Российский юридический журнал* 1: 9–19.
14. Хабриева Т.Я., Курбанов Р.А. (2021) Правовые основы и интеграционные тенденции в Каспийском регионе. «Каспийская пятерка»: история и перспективы. *Журнал российского права* 8: 118–130.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-58-79

EXPLOITATION AND USE OF OIL AND GAS RESOURCES IN THE CASPIAN SEA: LEGAL ASPECTS

Dr Nikita Yu. MOLCHAKOV – Dean, Faculty of International Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr Olga V. GLIKMAN – Associate Professor, Department of International Law, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-9243-9787. E-mail: glikman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (no. 075-15-2020-783).

Abstract: Features of the legal regime of subsoil use, oil and gas activities in the Caspian Sea are due to the special international legal status of the Caspian Sea. The Russian Federation is faced with strategic tasks for the development of energy resources on the Russian section of the Caspian seabed, the development of maritime transport and research fleet, the modernization and construction of seaports and terminals in the Caspian. They are defined in the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035, the Strategy for the development of maritime activities in the Russian Federation until 2030, the Strategy for the development of Russian seaports in the Caspian basin, rail and road approaches to them in the period up to 2030. The fulfillment of these tasks largely depends on the effectiveness of Russian legislation in this area. The development of Russian legislation governing the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Russian section of the Caspian seabed is directly related to the trends in the development of international legal regulation of the status of the Caspian Sea and cooperation of the Caspian states in this area. After the ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018 by Russia, the Government of the Russian Federation took global steps to implement norms reflecting the special status of the Caspian Sea, sovereignty and sovereign rights of Russia in certain areas of the Caspian Sea, in Russian legislation.

The purpose of the study is to analyze the legal norms governing the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Caspian Sea. The objectives of the study include identifying and comparing development trends of branch international legal norms and norms of Russian legislation, generalizing theoretical and practical problems of legal regulation.

The research methodology is based on the following theoretical methods of cognition: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, as well as special methods of cognition of legal phenomena and processes: comparative legal and formal legal.

The article compares the provisions of bilateral and multilateral international treaties of the Russian Federation, which are applicable to the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Caspian Sea, discloses their mechanisms and significance, and identifies differences in their provisions. In addition, the authors identified differences in the trends in the development of Russian legislation regulating oil and gas activities on the Russian section of the Caspian seabed before and after Russia's ratification of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018, analyzed the latest legislative initiatives in this area, and also identified a number of problems of this process.

Keywords: Caspian Sea, seabed of the Caspian Sea, sector of the Caspian Sea, Russian legislation, international law, international treaties of the Caspian states, Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of 2018, use of subsoil, hydrocarbons

References:

1. Janusz-Pawletta B. (2020) Legal Framework for the Interstate Cooperation on Development and Transport of Fossil Natural Resources of the Caspian Sea. *The Journal of World Energy Law & Business* 13(2): 169–184.
2. Kadir R.A. (2019) Introductory Note to the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea. *International Legal Materials* 58(2): 399–413.
3. Barsegov Ju.G. (1998) *Kaspij v mezhdunarodnom prave i mirovoj politike* [The Caspian Sea in the International Law and World Politics]. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian).
4. Batyr' V.A. Sbalansirovannyj sovremennyj osobyj mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morja [The Balanced Current Special Status of the Caspian Sea under International Law]. *Lex Russica* 9: 51–62. (In Russian).
5. Bekjashev K.A.; Bekjashev D.K. (2018) Sovremennyj mezhdunarodno-pravovoj rezhim Kaspijskogo morja [The International Legal Regime of the Caspian Sea]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal] 9: 28–35. (In Russian).

6. Khabrieva T.Ja.; Kurbanov R.A. (2021) Pravovye osnovy i integracionnye tendencii v Kaspijskom regione. "Kaspijskaja pjaterka": istorija i perspektivy [Legal Framework and Integration Trends in the Caspian Region. "Caspian Five": History and Prospects]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law] 8:118–130. (In Russian).
7. Mammadov R.F. (2019) Mezhdunarodno-pravovoe sodержanie i znachenie Konvencii o pravovom statuse Kaspijskogo morja ot 12 avgusta 2018 goda [International Legal Content and Significance of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea of August 12, 2018]. *Problemy postsovetskogo prostranstva* [Post-soviet issues] 6: 175–194. (In Russian).
8. Mammadov R.F. (2006) *Mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morja: vchera, segodnja, zavtra* [International Legal Status of the Caspian Sea: Yesterday, Today, Tomorrow]. Baku. (In Russian).
9. Mammadov R.F. (2006) *Razgranichenie Kaspijskogo morja (mezhdunarodno-pravovye voprosy)* [Delimitation of the Caspian Sea (International Legal Issues)]. Baku. (In Russian).
10. Mursaliev A.O. (2017) Ramochnaja konvencija po zashhite morskoy sredy Kaspijskogo morja: informacija ob okružhajushhej srede i dostup k nej [The Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian Sea: the access to the information about the environment]. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii* [International Law and International Organizations] 4: 21–28. (In Russian).
11. Rozhkov I.S. (2018) Tranzitno-transportnaja sinergija v Kaspijskom regione v kontekste formirovanija mezhdunarodno-pravovogo statusa Kaspijskogo morja: istoričeskij šans ili vyzov sovremennosti? [Transit and Transport Synergy in the Caspian Region in the Context of the Formation of the International Legal Status of the Caspian Sea: a historical chance or a challenge of the present?]. *Mirovaja politika* [World Politics] 1: 58–76. (In Russian).
12. Salimgerej A.A. (2003) *Pravovoj status Kaspijskogo morja (problemy teorii i praktiki)* [The Legal Status of the Caspian Sea (Problems of Theory and Practice)]. Almaty. (In Russian).
13. Tolstykh V.L. (2020) Pravovoj režim Kaspijskogo morja po Konvencii 2018 g. i interesy prikaspijskikh gosudarstv [The Legal Regime of the Caspian Sea According to the 2018 Convention and the Interests of the Caspian States]. *Rossijskij juridičeskij žurnal* [Russian Juridical Journal] 1: 9–19. (In Russian).
14. Zhil'cov S.S. (2021) Osnovnye napravlenija politiki Rossii v Kaspijskom regione [The Main Directions of the Russian Policy in the Caspian Region]. *Kazahstan-Spektr* 2: 7–22. (In Russian).

ДИНАМИКА МЕР ПРОТЕКЦИОНИЗМА И СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ В КОНКУРЕНТНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ США И КНР

Татьяна КОЛЕСНИКОВА

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Игорь СТЕПНОВ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: В статье исследуется механизм сочетания протекционистской и либерализационной компоненты в экономической политике США и КНР. В условиях ужесточения экономической конкуренции Соединенными Штатами и Китаем реализуется комплекс мер для поддержки национальных экономик, направленных на защиту важных для развития государств отраслей, а также на обеспечение рынков сбыта для производимых в стране товаров. Данные положения легли в основу гипотезы, заключающейся в том, что комплекс протекционистского и либерализационного инструментария в экономической политике США и Китая комбинируется и варьируется для обеспечения экономической безопасности и международной конкурентоспособности национальных экономик. С учетом анализа участия государств в глобализационных и интеграционных проектах выделены инструменты протекционизма, которые используют КНР и США. В частности, определены меры субсидирования экономики, налогово-бюджетный инструментарий, административные барьеры, а также тарифные меры, отражающиеся на внешней торговле исследуемых государств. На основе сравнительного анализа комплекса показателей проявления протекционистской и либерализационной компонент в экономической политике США и КНР выделены общие и различные тенденции в

Колесникова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

ORCID: 0000-0002-0450-1086. E-mail: kolesnikova-tv@mail.ru
190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А.

Степнов Игорь Михайлович – доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Института проблем рынка Российской академии наук.

ORCID: 0000-0003-4107-6397. E-mail: stepnoff@inbox.ru
125167, Москва, проспект Ленинградский, д. 49/2.
117418, Москва, Нахимовский проспект, 47.

Поступила в редакцию: 09.05.2023

Принята к публикации: 08.06.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 23-28-01229).

сочетании мер протекционизма и свободной торговли. Авторы приходят к выводу о взаимодополняемости и взаимозависимости применяемого инструментария в целях экономической политики государств, направленной на повышение конкурентных преимуществ национальных экономик.

Ключевые слова: государственная экономическая политика, государственное регулирование, протекционизм, свободная торговля, государственное управление, экономика США, экономика КНР, конкурентоспособность

Среди концепций экономической политики, направленной на развитие национальной экономики в условиях тесных международных связей, можно выделить два основных направления: протекционизм и свободная торговля. Вопросы сопряжения, сочетания и противостояния этих двух концепций исследуются отечественными и зарубежными учеными в целях поиска наиболее адекватной для экономического роста модели ведения внешней торговли. Исследователями отмечается, что преимущества обеих концепций используются государствами в зависимости от приоритетов экономической политики на разных исторических этапах с учетом внутренней и внешней экономической конъюнктуры (Fajgelbaum, Goldberg, Kennedy et al., 2020; Rose, 2013; Wallerstein, 1980; Гальченко, 2019; Гильдебранд, 2020; Мальцев, 2021).

Цель данной статьи состоит в определении тенденций сочетания инструментов протекционизма и свободной торговли в экономической политике США и КНР. Исследование американской и китайской экономических политик обусловлено усиливающейся экономической и геополитической конкуренцией крупнейших экономик XXI в. Стремление Китая увеличить присутствие и влияние на международной арене противоречит интенции Соединенных Штатов сохранить статус глобального политического и экономического лидера. Существующий конфликт интересов предопределяет для двух государств необходимость поиска механизмов, способных обеспечить достижение целей в условиях тесных двусторонних связей и существующей взаимозависимости национальных экономик.

С точки зрения методологии, авторы выделяют период усиления протекционистской компоненты в государственной экономической политике двух государств, апеллируя к динамике показателей участия США и КНР в международной торговле, применения государствами мер протекционистского характера, а также реализации геоэкономических проектов. С помощью анализа причинно-следственных связей авторы выявили последовательное усиление протекционистской компоненты в экономической политике Соединенных Штатов и Китая для снижения двусторонней экономической зависимости и обеспечения конкурентоспособности национальных экономик.

Проявление протекционизма и свободной торговли в экономической политике США и КНР

США были апологетом концепции свободной торговли с середины XX в., продвигая идеи снижения торговых ограничений в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенного в 1947 г. и позднее трансформировавшегося во Всемирную торговую организацию (1995 г.). Положительные экономические эффекты для стран, открывших экономические границы, наиболее масштабно проявились в начале XXI в. и позволили многим государствам существенно прирасти экономически за счет активного включения в международные экономические отношения.

Поворот в сторону свободной торговли в КНР стал осуществляться после провозглашения в 1978 г. Дэн Сяопином политики реформ и открытости. Реализация экспортно ориентированной модели экономического роста заложила фундамент экономического развития Китая. Присоединение КНР к ВТО в 2001 г. позволило существенно нарастить объемы внешней торговли и демонстрировать ежегодный прирост ВВП на уровне 10%. Воплощенный на практике инструментарий свободной торговли принес существенные выгоды китайской экономике.

Исследователи экономических процессов полагают, что в начале 2000-х гг. проявилась тенденция к усилению протекционизма (Reuveny and Thompson, 2001; Афонцев, 2020; Миловидов, 2020; Оболенский, 2018). Мировой экономический кризис продемонстрировал издержки политики свободной торговли и интернационализации мирохозяйственных связей. В условиях кризиса высокая взаимозависимость национальных экономик привела к снижению экономических показателей многих стран, включенных в международное разделение труда.

Для выявления значения внешней торговли в экономическом развитии США и КНР следует рассмотреть динамику изменения показателей открытости экономики: импортной квоты (ИК) и экспортной квоты (ЭК), рассчитываемых по формулам:

$$\text{ИК} = \text{Импорт} / \text{ВВП} * 100,$$

$$\text{ЭК} = \text{Экспорт} / \text{ВВП} * 100.$$

Увеличение показателей открытости США и КНР наблюдается до 2008 г. (см. рис. 1 и рис. 2), что свидетельствует о приоритетности концепции свободной торговли в экономической политике государств в данный период.

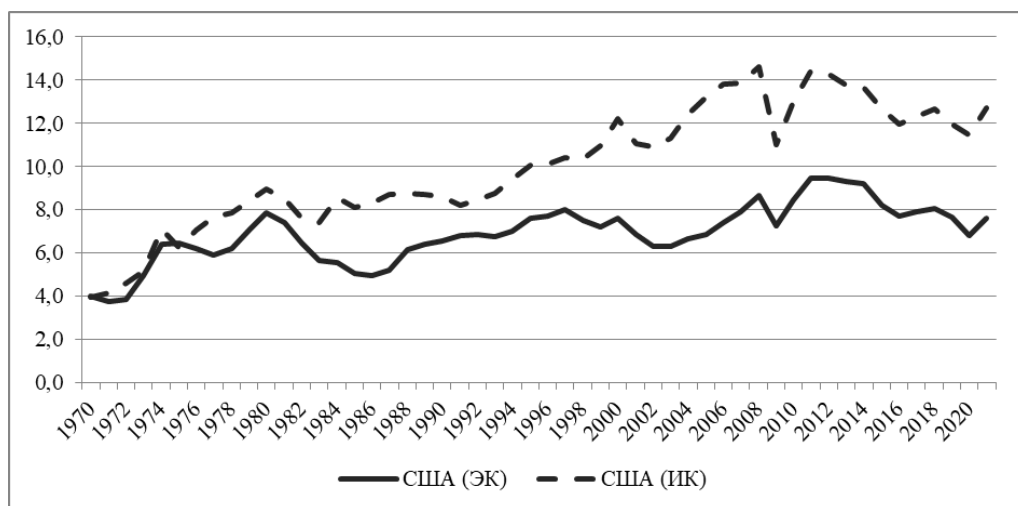

Рисунок 1. Динамика показателей открытости экономики США, %¹

Figure 1. Dynamics of economic openness in the US, %

Мировой экономический кризис стал импульсом к переориентации экономических политик государств на модели роста, сопряженные с развитием и реализацией внутреннего производственного потенциала. Это подтверждается динамикой экспортной и импортной квот Соединенных Штатов и Китая. При небольшой коррекции в 2010 г. после падения показателей США в 2008–2009 гг. наблюдается тенденция к снижению доли импорта и экспорта в экономике: с 14.4% в 2010 г. до 12.7% в 2021 г. и с 9.4% в 2010 г. до 7.6% в 2021 г. соответственно (рис. 1). В КНР динамика снижения выражена более сильно: экспортная квота уменьшилась с 34.4% в 2007 г. до 19.4% в 2021 г., импортная квота – с 26.9% до 15.5% (рис. 2).

¹ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным UNCTAD (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

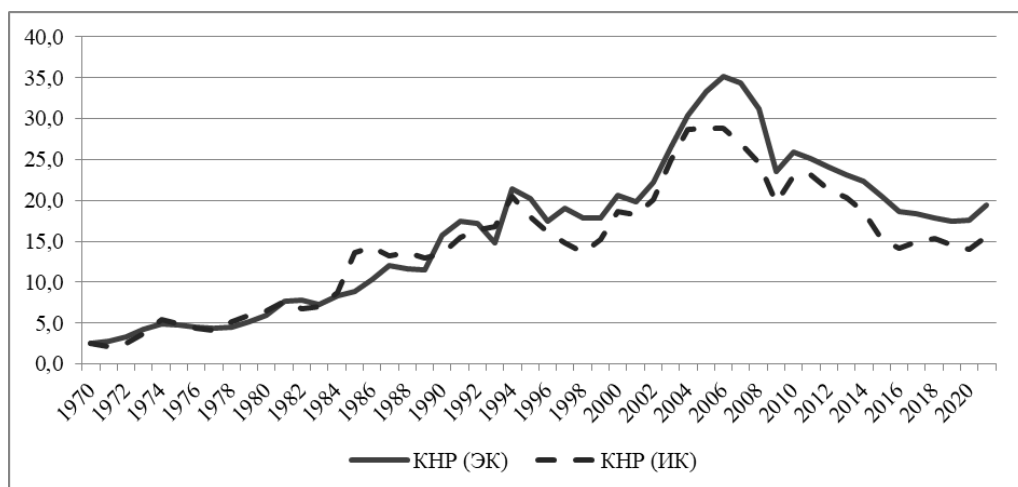

Рисунок 2. Динамика показателей открытости экономики КНР, %²
 Figure 2. Dynamics of economic openness in China, %

В совокупности с существенным увеличением в абсолютных величинах ВВП, экспорта и импорта – как в США, так и в КНР (таблица 1) – наблюдаемая динамика показателей открытости свидетельствует о снижении значения внешней торговли для исследуемых национальных экономик.

Таблица 1. Динамика показателей внешней торговли США и КНР,
 трлн долл. США, тек. цены³
 Table 1. Dynamics of foreign trade indicators between the US and China,
 trillion US dollars, current prices

Показатель	2009	2011	2013	2015	2017	2019	2021
КНР, ВВП	5.10	7.55	9.57	11.06	12.31	14.28	17.30
США, ВВП	14.57	15.70	16.95	18.31	19.58	21.48	23.11
КНР, экспорт товаров	1.20	1.90	2.21	2.27	2.26	2.50	3.36
США, экспорт товаров	1.06	1.48	1.58	1.50	1.55	1.64	1.75
КНР, импорт товаров	1.01	1.74	1.95	1.68	1.84	2.08	2.69
США, импорт товаров	1.61	2.27	2.33	2.32	2.41	2.57	2.94
КНР, торговый баланс	0.20	0.15	0.26	0.59	0.42	0.42	0.68
США, торговый баланс	-0.55	-0.78	-0.75	-0.81	-0.86	-0.92	-1.18

² Источник: рассчитано и составлено авторами по данным *UNCTAD* (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

³ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным *UNCTAD* (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

Снижение открытости экономик обусловлено соответствующим возрастанием государственного регулирования, отражающимся на внешней торговле. В мировом масштабе с ноября 2008 г. по 2022 г. было введено более 30 тыс. различных мер, ограничивающих свободное движение товаров, услуг, инвестиций и рабочей силы, что в четыре раза превышает количество имплементированных либерализационных мер⁴. Указанный факт свидетельствует о востребованности протекционизма в государственной экономической политике и увеличивающемся значении государственной поддержки экономики по сравнению с рыночной парадигмой развития. Наибольшее число мер, ограничивающих свободную торговлю, было принято в 2020 г., что объясняется влиянием коронакризиса, который проявил приоритеты экономической безопасности и экономического суверенитета в целеполагании экономической политики государств.

За указанный период лидерами по введению и реализации механизмов, сдерживающих свободную торговлю, являются КНР (5761 мера) и США (5623 меры), что существенно больше, чем показатели других государств. Например, Италия, занимающая третье место по числу ограничительных механизмов, реализует только 1853 решения. Тенденция к увеличению государственного вмешательства в экономику протекционистского характера наблюдается как в США, так и в КНР (рис. 3).

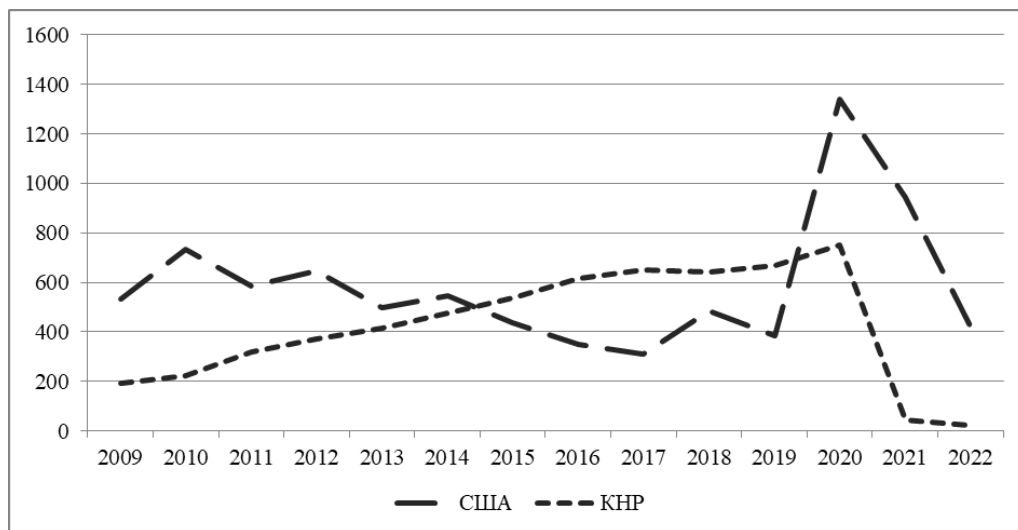

Рисунок 3. Динамика ввода мер, ограничивающих свободную торговлю, 2009–2022 гг.⁵

Figure 3. Dynamics of trade-restrictive measures introduction, 2009–2022

⁴ Global Trade Alert. *Global Trade Alert* (n.d.). Available at: <https://www.globaltradealert.org/> (accessed 4 July 2022).

⁵ Источник: составлено авторами по данным Global Trade Alert. *Global Trade Alert* (n.d.). Available at: <https://www.globaltradealert.org/> (accessed 4 July 2022).

Вместе с тем в период между 2008 г. и 2020 г. увеличивалось также число государственных решений, снимающих торговые ограничения (рис. 4). Однако соотношение ограничительных и либерализационных мер (в среднем 20:1) позволяет утверждать о значительном преобладании протекционистского инструментария в экономической политике анализируемых государств. Наибольшее число актов государственного регулирования экономики обусловлено реакцией на кризис, вызванный пандемией COVID-19, сопряженный с приостановкой деятельности компаний и разрывом производственных цепочек. Снижение количества новых мер в 2021–2022 гг. связано с восстановлением мировой экономики после локдаунов 2020 г. В то же время продолжение действия введенных ранее механизмов обеспечивает реализацию курса, направленного на защиту национальных экономик.

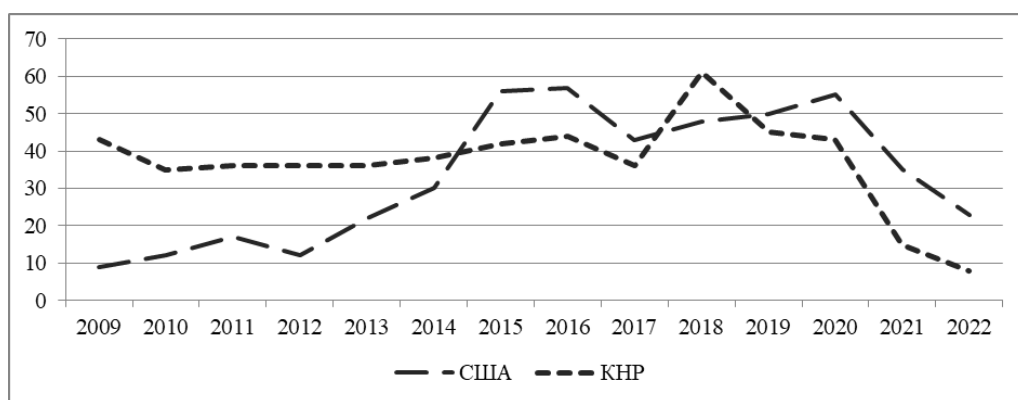

Рисунок 4. Динамика ввода либерализационных мер, 2009–2022 гг.⁶
Figure 4. Dynamics of liberalization measures introduction, 2009–2022

Поскольку США и КНР являются крупнейшими торговыми партнерами, в условиях возрастающего напряжения между ними наибольшее число мер, вводимых ими, направлено на снижение взаимозависимости. В рамках ВТО государства применяют доступные инструменты противостояния фактам недобросовестной конкуренции со стороны компаний (антидемпинговые меры) и государств (компенсационные меры) (рис. 5 и 6).

⁶ Источник: составлено авторами по данным Global Trade Alert. *Global Trade Alert* (n.d.). Available at: <https://www.globaltradealert.org/> (accessed 4 July 2022).

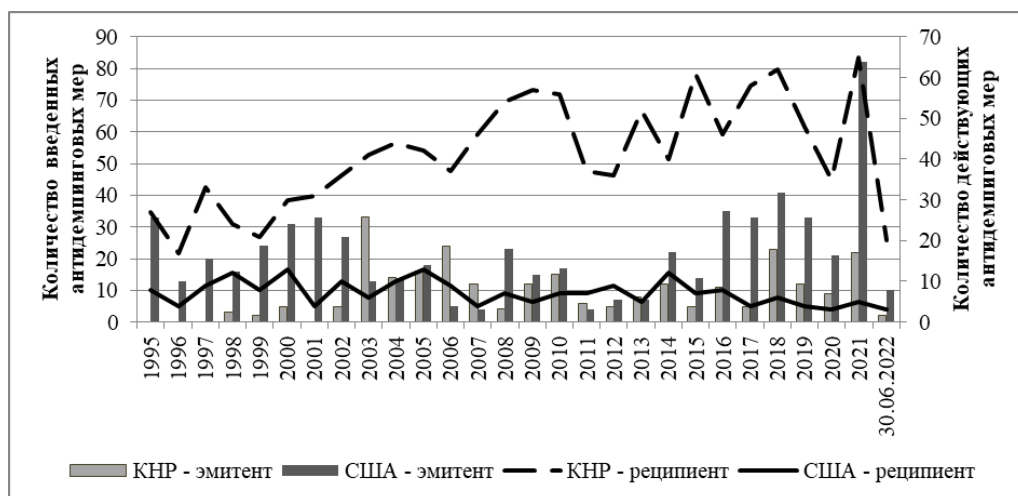

Рисунок 5. Динамика ввода антидемпинговых мер, США и КНР⁷
 Figure 5. Dynamics of anti-dumping measures introduction, USA and China

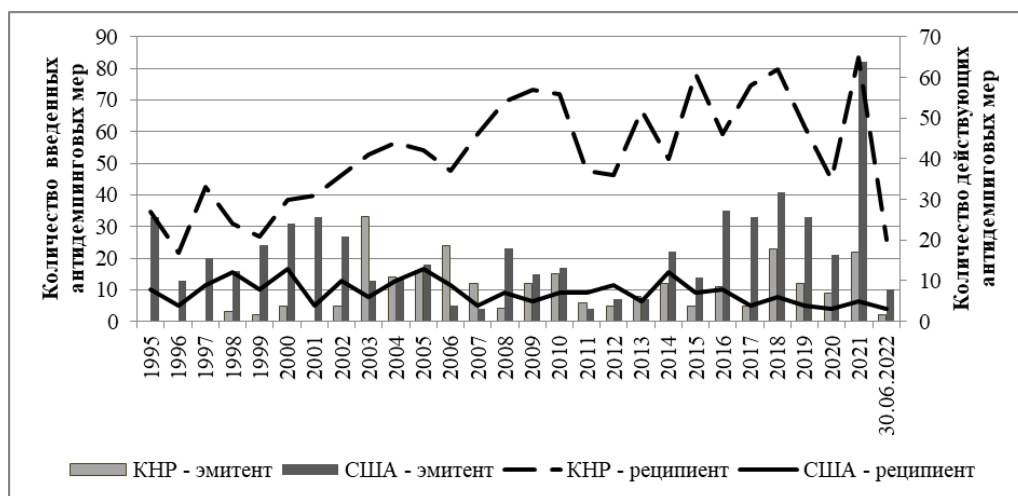

Рисунок 6. Динамика ввода компенсационных мер, США и КНР⁸
 Figure 6. Dynamics of countervailing measures introduction, USA and China

По итогам анализа применения практики антидемпинговых и компенсационных мер в ВТО авторы выявили ряд тенденций:

⁷ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным WTO. Anti-dumping. WTO (n.d.). Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/adp_e/adp_e.htm (accessed 4 July 2022).

⁸ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Subsidies and countervailing measures. WTO (n.d.). Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/scm_e/scm_e.htm (accessed 4 July 2022).

1. Заметна тенденция к увеличению ввода компенсационных мер после 2008 г. – в отличие от антидемпинговых мер, регулирующий механизм которых был востребован государствами в течение всего периода функционирования ВТО;

2. Безусловным лидером по вводу антидемпинговых и компенсационных мер являются США (рис. 6 и 7). Так, из общего числа 4412 антидемпинговых мер, введенных в период с 1995 г. по 30 июня 2022 г., США были инициаторами 615 механизмов; из 397 компенсационных мер Соединенные Штаты ввели 202;

3. Наибольшее количество антидемпинговых и компенсационных мер введено в отношении КНР – 1156 из 4412 и 148 из 397 соответственно.

Противоположное значение США и КНР в распределении антидемпинговых и компенсационных мер в разрезе эмитентов и реципиентов свидетельствует о различных подходах к ведению конкуренции. Наибольшее количество антидемпинговых мер в отношении продукции из Китая говорит о стремлении властей США ограничить усилия китайских компаний по расширению доли рынка посредством как рыночных, так и нерыночных инструментов. Динамика компенсационных мер со стороны США по отношению к Китаю отражает увеличение количества доказанных фактов субсидирования производства со стороны КНР, позволяющих занижать цены китайских товаров на зарубежных рынках, что является проекцией протекционистской компоненты в экономической политике Китая.

Применение протекционизма и свободной торговли в обеспечении международной конкурентоспособности экономик США и КНР

В связи с тем, что в ВТО большинство мер, ограничивающих свободную торговлю, носят нетарифный характер, государства применяют инструменты скрытого протекционизма, например, субсидирование производства прямым и косвенным образом. В открытой форме протекционизм США реализовался в форме торговой войны с КНР, начатой президентом Д. Трампом в 2017 г. Ввод беспрецедентных в рамках ВТО торговых барьеров был подкреплен идеей обеспечения национальной безопасности, обрабатывающей промышленности США и интересами американского народа в целом (Jones, 2021). Целеполагание Соединенных Штатов в усилении протекционистской компоненты в экономической политике трактуется как стремление удержать позицию глобального лидерства (Дмитриев, 2020), повысить технологическую конкурентоспособность национальной экономики (Липатникова, 2018), обеспечить экономическую (Чудинова, 2019) и цифровую безопасность (Friis and Lysne, 2021).

Экономическое развитие Китая, обусловившее конкуренцию с США, сопряжено с поиском баланса либерализационных и протекционистских мер во внешней торговле. С одной стороны, открытие рынка и снижение тарифных барьеров в соответствии с нормами ВТО, а также преференциальные условия налогообложения иностранных компаний, действовавшие до 2008 г., позволили значительно увеличить объемы экспорта и притока инвестиций

(Степнов, Ковальчук, 2020). С другой, субсидирование динамично развивающихся отраслей, таких как автомобильная промышленность, электроника, альтернативные виды энергетики, нередко становились объектами разбирательств со стороны развитых государств на площадке ВТО. Кроме того, удержание высоких ввозных пошлин на иностранные автомобили в течение длительного времени обеспечило развитие собственной автомобильной отрасли. В арсенале протекционистских мер КНР также присутствует регулирование курса юаня.

Наряду с протекционистскими мерами на экономическом росте КНР положительно отражается увеличение финансирования исследований и разработок. Следует отметить существенное значение государственного регулирования и государственной поддержки для научно-технологического развития (Ковальчук, Пичков, Степнов, 2019). В Китае такая поддержка сопоставима с объемами средств, выделяемых в развитых экономиках, что позволило существенно повысить технологическую оснащенность производства, и, следовательно, экспорта. Так, 71% совокупного мирового производства солнечных панелей приходится на Китай (Garcia-Herrero, 2021). Треть структуры экспорта китайских товаров приходится на высокотехнологичную продукцию (*high technology manufactures*); при этом увеличивается доля экспорта товаров со средним уровнем технологий (*medium technology manufactures*) за счет снижения экспорта низкотехнологичных товаров (*low technology manufactures*)⁹. Повышение технологичности товаров связано с субсидированием производства стратегических отраслей на местном уровне, а также квотированием экспорта отдельных технологий, в частности, таковых в сфере искусственного интеллекта.

Переориентация экономической модели развития Китая с экспортоориентированной на развитие внутреннего спроса позволила реализовать внутренние резервы роста в посткризисный период. В программе 2015 г. «Сделано в Китае – 2025» определены стратегические приоритеты экономического развития, в то числе замещение импорта национальным производством в высокотехнологичных отраслях и диверсификация товарной структуры экспорта в пользу продукции с высокой добавленной стоимостью. Как отмечается в исследованиях, программа «Сделано в Китае – 2025» привела к усилению опасений США относительно китайского доминирования в технологической сфере (Липатникова, 2018).

Усиление экономической конкуренции КНР и США в 2000-х гг. сопровождалось развитием конкурентных отношений в геополитической плоскости. С председательства Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) отмечается «выход из тени» КНР как независимого актора международных отношений. Китай стал использовать концепцию «мягкого балансирования» и расширил практику использования права вето в рамках Совета Безопасности ООН по вопросам,

⁹ UNCTAD (n.d.) Statistics. Available at: <https://unctad.org/statistics/> (accessed 4 July 2022).

представляющим особую важность для США (ближневосточная проблематика, Венесуэла и пр.) (Галимуллин, 2021). На рубеже 2020-х гг. геополитические противоречия КНР и Соединенных Штатов усиливаются; наиболее яркий пример – эскалация конфликтной риторики по тайваньскому вопросу.

В связи с укреплением экономического и геополитического значения КНР США стремятся не только снизить зависимость от китайской экономики, но и сократить возможности технологического развития Китая за счет «технологического бойкота» КНР как самими Соединенными Штатами, так и их государствами-партнерами (Кашин, 2021).

Значительный протекционизм со стороны США по отношению к КНР может оцениваться как противоречащий последовательно реализуемой политике свободной торговли во внешнеторговых отношениях (Таскаева, 2021). Однако набор и комбинация инструментов свободной торговли и протекционизма определяется исходя из целей и приоритетов экономической политики. Если в середине XX в., будучи самой большой после Второй мировой войны, экономика США была направлена на расширение доступа произведенных в стране товаров на зарубежные рынки, то в условиях ужесточающейся конкуренции со стороны Китая приоритетами становятся удержание геοэкономического и геополитического влияния, а также обеспечение безопасности внутренней экономики от угроз зависимости от КНР.

Смена скрытого протекционизма на открытые защитные меры предопределила противостояние в сфере тарифного регулирования международной торговли. За годы ведения американо-китайской торговой войны средний уровень ставок таможенных тарифов для ввозимых из КНР товаров в рамках режима наибольшего благоприятствования вырос в пять раз (Дмитриев, 2020). Введение и повышение таможенных тарифов коснулось более 15% ввозимых в США из Китая товаров. Помимо тарифных мер применены налогово-бюджетные инструменты для стимулирования рещоринга американских компаний, административные запреты на реализацию инвестиционных сделок, а также на покупку и использование ряда китайских программных и цифровых технологий в государственном секторе и частных компаниях (Иноземцев, Гусейнов, 2018).

Зеркальный характер ответных мер Китая усилил взаимный протекционизм. Вместе с тем в экономической политике КНР просматривается преобладание курса на самообеспечение экономики и ее развитие путем удовлетворения внутреннего спроса национальным производством, а также расширением рынка сбыта товаров посредством двусторонних договоренностей о свободной торговле и преференциальных режимах, в том числе в рамках инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП). Американские ограничения в сфере технологий стали для Китая катализатором развития собственного высокотехнологичного производства, укрепления военно-промышленного комплекса и диверсификации географической структуры торговых партнеров за счет построения новых каналов внешней торговли в рамках ОПОП (Лузянин, 2021). Укрепление идеи об опоре на внутреннее производ-

ство предопределило создание в рамках экономической политики КНР концепции единого внутреннего рынка (*China's unified domestic market*) в 2022 г. В соответствии с ней должна произойти унификация внутреннего рынка за счет снятия ограничений для движения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов внутри страны.

Отметим, что экономическое противостояние США и КНР, а также торговая сделка, заключенная в 2020 г., не привели к существенным изменениям характера двусторонней торговли (рис. 6). В 2021 г. 6.7% от всей импортируемой продукции в Китай приходилось на поставки из Соединенных Штатов, в то же время доля китайских товаров в совокупном объеме импорта США составила 18.4%. Однако последствия противостояния отразились в снижении объема двусторонних инвестиций. При этом объем китайских инвестиций в экономику Соединенных Штатов снизился с 50 до 7.2 млрд долл., а объем американских инвестиций в КНР уменьшился – с 14 до 8.7 млрд долл. в 2020 г.

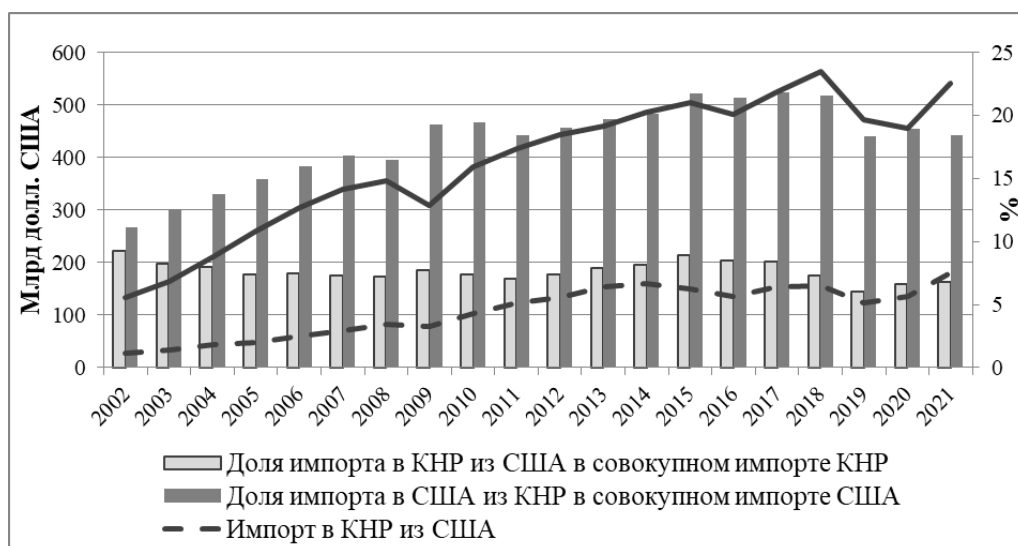

Рисунок 6. Динамика показателей двусторонней торговли США и КНР¹⁰

Figure 6. Dynamics of US-China bilateral trade indicators

Обобщение результатов проведенного анализа (табл. 2) позволяет выделить общие характеристики развития экономик США и КНР, а также определить существенные различия в реализуемых экономических политиках государств.

¹⁰ Источник: рассчитано и составлено авторами по данным Trade Map. *Trade Map* (n.d.). Available at: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 4 July 2022).

Таблица 2. Проявления протекционистской и либерализационной компонент в экономической политике США и КНР¹¹

Table 2. Manifestations of protectionist and liberalizing components in US and Chinese economic policies

№ п/п	показатель	США	КНР
1	участие в международной торговле	рост внешней торговли	
2	торговый баланс	отрицательный, увеличивается	положительный, увеличивается
3	показатели открытости	снижаются	
4	факты вмешательства государства в экономику	увеличивается количество мер, ограничивающих свободную торговлю	
5	применение защитных мер в условиях ВТО	преимущественно эмитент антидемпинговых и компенсационных мер	преимущественно реципиент антидемпинговых и компенсационных мер
6	проекты глобализации	выход из Транстихоокеанского партнерства (ТТП)	продвижение инициативы «Один пояс – один путь»
7	интеграционные тенденции	трансформация НАФТА в USMCA	продвижение Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП)
8	проекты развития внутреннего производства	программы под лозунгами "Make America Great Again" и "America First"	программа «Сделано в Китае – 2025», программа единого внутреннего рынка

Полученные результаты сравнительного анализа дают основания для следующих выводов:

1. При увеличении объемов внешней торговли в США и КНР фиксируется снижение экспортной и импортной квот, в том числе в результате увеличения количества мер протекционистского характера, ограничивающих свободную торговлю.

2. Реализация Соединенными Штатами и Китаем программ развития внутреннего рынка носит выраженный протекционистский характер, направленный на снижение зависимости от иностранных товаров и обеспечение конкурентных преимуществ за рубежом, где США и КНР претендуют на доли внешних рынков.

¹¹ Источник: составлено авторами.

3. Разнонаправленная динамика торгового баланса говорит о различии в целеполагании экономических политик: наряду с необходимостью обеспечения экономической устойчивости, важное значение для Соединенных Штатов имеет сокращение отрицательного торгового баланса, что позволяло бы снижать зависимость от иностранных поставок.

4. Диспропорции в балансе реализуемых двусторонних антидемпинговых мер свидетельствуют о неоднозначной ценовой политике китайских компаний, для которой фактор ценовой конкурентоспособности товаров из Китая на американском рынке не всегда обусловлен низкой себестоимостью. Порой эта тенденция определена также недобросовестной конкуренцией, в основе которой лежит стремление к расширению доли рынка.

5. Увеличение количества компенсационных мер со стороны США по отношению к КНР может свидетельствовать как о расширении масштабов субсидирования производства в Китае, так и об увеличении выявляемых фактов субсидирования.

6. Реализация проектов глобального характера свидетельствует о переходе центра глобализации в регион Азии с доминирующей ролью КНР, выстраивающей инициативу «Один пояс – один путь» как инфраструктуру распределения товаров по государствам-участникам для диверсификации географической структуры экспорта продукции.

7. Расширение сети двусторонних и многосторонних торговых соглашений со стороны Китая, включая его участие в продвижении ВРЭП, позволяет сделать вывод о заинтересованности КНР в применении инструментов свободной торговли для увеличения экономического присутствия на международном рынке. В то же время осуществленный Д. Трампом пересмотр соглашения о зоне свободной торговли между США, Канадой и Мексикой демонстрирует такую особенность экономической политики США, как отстаивание экономических интересов государства в рамках свободной торговли.

Подводя итог, следует отметить, что в экономической политике США и КНР одновременно присутствуют инструменты протекционизма и свободной торговли. Их сочетание и применение зависит от целей экономической политики на определенном этапе, сложившейся международной экономической конъюнктуры и тенденций развития международных экономических связей.

Список литературы

1. Fajgelbaum P., Goldberg P., Kennedy P., et al. (2019) *The Return to Protectionism*. w25638. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w25638.
2. Friis K. and Lysne O. (2021) Huawei, 5G and Security: Technological Limitations and Political Responses. *Development and Change* 52(5): 1174–1195. DOI: 10.1111/dech.12680.
3. Garcia-Herrero A. (2021) *What is Behind China's Dual Circulation Strategy*. 3927117, SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY. DOI: 10.2139/ssrn.3927117.
4. Jones K. (2021) *Populism and Trade: The Challenge to the Global Trading System*. 1st ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190086350.001.0001.

5. Reuveny R. and Thompson W.R. (2001) Explaining Protectionism: 17 Perspectives and One Common Denominator. *Global Society* 15(3): 229–249. DOI: 10.1080/13600820120066249.
6. Rose A.K. (2013) The March of an Economic Idea? Protectionism isn't Counter-Cyclic (Anymore). *Economic Policy* 28(76): 569–612. DOI: 10.1111/1468-0327.12017.
7. Wallerstein I. (1980) *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy*. New York – London, pp. 233–267.
8. Афонцев С.А. (2020) Политика и экономика торговых войн. *Журнал Новой экономической ассоциации* 1(45): 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9.
9. Галимуллин А.М. (2021) Эволюция внешнеполитической линии КНР в Совете безопасности ООН. *Сравнительная политика* 12(3): 186–191. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10035.
10. Гальченко Е.А. (2019) Преимущества свободной торговли: динамический анализ. *Вопросы теоретической экономики* 1(4): 46–58. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10104.
11. Гильдебранд Б. (2020) *Политическая экономия настоящего и будущего. (Через призму исторического метода исследования экономических явлений)*. URSS.
12. Дмитриев С.С. (2020) Американо-китайское технологическое соперничество: от «высокомерия» к бойкоту. *Мировая экономика и международные отношения* 64(12): 70–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77.
13. Иноземцев М.И., Гусейнов Ш.Р. оглы (2018) О противоречивости отдельных положений современного корпоративного управления и практики цифровой трансформации хозяйствующих субъектов и общества. *Вестник МГИМО-Университета* 6(63): 294–316. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-294-316.
14. Кашин В.Б. (2021) Военно-промышленное и военно-экономическое измерения американо-китайского соперничества. *Сравнительная политика* 12(3): 85–97. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029.
15. Ковальчук Ю.А., Пичков О.Б., Степнов И.М. (2019) Интеграционная роль государственного регулирования и государственной поддержки научно-технологического развития. *Дружковский вестник* 4(30): 70–83. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-70-83.
16. Липатникова А.В. (2018) Торговый протекционизм Китая и США в условиях глобальной технологической конкуренции. *Новые направления научной мысли: Материалы Международной научно-практической конференции*, Ростов-на-Дону, Россия, 13 декабря 2018 года, С. 232–234. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ».
17. Лузянин С.Г. (2021) Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы. *США и Канада: экономика, политика, культура* 51(8): 75–80. DOI: 10.31857/S268667300016028-0.
18. Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2021) Истоки противостояния фритредерства и протекционизма в экономической теории. *Теоретическая экономика* 12(84): 69–81. DOI: 10.52957/22213260_2021_12_69.
19. Миловидов В.Д., Аскер-Заде Н.В. (2020) Протекционизм 2.0: новая реальность эпохи глобализации. *Мировая экономика и международные отношения* 64(8): 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45.
20. Оболенский В.П. (2018) От легитимного протекционизма к торговым войнам? *Мировая экономика и международные отношения* 62(9): 18–25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-18-25.
21. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. (2020) Цифровые вызовы и справедливость налогов. *Цифровое право* 1(1): 39–58. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-39-5.
22. Таскаева С.В. (2021) Протекционизм и политика свободной торговли в современных внешнеторговых отношениях Китая и США. *США и Канада: экономика, политика, культура* 51(3): 73–80. DOI: 10.31857/S268667300013922-4.
23. Чудинова К.О. (2019) Влияние политики Д. Трампа на международную торговлю. *Международная торговля и торговая политика* 3(19): 65–82. DOI: 10.21686/2410-7395-2019-3-65-82.

DYNAMICS OF PROTECTIONISM AND FREE TRADE MEASURES IN THE COMPETITIVE CONFRONTATION BETWEEN THE UNITED STATES AND CHINA

Dr Tatiana V. KOLESNIKOVA – Associate Professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

ORCID: 0000-0002-0450-1086. E-mail: kolesnikova-tv@mail.ru
 67 Bolshaya Morskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 190000.

Dr Igor M. STEPNOV – Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Research Fellow, Market Economy Institute Russian Academy of Sciences.

ORCID: 0000-0003-4107-6397. E-mail: stepnoff@inbox.ru
 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125993.
 47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russia, 117418.

Received May 9, 2023

Accepted June 8, 2023

Acknowledgments. This research has been supported by a grant from the Russian Science Foundation. Project no. 23-28-01229.

Abstract: The article examines the reconciliation mechanism of protectionist and liberalization components in the economic policy of the United States and China. Under tightening economic competition, the U.S. and China are implementing a set of measures to support national economies, aimed both at protecting the industries which are crucial for the development of the states, and at ensuring markets for the goods produced in the country. These observations have led to the hypothesis that the set of protectionist and liberalization tools in the economic policy of countries is combined and varied to ensure economic security and international competitiveness of national economies. Based on the analysis of indicators measuring the openness of the US and PRC economies as well as a number of examples of government intervention in the economy, the authors detect the trend towards the strengthening of protectionism in the economic policy of the states since 2008. Taking into consideration the research on the participation of both countries in globalization and integration projects, the authors determine the protectionist instruments implemented by China and the USA to improve the economic growth and competitive advantage of their economies. In particular, government subsidies, fiscal tools, administrative barriers, as well as tariff measures affecting the foreign trade of the countries under study have been identified. On the basis of the comparative analysis of certain indicators measuring the manifestation of protectionist and liberalization components in the economic policy of the United States and China, the authors highlight common and different trends in combining protectionism and free trade. The synthesis of findings has led to the conclusion about the complementarity and interdependence of the tools used in the economic policy of the states aimed at increasing the competitive advantages of national economies.

Keywords: state economic policy, government regulation, protectionism, free trade, public administration, US economy, PRC economy, competitiveness

References:

1. Fajgelbaum P., Goldberg P., Kennedy P., et al. (2019) *The Return to Protectionism*. w25638. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research. DOI: 10.3386/w25638.
2. Friis K. and Lysne O. (2021) Huawei, 5G and Security: Technological Limitations and Political Responses. *Development and Change* 52(5): 1174–1195. DOI: 10.1111/dech.12680.
3. Garcia-Herrero A. (2021) *What is Behind China's Dual Circulation Strategy*. 3927117, SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY. DOI: 10.2139/ssrn.3927117.
4. Jones K. (2021) *Populism and Trade: The Challenge to the Global Trading System*. 1st ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190086350.001.0001.
5. Reuveny R. and Thompson W.R. (2001) Explaining Protectionism: 17 Perspectives and One Common Denominator. *Global Society* 15(3): 229–249. DOI: 10.1080/13600820120066249.
6. Rose A.K. (2013) The march of an economic idea? Protectionism isn't counter-cyclic (anymore). *Economic Policy* 28(76): 569–612. DOI: 10.1111/1468-0327.12017.
7. Wallerstein I. (1980) *The Modern World-System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy*. New York – London, pp. 233–267.
8. Afontsev S.A. (2020) Politika i ekonomika trgovykh vojn [Politics and economics of trade wars]. *Zhurnal Novej ekonomicheskoy associacii* [Journal of the New Economic Association] 45(1): 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9. (In Russian).
9. Chudinova K.O. (2019) Vliyanie politiki D. Trampa na mezhdunarodnyuyu trgovlyu [The Influence of D. Trump's Policy on International Trade]. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika* [International Trade and Trade Policy] 3(19): 65–82. DOI: 10.21686/2410-7395-2019-3-65-82. (In Russian).
10. Dmitriev S.S. (2020) Amerikano-kitajskoe tekhnologicheskoe sopernichestvo: ot "vysokomeriya" k bojkotu [U.S.–China Technological Rivalry: from "Arrogance" to Boycott]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 64(12): 70–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-70-77. (In Russian).
11. Gal'chenko E.A. (2019) Preimushchestva svobodnoj trgovli: dinamicheskij analiz [The Advantages of Free Trade: Dynamic Analysis]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Economic Theory] 1(4): 46–58. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10104. (In Russian).
12. Galimullin A.M. (2021) Evolyuciya vneshnepoliticheskoy linii KNR v Sovete bezopasnosti OON [The PRC's UNSC Policy Evolution]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics] 12(3): 186–191. DOI 10.24411/2221-3279-2021-10035. (In Russian).
13. Hildebrand B. (2020) *Politicheskaya ekonomiya nastoyashchego i budushchego. (Cherez prizmu istoricheskogo metoda issledovaniya ekonomicheskikh yavlenij)* [The Political Economy of the Present and the Future. (Through the Prism of the Historical Method of Investigating Economic Phenomena)]. URSS. (In Russian).
14. Inozemtsev M.I., Gusejnov Sh.R. ogly (2018) O protivorechivosti otel'nykh polozhenij sovremennogo korporativnogo upravleniya i praktiki cifrovoj transformacii hoz'yajstvuyushchih sub'ektov i obshchestva [Contradiction Between the Modern Corporate Governance's Theory And Practice of Businesses And Companies within Digital Transformation]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations] 6(63): 294–316. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-6-63-294-316. (In Russian).
15. Kashin V.B. (2021) Voенно-promyshlennoe i voенно-ekonomicheskoe izmereniya amerikano-kitajskogo sopernichestva [Military-Industrial and Military-Economic Dimensions of Sino-US Rivalry]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics] 12(3): 85–97. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10029. (In Russian).
16. Koval'chuk Yu.A., Pichkov O.B., Stepnov I.M. (2019) Integracionnaya rol' gosudarstvennogo regulirovaniya i gosudarstvennoj podderzhki nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya [The Integration Role of State Regulation And State Support for Research And Technological Development]. *Drukerovskij vestnik* [Drukerovskij vestnik] 4(30): 70–83. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-4-70-83. (In Russian).

17. Lipatnikova A.V. (2018) Torgovyy protekcionizm Kitaya i SSHA v usloviyah global'noj tekhnologicheskoy konkurencii [Trade Protectionism of China and the United States in the Context of Global Technological Competition]. *Novye napravleniya nauchnoj mysli: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [New Directions in Scientific Thought: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference], Rostov-on-Don, Russia, December 13, 2018, P. 232-234. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics. (In Russian).
18. Luzyanin S.G. (2021) Kitajsko-amerikanskije otnosheniya posle D. Trampa: ocenki, podhody, perspektivy [Sino-American Relations after D. Trump: Assessments, Approaches, Prospects]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture] 51(8): 75–80. DOI:10.31857/S268667300016028-0. (In Russian).
19. Maltsev A.A., Chichilimov S.V. (2021) Istoki protivostoyaniya fritrederstva i protekcionizma v ekonomicheskoy teorii [Origins of the Confrontation Between Free Trade and Protectionism in Economic Theory]. *Teoreticheskaya ekonomika* [Theoretical Economy] 12(84): 69–81. DOI: 10.52957/22213260_2021_12_69. (In Russian).
20. Milovidov V.D., Asker-Zade N.V. (2020) Protekcionizm 2.0: novaya real'nost' epohi globalizacii [Protectionism 2.0: New Reality in the Age of Globalisation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 64(8): 37–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-8-37-45. (In Russian).
21. Obolenskij V.P. (2018) Ot legitimnogo protekcionizma k torgovym voynam? [From Legitimate Protectionism to Trade Wars?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations] 62(9): 18–25. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-18-25. (In Russian).
22. Stepnov I.M., Koval'chuk Yu.A. (2020) Cifrovye vyzovy i spravedlivost' nalogov [Digital Challenges and Tax Equity]. *Cifrovoe pravo* [Digital Law Journal] 1(1): 39–58. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-39-5. (In Russian).
23. Taskaeva S.V. (2021) Protekcionizm i politika svobodnoj trgovli v sovremennyh vneshnetorgovyh otnosheniyah Kitaya i SSHA [Protectionism and Free Trade Policy in Contemporary China-US Foreign Trade Relations]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture] 51(3): 73–80. DOI: 10.31857/S268667300013922-4. (In Russian).

ТОРГОВАЯ ВОЙНА США И КИТАЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ЭФФЕКТЫ

Екатерина АРАПОВА
МГИМО МИД России

Аннотация: Торговая война США и Китая, ставшая следствием различий в структуре производства двух государств, системных противоречий в принципах проведения внешнеэкономической политики и борьбы за глобальное лидерство, оказывает значимое влияние на глобальные торговые потоки и конъюнктуру отраслевых рынков. Автор ставит своей целью выявить ключевых бенефициаров американско-китайской торговой войны, дать оценку ситуации на отдельных отраслевых рынках, а также определить глобальные правовые эффекты, зачастую выпадающие из поля зрения экспертов. Основными выгодоприобретателями торговой войны между США и КНР становятся американские фармацевтические компании и производители электронных интегральных схем, диодов, транзисторов, полупроводников и прочих высокотехнологичных комплектующих, при этом американские потребители сталкиваются с ростом импортных цен. В числе внешних бенефициаров можно выделить Чили, Малайзию, Аргентину, Бразилию, Канаду, выигрывающих за счет роста поставок сельхозпродукции и металлов; Малайзию, Вьетнам, Тайвань, САР Гонконг, Сингапур, Республику Корея и Японию (электроника); Вьетнам, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланку, Камбоджу и Индию (текстильные производства). США нацелились на вытеснение Китая с мирового рынка редкоземельных металлов, формируя вокруг себя инвестиционную коалицию, включающую Австралию и Японию. Из-за системного распространения санкций и торговых ограничений, противоречащих принципам глобальной торговой системы, решение санкционных и торговых споров смещается с глобального уровня на уровень американской правовой системы. Международное законодательство фактически вытесняется национальным – американским. Причем этот процесс насаждается не только «сверху», но и эволюционно стимулируется «снизу», так как сами истцы осознают существенно более высокую эффективность решения споров в американских судах.

Ключевые слова: протекционизм, торговая война, Китай, США, энергетика, редкоземельные металлы, таможенные пошлины, санкции

Арапова Екатерина Яковлевна – кандидат экономических наук, директор, ведущий научный сотрудник Центра экспертизы санкционной политики Института международных исследований МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapova_katrin@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Противостояние США и Китая — двух экономически мощных мировых держав приводит к существенной перебалансировке глобальных торговых и перераспределению денежных потоков. Главной проигравшей стороной в битве глобальных амбиций и транснациональных капиталов становятся китайские и американские потребители, вынужденные приобретать товары по более высоким ценам, однако круг проигравших может оказаться значительно шире. Дискуссия о предпосылках американо-китайской торговой войны и ее последствиях для мировой экономики в целом и влиянии на экономическое развитие отдельных государств и регионов, в наибольшей степени зависящих от рынков, технологий и/или инвестиций из США и Китая, занимает значимое место в научной литературе. Несомненно, экономический и политический мотивы усиления протекционистских настроений неотделимы друг от друга. Стремительный рост Китая, основанный на экспортоориентированной модели развития и стимулировании перехода на высокотехнологичные рельсы, стал главным вызовом американскому глобальному доминированию.

Некоторые эксперты склонны придерживаться позиции, согласно которой торговая война Китая и США — следствие экзистенциальных противоречий принципов либерализма и свободной торговли, с одной стороны, и протекционизма в целях защиты национальных интересов и поддержки отечественных секторов экономики — с другой. Очевидно, что свободная торговля по-разному влияет на экономический рост, а эффекты либерализма напрямую определяются конкурентными преимуществами того или иного государства на глобальном рынке (Samuelson, 2004; Gomory and Baumol, 2009). Стремительный рост Китая, расширение его промышленного потенциала, рост ценовой конкурентоспособности и глобальное засилье китайских товаров на глобальном рынке привели к резкой смене глобальной парадигмы. Еще два–три десятилетия назад именно развитые государства во главе с США были главными сторонниками принципов свободной торговли (которые и легли в основу пунктов Вашингтонского консенсуса), зачастую в ущерб развивающимся государствам (Greenaway, Morgan and Wright, 2002; Santos-Paulino and Thirlwall, 2004; Bourdon, Mouél and Vijil, 2013). А сегодня именно Китай позиционирует себя в качестве основного приверженца принципов Всемирной торговой организации (ВТО), в том числе недопущения дискриминации в торговле, а позиция Соединенных Штатов сводится к защите собственных национальных интересов (Пак, 2020). Одной из основополагающих экономических причин американо-китайского торгового конфликта является хронический дефицит торгового баланса США в торговле с Китаем и рядом других торговых партнеров (Пак, 2020).

Хронический характер дефицита обусловлен рядом факторов — внутренней налоговой политикой Соединенных Штатов, сдерживающей экспорт; «резервной» ролью доллара США; высокими показателями неравенства по уровню доходов и стабильно нулевым приростом среднего уровня заработной платы в производящих секторах американской экономики. К этому следует добавить различия в структуре производства двух государств и разрыв

между собственными импортными пошлинами США и ограничениями, с которыми сталкиваются американские товары при поставках на рынки развивающихся государств, в первую очередь Китая¹ (Пак, 2020). В этих условиях стремление удержать (или вернуть) торговые преимущества вынуждает США прибегать к протекционизму, сопровождаемому обвинениями в недобросовестной конкуренции и несправедливой торговой политике (Park, 2018)² в адрес экономически более успешных участников рынка. Поэтому протекционистская политика США в отношении Китая — не что иное, как инструмент сдерживания экспансии китайского капитала, его промышленного и технологического развития (Петров, 2020; Данилин, 2020; Литвинов, 2020). Таким образом, корни торгового конфликта между двумя государствами не только лежат в сфере экономики, но и плотно связаны с борьбой за глобальное доминирование (Пак, 2020; Chin, Rowley, Redding et al., 2018)³, а экономическая природа противоречий тесно увязана с политической.

Раскручивание спирали взаимных торговых ограничений не только ведет к ухудшению двусторонних торговых отношений (Park, 2018), но и оказывает влияние на третьи страны, тесно вовлеченные в цепочки добавленной стоимости с участием этих двух крупных производственных центров (особенно в сфере электроники и прочего высокотехнологичного оборудования)⁴. По оценкам экспертов, эффекты торговой войны могут замедлить рост экономики США более чем на 3%, Китая — на 4%⁵. Воздействие на мировую экономику в целом ниже — снижение от 0,1% до 0,25% в случае реализации конфликтных сценариев⁶, однако влияние на страны Азиатско-Тихоокеан-

¹ См.: Pettis M. (2017) Is Peter Navarro Wrong on Trade? *Carnegie Endowment for International Peace*, 2 February. Available at: <https://carnegieendowment.org/chinafinancialmarkets/67867> (accessed 9 May 2021); Bekkers E. and Schroeter S. (2020) An Economic Analysis of the US-China Trade Conflict. ERSD-2020-04: 35. WTO. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202004_e.htm (accessed 9 May 2021).

² Genereux F. (2017) Protectionism: A Brake on Economic Growth (n.d.). Desjardins. Available at: <https://www.desjardins.com/en/savings-investment/economic-studies.html> (accessed 9 May 2021); *World Trade Organization* (2018) World Trade Report 2018. DOI: 10.30875/f309483f-en.

³ Schwab K. (2016) The Fourth Industrial Revolution: what it means and how to respond. *World Economic Forum*, 14 January. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/> (accessed 09 May 2021); *The White House* (2017) National Security Strategy of the United States of America. The White House. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 23 May 2021); Jiming H. (2018) China — US Trade Conflict: Causes and Impact. CF40-PIIE Joint Report, China Finance Forum. PIIE. Available at: <https://pie.com/system/files/documents/ha20180611ppt.pdf> (accessed 23 May 2021); Doffman Z. (2019) Trump Signs Executive Order That Will Lead to U.S. Ban on Huawei (Updated). *Forbes*, 15 May. Available at: <https://www.forbes.com/sites/zakdoffman/2019/05/15/trump-expected-to-sign-executive-order-leading-to-ban-on-huawei-this-week/> (accessed 29 May 2021).

⁴ Abiad A., Baris K., Bernabe J.A., Bertulfo D.J., Camingue-Romance S., Feliciano P.N., Mariasingham M.J. and Mercer-Blackman V. (2018) The Impact of Trade Conflict on Developing Asia. ADB Economics Working Paper Series 566. *Asian Development Bank*, December. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/471496/ewp-566-impact-trade-conflict-asia.pdf> (accessed 29 May 2021).

⁵ Bollen J., Rojas-Romagosa H. (2018) Trade Wars: Economic Impacts of US Tariff Increases and Retaliation: An International Perspective. *CPB Background Document*, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, 19 November. Available at: <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Background-Document-November2018-Trade-Wars-update.pdf> (accessed 29 May 2021).

⁶ Abiad A., Baris K., Bernabe J.A., Bertulfo D.J., Camingue-Romance S., Feliciano P.N., Mariasingham M.J. and Mercer-Blackman V. (2018) The Impact of Trade Conflict on Developing Asia. *ADB Economics Working Paper Series 566*.

ского региона (АТР) может оказаться весьма ощутимым. Наибольшие потери могут понести экспортеры промежуточных товаров из Южной Кореи, Японии, Сингапура и Тайваня, а также Австралия, Индонезия, Таиланд и Филиппины, экспортирующие в Китай сырьевую продукцию и промышленные товары⁷. Оценки Международного валютного фонда (МВФ) более пессимистичны: торговые войны уже обошлись глобальной экономике примерно в 700 млрд долл. США, сдерживая глобальный экономический рост примерно на 0,8%.

Противостояние двух держав неизбежно влечет за собой заполнение освобождающихся ниш производителями и экспортерами из третьих стран, ведет к изменению конъюнктуры ряда отраслевых рынков: перебалансировке энергетического рынка, новым тенденциям в торговле редкоземельными металлами, перераспределению доходов между производителями сельскохозяйственных культур. Расширение ограничительной практики США приводит к смещению правовых акцентов и переносу торговых разбирательств с международного уровня в американские судебные инстанции. Цель данной статьи заключается в выявлении и анализе данных процессов, зачастую выпадающих из поля зрения экспертов.

Хронология торговой войны

Начало полномасштабной торговой войны Китая и США датируется весной 2018 г., хотя инструменты финансового принуждения в отношении Китая стали применяться американской администрацией еще в начале 2000-х гг. В предкризисный период Соединенные Штаты были немало обеспокоены заниженным курсом юаня и производным от него профицитом Китая в торговле с США, достигшим к 2017 г. почти 400 млрд долл. и втрое превышавшим объемы американского экспорта в Китай. В результате системной скупки долларов для поддержания конкурентоспособности национальной валюты и приобретения долларовых облигаций КНР превратилась в крупнейшего держателя разросшегося американского долга, обретая таким образом мощный инструмент влияния на американскую экономику.

Торговое давление на Китай в последние годы является ключевым компонентом широкомасштабной политики сдерживания страны со стороны США в финансово-экономической сфере, где главная роль отводится американскому Министерству торговли. К числу основных наиболее действенных рычагов экономического давления на Китай, имеющих в распоряжении США, относятся (1) доллар и финансовое лидерство США; (2) инновации

Asian Development Bank, December. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/471496/ewp-566-impact-trade-conflict-asia.pdf> (accessed 29 May 2021).

⁷ Bollen J., Rojas-Romagosa H. (2018) Trade Wars: Economic Impacts of US Tariff Increases and Retaliation: An International Perspective. *CPB Background Document, CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis*, 19 November. Available at: <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Background-Document-November2018-Trade-Wars-update.pdf> (accessed 29 May 2021); World Economic Outlook, April 2019: Growth Slowdown, Precarious Recovery. (2019) *International Monetary Fund*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/03/28/world-economic-outlook-april-2019> (accessed 29 May 2021).

и технологическое лидерство США; (3) формирование международного общественного мнения о Китае, возможное нанесение ему репутационного ущерба за счет акцентирования международного внимания на «несправедливой» торговой политике КНР⁸.

За последние три года торговая война США и Китая прошла несколько этапов эскалации. Наиболее агрессивно взаимная тарифная война развивалась в периоды с июля по октябрь 2018 г. и с мая по октябрь 2019 г. (см. рис. 1 и рис. 2). Объектами повышения тарифов со стороны США стал широкий круг товарных позиций: от сырьевых (сталь, алюминий), низкотехнологичных (текстиль, обувь, игрушки) до высокотехнологичных (солнечные панели, электроника и комплектующие). Китай, в свою очередь сделал ставку на ограничение американского сельскохозяйственного импорта (фрукты, сухофрукты, орехи, вино, свинина, соевые бобы, рыба, морепродукты и пр.), повышение пошлин на нефтепродукты, автомобили, медицинское оборудование, самолеты и пр.

В результате торговой войны средний уровень ставок таможенных пошлин США в отношении импорта из Китая вырос с 3.1% до 19.3%, охватив 66.4% товарных позиций. Тарифный протекционизм Китая в отношении американской продукции достиг 20.7% против 8% по состоянию на начало 2018 г. (58.5% импорта из США).

Рисунок 1. Тарифная война Китая и США. Ставки таможенных пошлин во взаимной торговле Китая и США⁹

Figure 1. China-US tariff war. Customs duty rates in mutual trade between China and the United States

⁸ По мнению властей США, Китай получает преимущества за счет активной поддержки государством стратегических отраслей, программ принудительного труда, получения незаконного доступа к личным данным, промышленного шпионажа и нарушений прав интеллектуальной собственности.

⁹ Bown C.P. (2022) US-China Phase One Tracker: China's Purchases of US Goods. *Peterson Institute for International Economics*, 19 July. Available at: <https://www.piie.com/research/piie-charts/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods> (accessed 2 September 2022).

Рисунок 2. Тарифная война Китая и США. Доля товарных позиций под действием повышенных ставок таможенных пошлин¹⁰
Figure 2. China-US tariff war. Share of commodity items under the influence of increased customs duty rates

В октябре 2019 г. Д. Трамп отказался от обещанного дальнейшего повышения пошлин до 30%, было также отменено намеченное на 15 декабря 2019 г. введение пошлин 15 января 2020 г. США и КНР подписали торговое соглашение («первая фаза»), которое предусматривало структурные изменения экономической и торговой политики Китая. Они касались таких сфер, как права интеллектуальной собственности, передача технологий, сельское хозяйство, валюта и финансовые услуги. Кроме того, Китай взял на себя обязательства по приобретению в 2020–2021 гг. американских товаров на сумму, превышающую импорт этих товаров в КНР на момент 2017 г. не менее чем на 200 млрд долл.

Однако взятые на себя китайской стороной обязательства так и не были выполнены. К концу 2020 г. импорт Китаем американских товаров составил 58% от предусмотренного «первой фазой» торгового соглашения¹¹. Товары американской энергетики, включая природный газ, нефть, нефтепродукты и уголь, были той группой товаров, наращивание покупок которых сильнее прочих отставало от условий «первой фазы» – 39% от требуемого за 2020 г. (18.5 млрд долл.).

¹⁰ Bown C.P. (2022) US-China phase One Tracker: China's Purchases of US Goods. *Peterson Institute for International Economics*, 19 July. Available at: <https://www.piie.com/research/piie-charts/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods> (accessed 2 September 2022).

¹¹ Едовина Т. (2021) Тяжелая китайская доля. *Коммерсантъ*, 25 января. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4661413> (дата обращения: 29.05.2021).

Эффекты торговой войны

Торговая война оказывает значимое влияние на глобальную торговлю и движение технологий, порождает эффекты перераспределения торговых потоков в пользу третьих стран, приводит к изменению поведения инвесторов и системы принятия решений о размещении производств за рубежом.

В результате тарифного противостояния китайский экспорт в США сократился несколько больше, чем американский — в Китай (17% против 11% по состоянию на 2019 г.). Резко снизились поставки в КНР американского сырья: минерального топлива, меди и черных металлов (см. рис. 3) — тех товарных позиций, которые Китай легко смог заместить поставками из третьих стран — России, Индонезии, Бразилии, Чили, Малайзии и Южной Кореи. Более чем на 40% сократились поставки в КНР американских самолетов и продукции космического машиностроения.

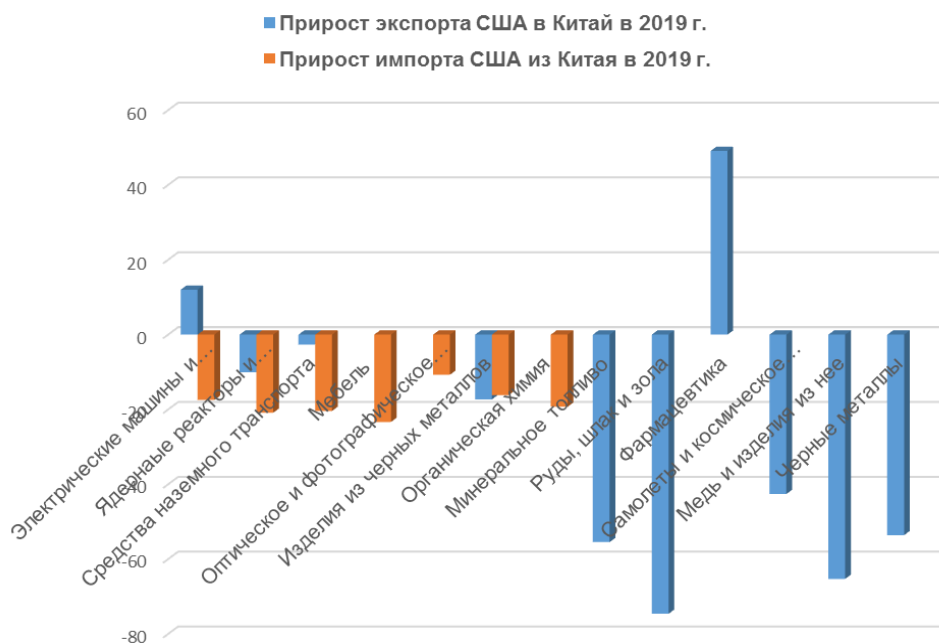

Рисунок 3. Состояние взаимной торговли Китая и США по ключевым товарным позициям в 2019 г.¹²

Figure 3. Reciprocal China-US trade by key commodities in 2019

Основными бенефициарами торгового противостояния стали американские фармацевтические компании и производители электронных интегральных схем, диодов, транзисторов, полупроводников и прочих высокотехнологичных комплектующих.

¹² Источник: расчеты автора на основе данных ITC Trade Map.

Промышленность и технологический сектор

Около 40% товаров и услуг, входящих в условия «первой фазы», составляли промышленные товары, главным образом продукция автомобилестроения и комплектующие широкой номенклатуры товаров машиностроения. По итогам торговой войны на начало 2021 г. экспорт американских промышленных товаров в Китай снизился на 17% по сравнению с 2017 г.; экспорт автомобилей, грузовиков и комплектующих сократился более чем на 30% (КНР – второй по величине рынок американского автопрома). При этом Китай снизил тарифы на импорт японских, немецких и южнокорейских автомобилей с 25 до 15%, что обеспечило их ценовую конкурентоспособность относительно американских аналогов.

Существенно уменьшился импорт американских самолетов: с 18 млрд долл. в 2018 г. до менее чем 11 млрд в 2019 г. и до 4.6 млрд к концу 2020 г. (менее 25% от установленной по «первой фазе» суммы на 2020 г.).

Технологическая война между США и Китаем привела к глобальным изменениям на рынке телекоммуникаций и электроники. В 2019–2020 гг. администрация Д. Трампа ввела запреты на продажу американских технологий многим китайским компаниям, а также на приобретение китайских технологий американскими предприятиями. Под действие ограничений подпали *Huawei*, *SMIC*, *ZTE*, *WeChat*, *TikTok*, *Alipay*, *CamScanner*, *QQWallet* и пр.¹³

В результате и США, и Китай предприняли меры для сокращения зависимости от импорта компонентов для производства электроники. В Соединенных Штатах было открыто несколько новых заводов по производству полупроводников; Пентагон обязал своих подрядчиков уведомлять об использовании компонентов электроники из Китая, России, КНДР и Ирана. В Китае были развернуты меры государственной поддержки по развитию производства чипов и микросхем (налоговые льготы, субсидии и пр.)¹⁴.

Также изменились цепочки поставок электроники. Прямой экспорт из КНР в США сократился, но Китай стал ключевым поставщиком компонентов в новые страны, производящие сборку продукции (в первую очередь Вьетнам). При этом даже в условиях торговой войны Китай сохранил позицию лидера по поставкам в США. Американские запреты повлекли за собой дефицит на рынке микрочипов¹⁵, который негативно отразился на мировом автопроме, главным образом на финансовом состоянии американских (в меньшей сте-

¹³ 9 июня 2021 г. Дж. Байден подписал указ, отменяющий введенные Д. Трампом ограничения против китайских сервисов *TikTok* и *WeChat*. Одновременно президент поручил Министерству торговли оценить опасность иностранных приложений для безопасности и экономики США, а также разработать варианты защиты данных от их действий.

¹⁴ CRS (2021) China's New Semiconductor Policies: Issues for Congress. 20 April. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46767> (accessed 29 May 2021).

¹⁵ Лакстыгал И., Новый В. и Илющенко Д. (2022) Запасы микросхем в США на опасно низком уровне. Ведомости, 26 января. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/01/26/906582-chipi-opasnosti> (дата обращения: 29.05.2022).

пени европейских и японских) автопроизводителей. Стагнация предложения в условиях опережающего роста спроса создала краткосрочный товарный дефицит и спровоцировала рост цен. Сокращение экспортных доходов может потенциально привести к сокращению бюджета американских технологических компаний на исследования и новые разработки.

Нехватка полупроводников, микрочипов и интегральных микросхем открывает возможности лидерства для Южной Кореи, Японии, Тайваня, Финляндии. В то же время происходит перераспределение баланса сил внутри самих США: конкуренцию традиционным производителям начинают создавать *Amazon.com Inc.*, *Microsoft Corp.* и *Google*.

Важно, что объектом американской технологической атаки становится не только Китай. Запреты на поставки в КНР технологического оборудования на фоне действия Закона США «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (*CAATSA*)¹⁶ и экстерриториальности американского санкционного законодательства фактически отрезали европейские технологические компании от китайского рынка, поскольку осуществляющие поставки технологических товаров в Китай без лицензий компании рискуют попасть под штрафы в рамках Закона о чрезвычайных экономических полномочиях (*IEEPA*)¹⁷. При этом ряд американских и союзнических компаний (например, *IntelCorp.* и японская *Kioxia Corp.*) на определенном этапе сохранили за собой право работать с Китаем, получив лицензии Минторга США на поставки той же *Huawei*. И хотя впоследствии лицензии были отозваны, американские гиганты успели получить краткосрочные доходы, поскольку *Huawei* сыграла на опережение: поспешила пополнить запасы комплектующих и закупиться впрок. Фактически США обеспечили высокие краткосрочные экспортные доходы собственным компаниям, с одной стороны, и вытеснили европейских конкурентов с крупнейшего рынка – с другой, ограничив шансы Китая на диверсификацию технологических поставок.

На фоне торговой войны радикально изменилось поведение инвесторов. Ориентированные на китайский рынок сбыта компании (часть американских автопроизводителей, включая *Tesla* и подразделения *BMW*) вместо наращивания экспорта перенесли производство и технологии в Китай. При этом компании, размещавшие в КНР производства ради снижения себестоимости, начали покидать страну¹⁸. На Тайвань производство смартфонов перенесла *Sony*, а производство смартфонов на материковом Китае остановил *Samsung*. В то же время этот процесс предсказуем и фактически был неизбежен в усло-

¹⁶ *CAATSA (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act)*. Подписан 2 августа 2017 г. президентом США Д. Трампом.

¹⁷ The International Emergency Economic Powers Act: Origins, Evolution, and Use. (2020) *Congressional Research Service*, 14 July. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R45618.pdf> (accessed 29 May 2021).

¹⁸ Li Y. (2019) More than 50 Companies Reportedly Pull Production out of China Due to Trade War. *CNBC*. 18 July. Available at: <https://www.cnn.com/2019/07/18/more-than-50-companies-reportedly-pull-production-out-of-china-due-to-trade-war.html> (accessed 29 May 2022).

виях трансформации китайской экономики. Торговая война выступила скорее триггером, дополнительным стимулом, но не первопричиной ухода иностранных инвесторов. Вследствие трансформации модели экономического роста КНР, перехода на технологичные рельсы, стремительного формирования среднего класса, урбанизации и роста доходов Китай утратил ключевое конкурентное преимущество в виде дешевой рабочей силы. Рентабельность размещенных в КНР производств быстро снижалась, а повышение тарифов в результате торговой войны и дополнительные риски подпасть под санкционное «правоприменение» (*enforcement*) США лишь ускорили этот процесс. В результате зарубежные производители электроники, ориентированные на средний класс, оказались неспособными конкурировать с люксовыми брендами, с одной стороны, и проигрывали в стоимостной борьбе китайской продукции в нижнем ценовом сегменте с другой.

Основными бенефициарами замещения импорта китайских товаров в США (электроники, мебели, туристических товаров) стали Тайвань, Вьетнам, Мексика, Южная Корея, Япония, а также частично Индия.

Таблица 1. Основные бенефициары торговой войны Китая и США по состоянию на конец 2019 г.¹⁹

Table 1. Key beneficiaries of the China-US trade war as of the end of 2019

	Офисная техника	Прочее машиностр.	Электр. машиностр.	Химикаты	Оборудование	Руды и металлы	Точные приборы	Сельское хозяйство	Транспорт	Мебель	Одежда и текстиль	Прочее	=
Тайвань	2830	122	287	5	491	205	183	6	14	55	8	11	4217
Мексика	420	407	876	127	0	373	166	599	456	99	47	0	3570
ЕС	108	739	422	324	0	96	371	215	285	0	66	55	2681
Вьетнам	60	8	400	134	1106	130	18	14	52	665	4	10	2601
Япония	63	997	0	342	10	62	0	21	1	0	12	32	1540
Канада	39	307	110	0	416	83	62	21	76	0	0	83	1197
Южная Корея	568	99	68	95	13	52	2	19	117	5	48	29	1115
Индия	18	68	83	243	0	181	23	23	6	27	41	42	755
Таиланд	0	124	25	243	0	58	0	0	4	22	4	1	481
Бразилия	0	191	27	129	9	71	7	4	11	0	4	0	451
Россия	0	0	19	143	0	54	0	56	1	0	0	74	347
Малайзия	12	0	12	40	0	50	76	0	1	58	2	1	251
Турция	0	23	12	17	31	89	9	13	5	11	14	1	226
Индонезия	0	29	27	0	42	25	4	0	1	0	2	0	129
Австралия	0	5	0	23	13	0	4	16	2	26	3	3	95
Аргентина	0	22	1	8	0	27	0	9	0	3	1	3	75
ЮАР	0	3	3	30	0	0	4	13	0	5	2	0	60
Пакистан	0	0	0	5	0	0	1	3	0	2	25	0	37
Остальной мир	179	82	89	272	10	78	261	33	0	3	583	25	1616
	4297	3226	2461	2179	2142	1635	1190	1065	1031	981	866	371	21443

От переноса текстильных производств выиграли главным образом «отшивочные» страны Юго-Восточной Азии (ЮВА), Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, отчасти Индия. Ситуацию несколько изменила пандемия, когда часть производителей из пораженных коронавирусом стран ЮВА стала вновь проявлять интерес к работе в Китае, который быстро восстанавливал экономику

¹⁹ Источник: ЮНКТАД.

после ограничений, вызванных *COVID-19*. Сложно предположить, насколько сильным будет этот тренд; во всяком случае его устойчивость определяется не только динамикой экономики КНР, но и глубиной китайско-американского торгового конфликта.

Энергетика

Торговая война оказала прямое влияние и на нефтегазовый сектор. Введение таможенных пошлин на американскую нефть со стороны Китая повлекло за собой падение ее импорта. Энергоносители составили около 15% от товаров и услуг, охваченных «первой фазой», при этом достичь выполнения Китаем обязательств в части закупки энергоносителей не удалось.

Обязав КНР наращивать импорт энергоресурсов, США фактически планировали получить двойные преимущества. С одной стороны, заработать на увеличении объемов поставок энергоносителей и укрепить свою отечественную отрасль, частично вытеснив в краткосрочной перспективе конкурентов (в том числе Россию). С другой — осложнить предпринимаемый Китаем переход к безэмиссионной экономике, усиливая в последующем давление на КНР за несоблюдение экологических стандартов.

Торговая война затронула также рынок альтернативной энергетики. Ограничение США импорта китайских солнечных модулей создало дефицит двусторонних солнечных панелей в связи с тем, что Китай выступает ключевым поставщиком данной продукции, не выпускаемой в Соединенных Штатах с 2016 г. Повышение тарифов на импорт стали и магнитов, которые используются при производстве ветровых турбин, увеличило стоимость реализации проектов в области ветроэнергетики в США на 20%. Важный стратегический итог торговой войны состоит в том, что Китай активно диверсифицирует поставки модулей. Если в 2000-х гг. его экспорт был направлен преимущественно на западные страны, то в последние годы существенно выросла доля Вьетнама, Индии, Японии и других государств, в отношениях с которыми риск торгового регулирования ниже.

Рынок редкоземельных металлов

С началом торговой войны США серьезно озаботились необходимостью снижения зависимости от импортных поставок из КНР редкоземельных металлов, необходимых для производства высокотехнологичных устройств (электроника, автомобили, продукция оборонного комплекса и авиация).

После закрытия нескольких шахт в США и Австралии с начала 2000-х гг. Китай стал мировым лидером по добыче и экспорту редкоземельных металлов (на него приходится около 80% мирового рынка). В КНР находятся 44 из общих мировых запасов в 120 млн т редкоземельных металлов. По данным Геологической службы США²⁰, на втором–третьем местах находятся Бразилия и

²⁰ Top Rare Earth Reserves by Country. (2021) *Investing News*. Available at: <https://investingnews.com/daily/resource-investing/critical-metals-investing/rare-earth-investing/rare-earth-reserves-country/> (accessed 29 May 2021).

Вьетнам (22 млн т), далее следуют Россия (12 млн т), Индия (6.9 млн т), Малайзия (4.4 млн т), Австралия (3.4 млн т) и США (1.4 млн т) (см. рис. 4).

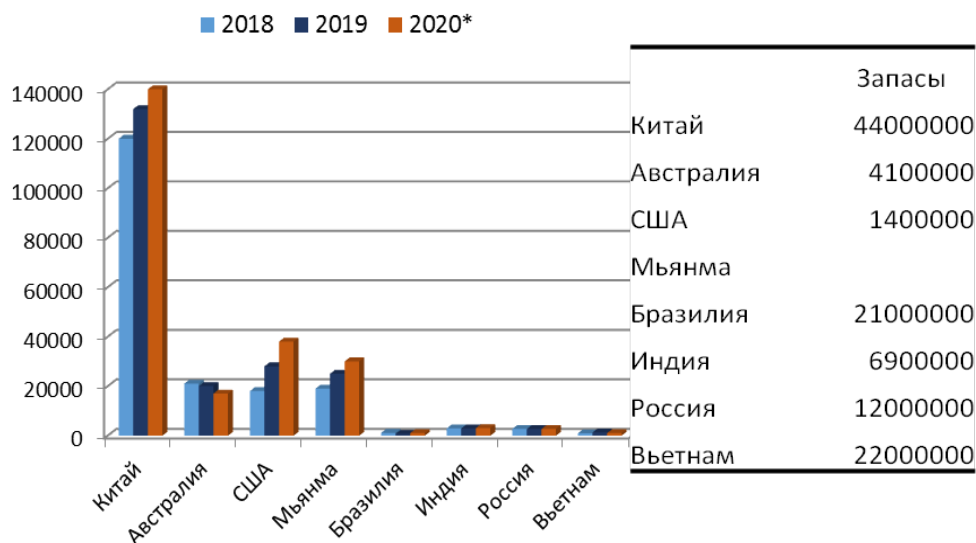

Рисунок 4. Производство (диаграмма слева) и запасы (данные справа) редкоземельных металлов, 2018–2020

Figure 4. Production (diagram on the left) and reserves (data on the right) of rare earth metals, 2018–2020

* Предварительные данные.

Парадоксально, что три ресурсобеспеченных государства – Бразилия, Вьетнам и Россия – практически не ведут разработку месторождений. Австралия с относительно небольшими запасами находится на втором месте в мире по добыче после Китая, США – на третьем. В настоящее время компании этих стран, ранее прекратившие добычу, намерены возобновить операции, несмотря на юридические и экологические препятствия.

С целью диверсификации импортных поставок Соединенные Штаты идут, с одной стороны, по пути развития собственного производства критически важных металлов, с другой – наращивают усилия по формированию инвестиционных альянсов со стратегическими союзниками – Австралией и в перспективе Японией – и совместного инвестирования в масштабную дорогостоящую разработку месторождений редкоземельных металлов. Это создает для Китая высокие риски потери внешних рынков, поскольку крупнейшие импортеры китайских редкоземельных металлов являются политическими союзниками США (Япония, Республика Корея, Индия, Великобритания, Канада и пр.). Сохранение позиций в Индии, Южной Корее, континентальной Европе и наращивание поставок в Россию представляют стратегический приоритет для КНР.

Сельское хозяйство

Наращивание американского сельскохозяйственного экспорта в Китай было важной задачей для Д. Трампа. В итоге сельскохозяйственные товары составили около 20% товаров и услуг, закрепленных в условиях «первого этапа», однако ожидаемого прироста экспорта не произошло. В действительности на начало 2021 г. экспорт американских товаров в Китай оказался ниже, чем он был до вступления Д. Трампа в должность президента в 2017 г. Это касается товаров, как попадающих под действие «первой фазы», так и не входящих в ее номенклатуру. В первой половине 2020 г. экспорт американских сельскохозяйственных товаров в КНР был в два раза ниже объемов, предполагаемых соглашением. Более того, импорт товаров «первого этапа» в Китай из прочих стран вырос на начало 2021 г. более чем на 20% по сравнению с 2017 г. Практическим итогом торговой войны стало частичное замещение импорта из США продукцией из третьих государств.

Главными выгодоприобретателями замещения импорта американских сельскохозяйственных товаров (особенно соевых бобов, круп и хлопка) в Китай стали Чили, Малайзия, Аргентина, САР Гонконг, Сингапур, Бразилия, Франция и Германия. На фоне роста закупок американской кукурузы и свинины (в условиях эффекта низкой базы) снизились поставки ключевых сельскохозяйственных категорий. В частности, к началу 2021 г. Китай купил менее половины того объема соевых бобов, который предполагало торговое соглашение, а именно эта категория составляла 60% американского сельскохозяйственного экспорта в КНР до начала торговой войны. Китай фактически заместил американский импорт соевых бобов поставками из Бразилии и Аргентины.

Правовые эффекты

Торговая война выступила дополнительным катализатором, выявившим эффективность существующей системы глобального торгового управления, и фактически способствовала смещению правовых акцентов. Участники рынка осознали, что единственный действенный способ обжаловать введение американских санкций — это не обращение в орган по разрешению споров (ОРС) ВТО, а подача исковых заявлений в американские суды. Китай продолжает продвигать идею нерушимости и необходимости соблюдения основополагающих принципов системы международной торговли (режима наибольшего благоприятствования), при этом китайские компании фактически уже поставили на поток практику обращения в американские судебные инстанции.

По состоянию на март 2021 г. Китай инициировал в ОРС ВТО 16 споров с США, а Соединенные Штаты против КНР — 23. В отношении спора DS543 (*КНР против США: Меры тарифного регулирования в отношении определенной категории товаров из Китая*) Третьей группой опубликовала отчет 15 сентября 2020 г., в котором пришла к выводу о том, что оспариваемые пошлины несовместимы со ст. 1 ГАТТ (Общий режим наиболее благоприятствуемой нации) и ст. 2 ГАТТ (Перечень уступок), так как они применялись сверх ставок, кото-

рые Соединенные Штаты обязались использовать в своем Перечне уступок. Для практики разрешения споров ВТО уже опубликованный отчет Третейской группы по кейсу *DS543* имеет большое значение, так как введение тарифных мер в отношении товаров из Китая было признано нарушением общего режима наиболее благоприятствуемой нации.

Однако США заявили о намерении обжаловать решение в Апелляционном органе ВТО, работа которого фактически была заморожена, поскольку сами же Соединенные Штаты заблокировали начало отбора новых арбитров, тем самым поставив под угрозу работу ОРС и еще больше обострив кризис ВТО последних лет. Таким образом, круг замкнулся. И без того длительный период рассмотрения споров был продлен в связи с ограничениями, связанными с пандемией *COVID-19*, и приостановлением деятельности Апелляционного органа.

При этом практика подачи китайской стороной исков в американские суды оказалась куда более действенной. Зафиксированы неединичные случаи, когда имплементация санкций в отношении китайских компаний была приостановлена решениями американских судов. Так, Окружной суд США Северного округа Калифорнии наложил судебный запрет на исполнение Министерством торговли США указа Д. Трампа о запрете *WeChat*. Позже *TikTok* подал иск против Д. Трампа и министра торговли У. Росса. Судебный процесс завершился положительным исходом: Федеральный суд Восточного округа Пенсильвании наложил запрет на исполнение указа Д. Трампа. Иск в окружной суд округа Колумбия подала *Huawei*; *Xiaomi* подала иск против американского Казначейства.

Именно американские суды постепенно становятся органами последней инстанции в решении санкционных споров, рассматривая существенно более широкий круг вопросов, нежели ОРС ВТО, и замещая систему глобального регулирования.

Вместо заключения:

перспективы торговой войны США и КНР при Дж. Байдене

Очевидно, что экономическая борьба США с Китаем при президенте Дж. Байдене продолжается с новой силой. Его администрация сохраняет курс на защиту экономической гегемонии, технологического лидерства и производственных цепочек США от притязаний со стороны Китая. Торговая повестка Дж. Байдена предполагает возможность использования «всех доступных инструментов для борьбы с несправедливой торговой политикой Китая»²¹, к числу проявлений которой американская администрация относит в том числе

²¹ Trade Policy Agenda and 2020 Annual Report of the President of the United States on the Trade Agreements Program (2021) *Executive Office of the President of the United States* Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Trade%20Agenda/Online%20PDF%202021%20Trade%20Policy%20Agenda%20and%202020%20Annual%20Report.pdf> / (accessed 29 May 2021).

субсидирование экспорта, нарушение прав интеллектуальной собственности, принудительный трансфер технологий, инструменты тарифного и нетарифного внешнеторгового регулирования.

Общая риторика США и принципы взаимодействия с Китаем сохраняются: фактически наследие Д. Трампа инкорпорировано в повестку администрации его преемника. В то же время Дж. Байден пытается делать акцент на прагматизме, рациональности и безэмоциональности санкционной риторики. При этом ожидается, что системная риторика и инструментарий торгового противостояния будут опираться на (1) усиление правозащитной риторики – традиционно «особой» темы для демократов; (2) усиление контроля за деятельностью технологических компаний и дальнейшие ограничения доступа китайских телекомов к американским технологиям; (3) реализацию стратегии сдерживания Китая через расширение стратегических альянсов, в том числе инвестиционных и технологических по линии *QUAD* и *I2U2*, а также посредством консолидации *G7* для коллективного противостояния расширению китайского влияния. При Дж. Байдене системность в применении санкций в отношении Китая сохраняется и возрастает, обострилась гонка вложений в развитие технологий, *R&D* и альтернативную энергетику, усиливается правозащитная и экологическая риторика. Симбиоз технологической, экологической и финансовой осей конфликта с Китаем может стать основой усугубления торговой войны.

Взяв на себя роль кредитора последней инстанции и запустив в последние годы одну за другой программы количественного смягчения, Федеральная резервная система США (ФРС) укрепила положение доллара в качестве мировой валюты и американское финансовое лидерство. Это позволяет Соединенным Штатам диктовать условия торгово-финансовой войны, «раскачивать» финансовые рынки за счет ужесточения правил листинга китайских компаний и усиливающейся риторики о возможном введении жестких долларовых санкций и отключении Китая от системы *SWIFT*. Последний сценарий маловероятен – США вряд ли готовы лишиться себя главного инструмента сбора информации обо всех проводимых трансакциях, который фактически обеспечивает жизнеспособность *CAATSA*. Кроме того, возросшая финансовая взаимозависимость двух государств удерживает их в состоянии хрупкого равновесия, усиливая обоюдную заинтересованность в сохранении финансовой стабильности и сдерживании агрессивного использования финансовых инструментов борьбы.

В свою очередь Китай будет делать ставку на ускорение и повышение эффективности взятого экономического курса. Технологическое противостояние КНР и США нарастает. Согласно пресс-релизу Национального бюро статистики Китая, в 2020 г. расходы КНР на НИОКР выросли на 10.3% до 378 млрд долл., превысив в два раза аналогичные показатели США, которые в 2020 г. составили 134 млрд долл. Исходя из 14-го пятилетнего плана развития КНР для преодоления технологической зависимости Китай будет продолжать

увеличивать расходы на НИОКР темпами, превосходящими американские. Значимость курса на технологическое импортозамещение, взятого еще в 2015 г. (в рамках программы «Сделано в Китае 2025»), будет лишь повышаться.

Торговая война фактически ускорила процесс отхода Китая от экспортоориентированной модели экономического роста; придала новый импульс поступательной реализации КНР национальной внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии, ключевыми элементами которой являются: (1) усиление принципов открытости и «глобализма» с акцентом на соблюдении международного режима справедливой торговли с учетом интересов развивающихся государств; (2) развитие национальной финансовой системы и рынка розничных платежей; (3) интернационализация юаня через систему валютных своп-соглашений и содействие дедолларизации мировой торговли; (4) ускоренное наращивание инвестиций в исследования и разработки; (5) экологический комплаенс (*compliance*); (6) усиление влияния Китая в международных организациях, в том числе ВТО, МВФ, ВОЗ, Арктическом совете и др.

Список литературы

1. Bourdon M., Mouél C. and Vijil M. (2013) The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue, *Hall-Archives, Ouvertes*. Hal Id: 00729399, pp. 1–18.
2. Chin T., Rowley C., Redding G. et al. (2018) Chinese Strategic Thinking on Competitive Conflict: Insights from Yin-Yang Harmony Cognition. *International Journal of Conflict Management* 29(5): 683–704. DOI: 10.1108/IJCMA-09-2017-0101.
3. Gomory R. and Baumol W.J. (2009) Globalization: Country and Company Interests in Conflict. *Journal of Policy Modeling* 31(4): 540–555. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2009.05.013.
4. Greenaway D., Morgan W. and Wright P. (2002) Trade Liberalisation and Growth in Developing Countries. *Journal of Development Economics* 67(1): 229–244. DOI: 10.1016/S0304-3878(01)00185-7.
5. Park S.-C. (2018) U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries. *International Organisations Research Journal* 13(2): 76–100. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05.
6. Samuelson P.A. (2004) Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization. *Journal of Economic Perspectives* 18(3): 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
7. Santos-Paulino A. and Thirlwall A.P. (2004) The Impact of Trade Liberalisation on Exports, Imports and the Balance of payments of Developing Countries. *The Economic Journal* 114(493): F50–F72. DOI: 10.1111/j.0013-0133.2004.00187.x.
8. Данилин И.В. (2020) Концептуализация стратегии США в технологической войне против КНР: экономика, политика, технонационализм. *Международная аналитика* 11(4): 21–38. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38.
9. Литвинов Е.А. (2020) Перспективы и возможные последствия торговой войны США и Китая. *Российский внешнеэкономический вестник* 10: 42–49. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10100.
10. Пак С. (2020) Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? *Вестник международных организаций* 15(2): 213–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05 (на русском и английском языках).
11. Петров А.А. (2020) Китай – США: перспективы выхода из торговой войны. *Международная жизнь* 4: 50–57.

US – CHINA TRADE WAR: ECONOMIC AND LEGAL AFTERMATHS

Dr Ekaterina Ya. ARAPOVA – Director, Leading Researcher, Center for Sanctions Policy Expertise, Institute for International Studies, MGIMO University.
ORCID: 0000-0001-8765-9825. E-mail: arapova_katrin@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 8, 2023

Accepted June 11, 2023

Abstract: The China-US trade war, which was the result of differences in the production structure of the two countries, systemic contradictions in foreign economic policy principles and the struggle for global leadership, has a significant impact on global trade flows and market conditions. The article aims to identify the key beneficiaries of the trade war, to assess the situation in individual industry markets, as well as global legal effects, which remain out of academic discourse. US pharmaceutical companies and manufacturers of electronic integrated circuits, diodes, transistors, semiconductors and other high-tech components are the main beneficiaries of the trade war, while US consumers are facing rising import prices. Chile, Malaysia, Argentina, Brazil, Canada are external beneficiaries due to the growth in the supply of agricultural products and metals. Malaysia, Vietnam, Taiwan, Hong Kong, Singapore, South Korea and Japan win in electronics, while Vietnam, Pakistan, Bangladesh, Sri Lanka, Cambodia, as well as India get additional advantages in textile production. The United States aimed at ousting China from the world rare earth metals market, forming an investment coalition consisting of Australia and Japan. The systemic spread of sanctions and trade restrictions is shifting the trade disputes resolution from the global level towards the US legal system, which seems to be relatively more efficient in resolving trade disputes.

Keywords: protectionism, trade war, China, USA, energy, rare earth metals, customs duties, sanctions

References:

1. Bourdon M., Mouél C. and Vijil M. (2013) The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue, *Hall-Archives, Ouvertes*. Hal Id: 00729399, pp. 1–18.
2. Chin T., Rowley C., Redding G., et al. (2018) Chinese Strategic Thinking on Competitive Conflict: Insights from Yin-Yang Harmony Cognition. *International Journal of Conflict Management* 29(5): 683–704. DOI: 10.1108/IJCMA-09-2017-0101.
3. Gomory R. and Baumol W.J. (2009) Globalization: Country and Company Interests in Conflict. *Journal of Policy Modeling* 31(4): 540–555. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2009.05.013.
4. Greenaway D., Morgan W. and Wright P. (2002) Trade Liberalisation and Growth in Developing Countries. *Journal of Development Economics* 67(1): 229–244. DOI: 10.1016/S0304-3878(01)00185-7.
5. Park S.-C. (2018) U.S. Protectionism and Trade Imbalance between the U.S. and Northeast Asian Countries. *International Organisations Research Journal* 13(2): 76–100. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-05. (In Russian and English).

6. Samuelson P.A. (2004) Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization. *Journal of Economic Perspectives* 18(3): 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
7. Santos–Paulino A. and Thirlwall A.P. (2004) The Impact of Trade Liberalisation on Exports, Imports and the Balance of payments of Developing Countries. *The Economic Journal* 114(493): F50–F72. DOI: 10.1111/j.0013-0133.2004.00187.x.
8. Danilin I.V. (2020) Konceptualizaciya strategii SSHA v tekhnologicheskoy vojne protiv KNR: ekonomika, politika, tekhnonacionalizm [Conceptualizing American Strategy in the Technology War Against China: Economy, Geopolitics, Techno-Nationalism]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics] 11(4): 21–38. DOI: 10.46272/2587-8476-2020-11-4-21-38. (In Russian).
9. Litvinov E.A. (2020) Perspektivy i vozmozhnye posledstviya torgovoj vojny SSHA i Kitaya [Prospects and Possible Consequences of the US–China Trade War] *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian Foreign Economic Journal] 10: 42–49. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-10100. (In Russian).
10. Park S. (2020) Torgovaya vojna Kitaya i SSHA: chto budet s kitajskoj ekonomikoj? [Trade Conflict Between the U.S. and China: What Are the Impacts on the Chinese Economy?]. *International Organisations Research Journal* [Vestnik mezhdunarodnyh organizacij] 15(2): 213–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10. (In Russian and English).
11. Petrov A.A. (2020) Kitaj – SSHA: perspektivy vyhoda iz torgovoj vojny [China–U.S.: Prospects for a Way out of the Trade War]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Affairs] 4: 50–57. (In Russian).

СТАТУС ТАЙВАНЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анна КАИМОВА
МГУ им. М.В. Ломоносова

Игорь ДЕНИСОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: Тайваньский вопрос, возникший в результате гражданской войны в Китае, определяет не только сложный комплекс отношений Пекина и Тайбэя, но и серьезно влияет на безопасность и стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Настоящая статья рассматривает эволюцию статуса Тайваня и тайваньской идентичности в контексте растущего геополитического противостояния КНР и США. Исследование сосредоточено на анализе исторических, политических и культурных факторов, формирующих тайваньскую идентичность. Данный подход позволяет по-новому посмотреть на последние тенденции в отношениях двух берегов Тайваньского пролива, преодолев прежние бинарные идеологические оценки. Авторы подчеркивают роль исторического наследия, включая китайское культурное влияние, полинезийскую культуру, японский колониальный период и взаимодействие острова с США, в формировании уникальной гибридной тайваньской идентичности. В ходе анализа сделан вывод, что проблема Тайваня обостряется не только из-за все более активной поддержки «сепаратистских сил» на острове со стороны США, но и в силу самой логики великодержавной конкуренции. Тайвань стремится использовать сложившуюся глобальную неопределенность для укрепления своего статуса и демонстрации субъектности. Результаты исследования показывают, что в контексте острой американо-китайской конкуренции манифестация тайваньской идентичности многократно увеличивается. В долгосрочной перспективе это осложняет поиск мирного решения тайваньского вопроса. Сделанный в ходе исследования вывод актуален для понимания и прогнозирования дальнейшей динамики ситуации в Тайваньском проливе.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, США, статус, идентичность, постколониализм, тайваньский вопрос, великодержавная конкуренция, историческое наследие, культурная гибридность

Каимова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая, Институт стран Азии и Африки (ИСАА) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
ORCID: 0009-0009-9299-1430. E-mail: annansja@gmail.com
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

Денисов Игорь Евгеньевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.05.2023

Принята к публикации: 11.06.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. В части И.Е. Денисова статья подготовлена при поддержке МГИМО МИД России (грант № 1921-01-05).

Последствия исторического события, произошедшего более семи десятилетий назад, продолжают находиться в центре мировой политики. Разделение Тайваня и материкового Китая, ставшее результатом гражданской войны, не только определяет комплекс противоречий в отношениях двух берегов Тайваньского пролива, но и серьезно влияет на безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Внимание Соединенных Штатов к поддержке Тайваня в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии воспринимается в КНР с растущей обеспокоенностью и заставляет китайское руководство принимать меры дипломатического и военно-политического реагирования (Soong, 2018; Scobell, 2021). Центральное положение тайваньского вопроса в китайско-американских отношениях давно известно, и из прошлого века этот сложный узел проблем почти без изменений перешел в XXI в. (Tucker, 2009; Chai, 2002; Войтенко и Лексютина, 2011). Вне зависимости от смены американских администраций обеспечение безопасности Тайваня неизменно остается в числе приоритетов политики США в регионе (Лексютина, 2017: 114).

С обострением китайско-американских трений в сфере торговли и высоких технологий проблема «одного Китая» становится все более важным раздражителем в отношениях двух держав, а также внутренним вызовом для Коммунистической партии Китая (протестная волна в Гонконге 2019–2020 гг. лишь усилила этот вызов). Последнее связано с тем, что ключевой идеей для нынешнего китайского руководства во главе с Си Цзиньпином становится «великое возрождение китайской нации», однако без ликвидации «разделенности» острова и материка такая задача не может считаться решенной¹. Между тем использование «тайваньского рычага» давления на КНР при всех возможных стилистических коррективах, похоже, является константой американской внешней политики, перешедшей от Д. Трампа к администрации Дж. Байдена.

Приход в 2016 г. к власти на Тайване представителя Демократической прогрессивной партии (ДПП) Цай Инвэнь (особенно ее второй президентский срок) усилил неопределенности, связанные с будущим отношений в Тайваньском проливе. Замораживание политического диалога между Пекином и Тайбэем не только девальвирует идею последовательного сближения острова и материка, которая лежала в основе исторического саммита Си Цзиньпина и Ма Инцзю в Сингапуре (ноябрь 2015), но и возвращает район Тайваньского пролива в перечень потенциально опасных конфликтных зон на карте мира.

Перспективы конфликта часто представляются и анализируются с точки зрения реалистической парадигмы, в то время как меньшее внимание уделяется вопросам этничности, исторической памяти, национальной идентичности. Подобное верно для оценок ситуации в регионе в целом, который чаще рассматривается исключительно как поле великодержавной политики. Со-

¹ Highlights of Xi's speech at Taiwan message anniversary event (2019) *China Daily*, 2 January. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201901/02/WS5c2c1ad2a310d91214052069.html> (accessed 11 November 2021).

ответственно, как верно замечает Ш. Ягер (2007: 1–2), в подходах к изучению региона преобладают теоретические рамки, задаваемые дилеммой безопасности или неолиберальными теориями сотрудничества, в академических работах доминируют такие понятия структурных теорий международных отношений, как «баланс сил», «возможности для торговли» и пр., но «большей частью игнорируются идеи и культура в качестве каузальных переменных».

Настоящее исследование фокусируется на вопросах тайваньской идентичности, что, как представляется, позволит преодолеть бинарную идеологическую оппозицию – конфликт авторитарного Китая и демократического Тайваня – и посмотреть на ситуацию в Тайваньском проливе с учетом сложного исторического контекста формирования особого статуса Тайваня. В своем нынешнем виде статус Тайваня определяется далеко не только идейным наследием противостояния Гоминьдана и КПК в ходе гражданской войны в Китае. Тайваньская идентичность является продуктом многолетнего воздействия внешних государственных акторов (например, Японии и США), несет следы сменявших друг друга эпох, на ее формирование оказывали и продолжают оказывать влияние различные культуры и этносы. Статус Тайваня и его отношения включенности/исключенности с общей китайской историей являются центральным пунктом программ различных политических партий и движений на Тайване.

Как следствие, представляется закономерным, что такой сложный «плавающий котел» идентичностей, каким является Тайвань, в условиях глобализации не привел к стиранию различий и снижению конфликтности, а наоборот из большей части спящего вулкана все увереннее превращается в действующий. Возвращение остроты тайваньского вопроса очевидно.

Вопрос о статусе Тайваня мы рассматриваем в трех измерениях:

1) Двустороннем. Здесь, прежде всего, пытаемся установить, почему двум берегам Тайваньского пролива до сих пор не удалось сблизить свои позиции, несмотря на наличие каналов взаимодействия;

2) С точки зрения исторической эволюции тайваньской идентичности. Мы исходим из того, что тайваньская идентичность строится на основе переплетения колониальной и постколониальной аргументации, а также находится под влиянием меняющихся отношений с материковым Китаем, который, в свою очередь, занят своим проектом возрождения национального величия;

3) Международном. Противоречивая тайваньская идентичность и ее выражение в международном контексте является следствием того, что «воображаемое политическое сообщество» (Андерсон, 2001) острова имеет свои особенности. Как следствие, попытки Тайваня расширить свое международное пространство – не всегда ответ на пекинское понимание принципа «одного Китая», но часто – продолжение внутритайваньских дискуссий, попытки вынести вовне разные интерпретации того, что такое Тайвань. В последние годы эта динамика все больше определяется напряженностью в китайско-американских отношениях.

Тайваньский узел: почему не удается создать «сообщество интересов»?

Бремя «расколотов» китайской идентичности становится тем более тяжелым политическим грузом, чем увереннее и сильнее чувствует себя Китай. Легитимность Коммунистической партии Китая и ее историческая миссия оказываются под угрозой, а стремление Китая стать лидером глобализации сталкивается с барьерами, многие из которых не новы: Тайвань и Гонконг, Синьцзян и Тибет. Усиление внешнего давления на эти «болевые точки» китайских ключевых интересов, распространение дискурса о китайской экспансии и авторитаризме порождают рассуждения о «холодной войне 2.0», о неуклонном движении мира к новой биполярности, заставляют говорить о возможном конце глобализации в ее прежнем виде и грядущем разделении на блоки не столько на военной и идеологической, сколько на технико-экономической основе.

Вопрос о тайваньской идентичности и статусе Тайваня является важным предметом этих дискуссий. Несмотря на растущий корпус научной литературы по тайваньской проблеме, исследователи постоянно сталкиваются с новыми задачами. Прежде всего, важно попытаться понять, почему «разрядка» в отношениях КНР и Тайваня оказалась столь кратковременной и закончилась со сменой правящей партии с Гоминьдана на ДПП, и не чреват ли нынешние процессы в «лаборатории идентичностей» (Corcuff, 2002), как называют остров, непредсказуемыми, если не катастрофическими, последствиями.

Сопутствующим является более общий вопрос о том, насколько исследователи смогли верно предсказать траекторию дальнейшего развития «тайваньского узла» по мере накопления эмпирического материала об истории, современном обществе, экономике и взглядах политической элиты Тайваня, а также эволюции политической системы и глобальном подъеме КНР. Некоторые ученые полагали, что благодаря быстрому прогрессу глобализации вероятность военных конфликтов в Тайванском проливе снижается (Ding and Huang, 2011). В качестве наиболее вероятного сценария рассматривалась консервация политических разногласий, или даже их перемещение на второй план при уверенном сближении КНР и Тайваня в экономической и гуманитарной сферах (Bolt, 2001; Clark, 2002). При этом ключевая роль отводилась соблюдению «консенсуса 1992 года» (Chen, 2013).

Почти одновременное вступление КНР (11 декабря 2001 г.) и Тайваня (1 января 2002 г.) во Всемирную торговую организацию и подписание Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве (ECFA) в июне 2010 г. виделись в качестве важных шагов по усилению экономической взаимозависимости сторон. Надежды возлагались не только на укрепление позиций рыночной экономики на материке и дальнейшую внешнюю открытость КНР, но и на более тесные контакты между политическими элитами двух берегов Тайваньского пролива в рамках институализированных форматов и посредством многочисленных неформальных каналов. Ростки позитивных тенденций виделись и в переплетении коммерческих интересов материковой и тайваньской элит на фоне растущей экономической синергии двух берегов Тайваньского пролива. Как отмечал М. Вайсман (2009: 73), «взаимодействия элит не только привели

стороны к росту понимания и принятия различий между ними, но и к выявлению определенных общих норм и ценностей».

На рост заинтересованности КНР и Тайваня в сглаживании политических разногласий ради совместного экономического процветания обращали внимание многие исследователи. К примеру, Т. Кук (2009: 9) считал, что вступление в ВТО «неизмеримо важно для обеих сторон как мера укрепления доверия», усматривая таким образом связь между сближением позиций сторон в мировой торговой системе и возможностью их политического примирения. Некоторые ученые видели в успехах экономического сближения торжество долгосрочной стратегии КНР, приходя к выводу, что Тайвань уже попал в ловушку, и его перспективы все больше становятся частью «траектории китаизации на фоне присутствия всепроникающего фактора Китая» (Magcamit, 2015: 110). Таким образом, сценарии формирования и укрепления некой общности интересов, основанных прежде всего на стремлении сохранить свое место в производственных цепочках в условиях глобализации, казались более вероятными, чем возвращение обстановки враждебности и ограничения контактов.

Подход КНР к тайваньскому вопросу в целом совпадал с моделью реформ Дэн Сяопина, основанных на экономическом градуализме при общей консервации политической сферы. Иными словами, политика в отношении Тайваня была логичным продолжением внутреннего курса эпохи реформ и открытости. Сложно согласиться с мнением Линь Гана о том, что в решениях китайских властей по тайваньскому вопросу торжествовал неофункционализм, основанный на опыте европейской интеграции. Тем не менее верным является наблюдение ученого о том, что руководители КНР пытались «сначала решить более простые экономические вопросы, а затем более сложные политические вопросы, предполагая, что экономическая интеграция в конечном итоге приведет к политическому примирению и даже политической интеграции» (Lin, 2016: 334).

Однако правы оказались те, кто призывал не очаровываться степенью экономического сближения и влиянием глобализации на динамику политических отношений сторон. Сторонники этой точки зрения полагали, что для создания системы общих ценностей, без которых сложно говорить о политическом доверии, материковому Китаю и Тайваню следует в первую очередь освободиться от влияния разделяющих их культурных барьеров.

Как показал в своей статье профессор Сямэньского университета Чэнь Кунли (2013), на материке высказываются две полярные точки зрения по поводу влияния культурно-ценностных различий на отношения двух берегов Тайваньского пролива и возможных путей решения этой проблемы:

1) Ассимиляция, предполагающая исправление «неверной» тайваньской идентичности и «изменение мышления» тайваньцев. В этом случае «различия» другой стороны будут фактически «отняты» у нее и нивелированы. Контакты предполагается строить на основе того, что одна сторона (Тайвань) ставится в зависимость от интересов и желаний другой стороны (материковый Китай). Это, по мнению Чэнь Кунли, неизбежно приведет к конфронтации между двумя берегами Тайваньского пролива.

2) Гармонизация, обозначаемая выражением Конфуция «хэ эр бу тун» (находиться в согласии, имея разные взгляды). Подход предполагает стремление к внутренней гармонии и единству, а не к поверхностной одинаковости и единому сердцу. Исключается принуждение к единому сердцу либо требование полной идентичности двух сторон. Условием формирования гармонии является правильное отношение к различиям. С этой точки зрения реальное достижение консенсуса на основе гармонизации интересов остается идеалистической и труднодостижимой задачей. Как отмечает Чэнь Кунли (2013: 6), сторонам наиболее важно «признать различия, уважать различия, принять различия». Только на основе такого толерантного подхода можно достичь гармоничного сосуществования.

Для Тайваня, где общество разделено по вопросу национальной идентичности, проблема видится в другом. По мнению тайваньского ученого Чжао Цзяньмина (2003: 304), сторонам сначала необходимо «преодолеть раскол собственных культурных идентичностей, и лишь затем работать над формированием более гармоничной системы общих убеждений». Как считает академик тайваньской Academia Sinica Чжу Юньхань (2004: 510), неправомерно делать вывод о том, что ускорение экономической интеграции в районе Тайваньского пролива неизбежно создаст благоприятные условия для сдвига национальной идентичности в сторону политической интеграции в долгосрочной перспективе.

Значительные успехи «экономической оттепели» за десять лет нахождения Гоиньдана у власти вряд ли могли изменить ситуацию в корне и привести к формированию общности политических интересов. На то есть несколько причин.

Во-первых, сама повестка экономического сближения при президенте Ма Инцзю, особенно реализация ECFA, вызвала ожесточенную полемику в тайваньском обществе, и голоса сомневающихся в выгоде более тесной интеграции с материком только усилились. Дальнейшее сближение могло серьезно накалить политическую обстановку на острове, тем более что молодое поколение не чувствовало культурную связь с материковой китайской традицией. Во-вторых, стремительный рост глобального китайского влияния, а также все более широкое применение материковым Китаем мер экономического принуждения по отношению к другим партнерам² давали дополнительные аргументы сторонникам максимальной диверсификации внешнеэкономических связей острова. В-третьих, противоборствующие тенденции тайванизации и китаизации постоянно подпитывались таким образом, что их сосуществование в тайваньском обществе становилось новой устойчивой нормой, и, если одни оперировали категориями выгод «огромного общего

² Наиболее ярким примером является давление на южнокорейский бизнес в связи с размещением на территории Республики Корея американских систем ПРО THAAD в 2016–2017 гг.

рынка», то другие, наоборот, видели в рамочном соглашении 2010 г. путь к углублению экономической асимметрии, которая может привести к поглощению острова материком.

Таким образом, на фоне сближения материка и острова в период президентства Ма Инцзю процессы культурно-политической дифференциации не замедлились, а ускорились. В такой динамике отношений двух берегов Тайваньского пролива можно увидеть еще одно проявление закономерности современного мира, когда «факторы, идентифицируемые как создающие общую идентичность (например, европейская интеграция и другие аспекты глобализации) также могут увеличить значимость воспринимаемых различий» (Gartzke and Gleditsch, 2006: 54). Одним из ключевых моментов в формировании «тайваньской идентичности» стал период постколониальной идентификации острова, который продолжается до сегодняшнего дня. Расколота идентичность стала одним из факторов внутривнутриполитической борьбы и обусловила развитие отношений между Тайванем и материковым Китаем. Для того чтобы понять особенности эволюции «тайваньской идентичности», необходимо более детально рассмотреть исторический контекст ее формирования, на чем и фокусируется настоящее исследование.

Исторический контекст формирования «тайваньской идентичности»

Колониальное прошлое как главная составляющая тайваньского исторического дискурса

«Тайваньская идентичность» представляет собой пример расколотой идентичности, которая, с одной стороны, является одним из факторов внутривнутриполитической борьбы на острове, а с другой – обуславливает развитие отношений между Тайванем и КНР. Эта особенность является результатом целого ряда исторических событий, относящихся как к колониальному, так и постколониальному периоду развития острова.

Колониальное прошлое Тайваня занимает особое место в теоретических построениях апологетов концепции «тайваньской идентичности»³. В целом история острова представляется ими как сменяющие друг друга периоды его колониальной зависимости от различных держав.

В 1624–1662 гг. на юге Тайваня находилась торговая фактория Голландской Ост-Индской компании, которая, помимо торговли, занималась сбором налогов с местного китайского населения и вела миссионерскую деятельность,

³ «Тайваньская идентичность» стала частью официального политического и исторического дискурса на острове с 1990-х гг. При рассмотрении предшествующего периода можно говорить лишь о концепции «тайваньской идентичности», распространенной в определенных кругах тайваньского общества. Эти идеи первоначально получили развитие среди представителей Движения за независимость Тайваня, которое базировалось за пределами острова, а также в рядах «беспартийных» – участников выборов на местном уровне в условиях запрета на образование политических партий в период военного положения на Тайване с 1949 по 1987 г.

преимущественно среди представителей аборигенных народностей Тайваня⁴. С 1626 г. на севере острова существовала аналогичная торговая фактория Испанской империи. Она функционировала до тех пор, пока испанцы не были вытеснены голландцами в 1642 г. (Wills, 2005). В 1662 г. Тайвань был захвачен представителями клана Чжэнов во главе с Чжэн Чэнгуном (1624–1662), лидером антиманьчжурской борьбы под девизом восстановления власти Империи Мин. Клан Чжэнов правил островом до 1683 г., когда внук Чжэн Чэнгуна Чжэн Кэшун подписал указ о передаче Тайваня под власть Империи Цин (Struve, 1998).

Для современной официальной историографии КНР существование Тайваня в качестве одной из областей провинции Фуцзянь, а с 1887 г. – в статусе отдельной провинции Цинского государства является свидетельством принадлежности Тайваня к «одному Китаю»⁵. Однако пронегазависимые тайваньские историки ставят Империю Цин в один ряд с другими иностранными державами, осуществлявшими колониальное управление островом (Su, 1986). Кроме того, часто подчеркивается неэффективность цинской администрации на Тайване, что объясняется пренебрежительным отношением со стороны центральной власти в Пекине в связи с удаленностью острова от материкового Китая. Направление чиновников на службу на Тайвань зачастую было одной из форм политической ссылки. Естественная преграда в виде Тайваньского пролива также служила препятствием для участия жителей острова в политических и культурных процессах на материке. Неслучайно после поражения Китая в войне с Японией 1894–1895 гг. цинская администрация, несмотря на несогласие некоторых представителей чиновничьей элиты как на материке, так и на самом Тайване, в соответствии с условиями Симонсекского мирного договора передала остров в вечное владение Японии и не оказала никакой поддержки развернувшемуся на Тайване движению сопротивления новой метрополии.

Период японского колониального господства (1895–1945 гг.)

Пятьдесят лет японского колониального господства на Тайване занимают особое место в его историческом и культурном дискурсах. Этот период в истории острова характеризовался практически полным отсутствием контактов между Тайванем и материковым Китаем. Интерес к этому этапу истории со стороны тайваньского общества в постколониальный период представляет собой, на наш взгляд, уникальное явление.

Под понятием «постколониального» принято понимать последствия распада колониальных империй. Под «постколониализмом» же имеются в виду обстоятельства, при которых колонизированные народы как до, так и после обретения ими независимости стремятся найти свое место в качестве субъ-

⁴ Исследователи отмечают наличие поселений ханьцев из материкового Китая на Тайване чуть ли не с III в. Однако начало массового переселения китайцев на остров относится к XVII в. До этого Тайвань был населен австронезийскими (или малайско-полинезийскими) племенами.

⁵ The Taiwan Question and Reunification of China (1993). *China Internet Information Center*, August. Available at: <http://www.china.org.cn/english/taiwan/7953.htm> (accessed 11 November 2021).

ектов истории (Heylen, 2004). В большинстве бывших зависимых территорий интерес к своему колониальному прошлому обуславливается, как правило, стремлением проследить становление собственной идентичности в ходе национально-освободительной борьбы или сохранение этой идентичности в условиях угнетения со стороны метрополии. На Тайване же этот интерес обуславливается несколько иными факторами: обращение к колониальному опыту призвано в первую очередь продемонстрировать существование тайваньцев как отдельной общности, прежде всего отличной от китайцев.

Восприятие периода японского колониального господства существенно отличается у представителей различных социальных и политических групп острова на разных исторических этапах. Начало постколониального развития Тайваня совпало с событиями гражданской войны в Китае, когда гоминьдановское правительство Китайской Республики⁶ в результате поражения от КПК в 1949 г. было вынуждено эвакуироваться на остров с целью последующего контрнаступления на материк. Пользуясь поддержкой со стороны США и других стран капиталистического лагеря в условиях Холодной войны, правительство во главе с Чан Кайши позиционировало себя как единственно законную власть во всем Китае. В связи с этим оно монополизировало право на интерпретацию любых исторических событий, происходивших как в Китае, так и на Тайване. Представители тайваньской интеллигенции, получившие образование по японскому образцу, были, наоборот, этого права лишены и оказались в маргинальном положении.

Таким образом, в случае Тайваня постколониализм включает в себя два процесса. С одной стороны, под руководством партии Гоминьдан велось «освобождение» тайваньского общества от последствий японского колониального господства. С другой – лишенные права голоса в первые годы постколониального развития Тайваня вели борьбу за то, чтобы быть услышанными. В официальной историографии период 1895–1945 гг. описывался исключительно в свете подавления прав тайваньского общества со стороны метрополии, насаждения на острове чуждых местному (ханьскому) населению языка и культуры.

Подобная интерпретация преследовала следующие две основные цели. Во-первых, гоминьдановское правительство стремилось представить недавнее прошлое Тайваня как антияпонскую борьбу, которая шла в одном русле с антияпонской войной 1931–1945 гг. в материковом Китае. Во-вторых, необходимо было доказать неправомочность представлений о существовании «двух Китаев» и о субъектности Тайваня⁷, которые могли бы поставить под сомнение «национальный миф» Китайской Республики об исторической предопределенности статуса Тайваня как одной из провинций Китая (Heylen, 2004: 6).

⁶ Партия Гоминьдан (ГМД) основана в 1912 г. С 1928 по 1949 г. была правящей партией Китайской Республики в материковом Китае.

⁷ То есть представлений о том, что Тайвань является самостоятельным субъектом мировой истории и что его развитие не связано исключительно с процессами, происходившими в Китае.

С конца 1980-х гг., в связи с отменой военного положения и демократизацией общественно-политической жизни острова, произошел всплеск изучения колониальной истории Тайваня, и особенно периода японского колониального господства. Новый историографический дискурс в условиях снятия цензурных ограничений концентрировался в основном на положительном влиянии колониальной политики Японии на экономику, здравоохранение, образование, инфраструктуру, поддержание правопорядка и другие сферы жизни острова. Кроме того, в условиях роста интереса к «тайваньской идентичности», колониальное прошлое острова воспринималось как сугубо тайваньский опыт периода раздельного существования острова и материка.

Дискуссия относительно оценок периода японского колониального господства находит отражение в особенностях исторической терминологии. Так, для обозначения периода колониальной зависимости Тайваня от Японии используется два термина: «*жицзюй шици*» (дословно – «период японской оккупации») и «*жичжи шици*» («период японского правления»). Первый из них использовался в гоминьдановской историографии, второй – в работах, оценивающих данный период в положительном ключе. В 2013 г. вопрос о терминологии вновь вызвал резонанс в обществе, когда Исполнительный юань (Правительство) Китайской Республики опубликовал распоряжение использовать термин «период японской оккупации» в официальных документах, издаваемых государственными органами. При этом в целях «соблюдения свободы слова, закрепленной в Конституции», в академической сфере допускалось использование обоих терминов в зависимости от позиции исследователя⁸.

Постколониальный период развития Тайваня в условиях авторитарного правления партии Гоминьдан (1945–1987 гг.)

15 августа 1945 г. подданные Японской Империи, включая жителей ее колоний, услышали голос императора Хирохито, который объявил о поражении своей страны в войне на Тихом океане. Для большинства тайванцев капитуляция метрополии означала освобождение острова от колониальной зависимости и возвращение под суверенитет Китайской Республики, с гражданами которой жители Тайваня ощущали этническое и культурное родство.

Однако кризис тайваньской экономики из-за действий гоминьдановской администрации и недопущение тайваньцев к чиновничьим должностям вызвали разочарование местных жителей (Chen, 2008). В феврале 1947 г., меньше, чем через полтора года после перехода Тайваня под власть Китая, на острове вспыхнуло восстание против новых властей. Местные жители осаждали административные здания с требованиями отмены введенных монополий на

⁸ Yan S.Q. (2013) The Taiwanese authorities set the tone for the debate over the «period of Japanese occupation» and the «period of Japanese rule» [台灣官方就日據與日治之爭定調]. *BBC Chinese News Service*, 23 July. Available at: https://www.bbc.com/zhongwen/trad/china/2013/07/130723_tw_jp_occupied_dispute (accessed 4 October 2021). (In Chinese).

торговлю рядом товаров, предоставления тайваньцам большего количества мест в провинциальных органах власти, вплоть до наделения провинции Тайвань автономией в рамках Китайской Республики. В начале марта 1947 г. на острове высадился дополнительный контингент гоминьдановской армии, который подавил выступления. В результате этих событий, вошедших в историю как «инцидент 28 февраля», погибло по разным оценкам от 18 до 28 тысяч местных жителей (Nien-Chung and Chen, 2019: 626), большинство представителей тайваньской интеллигенции были арестованы или вынуждены эмигрировать. Значение этого инцидента для тайваньского общества сложно переоценить⁹. Многие исследователи отмечают, что именно он стал отправной точкой для формирования «тайваньской идентичности», которая складывалась в условиях напряженных отношений между коренными жителями острова и выходцами с материка¹⁰. Монополизация власти партией Гоминьдан после 1945 г. привела к осознанию коренными тайваньцами своего подчиненного по отношению к представителям гоминьдановской администрации положения, что способствовало складыванию у них особого – тайваньского – самосознания. После эвакуации правительства Китайской Республики на Тайвань в 1949 г. на острове происходило интенсивное насаждение китайской культуры, идентичности и языка¹¹. В академической сфере была принята китаецентричная парадигма, в рамках которой изучение истории и географии Тайваня могло вестись исключительно как изучение одного из регионов Китая (Каимова, 2015).

Если в гоминьдановской историографии момент возвращения Тайваня под суверенитет Китайской Республики принято называть «возрождением славы» (*гуанфу*), то современные исследователи, следуя традиции сторонников Движения за независимость Тайваня, склонны рассматривать период авторитарного правления Гоминьдана как очередной этап колонизации острова (Liou, 2011). Китайская Республика в данной связи воспринимается не как страна, к которой Тайвань исторически принадлежал, а как одна из иностранных держав, подчинивших себе остров. Таким образом, формирование «тайваньской

⁹ Упоминание об этом инциденте на острове было под запретом вплоть до 1990-х гг. По мере либерализации общественно-политической жизни Тайваня эти события стали не просто одной из наиболее популярных исследовательских тем, но и одним из пунктов партийной идеологии Демократической прогрессивной партии (образована на Тайване в 1986 г. участниками движения «беспартийных»), а также основанием для критики со стороны партии в адрес правящего Гоминьдана.

¹⁰ Современная концепция «полиэтничности» тайваньского общества подразумевает его деление на четыре основные категории: 1) представители аборигенных народностей; 2) *хокло* – выходцы из южной части материковой провинции Фуцзянь, предки которых переселились на Тайвань до 1895 г.; 3) *хакка* – переселенцы из северной части провинции Гуандун, время эмиграции которых на остров совпадает с *хокло*; 4) выходцы из материкового Китая, прибывшие на Тайвань после 1945 г. Процентное соотношение этих групп составляет примерно 2, 75, 10 и 12% соответственно от общего населения Тайваня. Первые три группы в связи с тем, что все они проживали на острове до 1945 г., объединяются под общим названием «*бэньшэнжэнь*» («люди данной провинции») и противостоят «*вайшэнжэнь*» («людям из внешних провинций»), прибывшим сюда после окончания Второй мировой войны.

¹¹ Родными языками для коренных тайваньцев являются южнофуцзяньский диалект, диалект хакка и языки аборигенных народностей.

идентичности» в постколониальный период строилось на основе включения в нее положительного колониального опыта острова при одновременном отторжении периода авторитарного правления партии Гоминьдан.

Период демократизации общественно-политической жизни Тайваня (1979–2000 гг.) и превращения «тайваньской идентичности» в часть официальной политической программы Демократической прогрессивной партии (после 2000 г.)

В 1971 г., в результате трансформации отношений в треугольнике США–СССР–КНР, Китайская Республика была вынуждена уступить свое место в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН коммунистическому правительству материкового Китая. После этого Тайвань начал терять своих дипломатических союзников из западного лагеря, которые один за одним заключали официальные отношения с КНР. В 1979 г. были разорваны дипломатические отношения между Китайской Республикой и США. Изменение позиций Тайваня на международной арене, то есть потеря гоминьдановским правительством статуса единственно законного правительства всего Китая, заставило его искать новые основания для легитимизации собственной власти на острове. Так началась постепенная либерализация общественно-политической жизни Тайваня, которая подразумевала в том числе расширение участия коренных тайваньцев в управлении островом. В 1988 г. президентом Китайской Республики впервые стал представитель коренных тайваньцев Ли Дэньхуэй (1988–2000 гг.), известный как «отец тайваньской демократии» за свои политические реформы, результатом которых стало превращение Тайваня в полноценное демократическое общество (Ларин, 2000:147–188; Tsai, 2005).

Именно в период президентства Ли Дэньхуэя началось стремительное развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. В 1992 г. на встрече представителей КНР и Китайской Республики был достигнут «консенсус», в рамках которого был сформулирован принцип «одного Китая», согласно которому обе стороны признают, что в мире существует только один Китай, но каждая из них сохраняет за собой право собственной интерпретации этого принципа. 1990–е гг. стали также временем стремительного наращивания экономических связей между Тайванем и материковым Китаем.

При этом, формально признавая свою приверженность принципу «одного Китая», Ли Дэньхуэй проводил курс на «тайванизацию» всех сторон жизни острова, целью которого было укрепление тайваньского самосознания его жителей. Политика декитаизации Тайваня была продолжена с еще большей интенсивностью после избрания в 2000 г. на пост президента Китайской Республики представителя ДПП Чэнь Шуйбяня (2000–2008 гг.). Мерами этой политики стали, помимо прочего, активное использование диалектов жителей острова в публичной сфере, переименование улиц, компаний, учреждений, поощрение изучения истории и литературы Тайваня (Головачев, 2007).

Несмотря на обвинения в адрес Чэня в связи с чрезмерной прямолинейностью и негибкостью его политики по распространению «тайваньской идентичности», сегодня ее результаты вполне очевидны. Именно воспитанное в годы президентства Чэнь Шуйбяня молодое поколение тайваньцев сегодня является наиболее активным выразителем идей «тайваньской идентичности». Неслучайно курс президента Китайской Республики от партии Гоминьдан Ма Инцзю (2008–2016 гг.) на укрепление экономических связей между Тайванем и КНР воспринимался значительной частью населения как угроза суверенитету, что привело к сокрушительному поражению этой партии на выборах в 2016 г.

Политика и высказывания нынешнего президента Китайской Республики Цай Инвэнь (занимает пост с 2016 г.) также свидетельствуют о ее приверженности идеям тайваньского национализма. Еще в ходе избирательной кампании Цай всячески подчеркивала готовность поддерживать «статус-кво» в Тайваньском проливе. Однако в условиях обострения отношений между КНР и США с 2018 г. ее позиция претерпела существенные изменения. Глава тайваньской администрации занимает жесткую позицию в отношении КНР, регулярно призывая коммунистическое правительство Китая рассматривать Тайвань в качестве равного партнера. Она также заявляла о непризнании формулы «одна страна, две системы», которую власти КНР рассматривают в качестве основы для будущего объединения двух берегов Тайваньского пролива¹². Будучи формально главой государства под названием «Китайская Республика», Цай Инвэнь в своих публичных выступлениях всячески избегает этого словосочетания. Так, в официальном новогоднем обращении Цай 1 января 2019 г. к жителям острова «Китайская Республика» была упомянута всего один раз, причем в словосочетании «Китайская Республика Тайвань». Слово «Тайвань» же прозвучало в данной речи 22 раза¹³.

Важной основой подобной позиции Цай Инвэнь является укрепившаяся за последнее время «тайваньская идентичность» жителей острова. Согласно результатам опросов общественного мнения, в феврале 2020 г. количество людей, причисляющих себя к тайваньцам, составляло 83.2% населения острова. В то же время доля опрошенных, считающих себя китайцами или имеющими двойную идентичность, сократилась вдвое с сентября 2019 г, причем показатели опустились до самого низкого уровня за последние 30 лет: лишь 5.3% заявили о своей китайской идентичности, а 6.7% участников опроса утверждали, что они и тайваньцы, и китайцы¹⁴. Таким образом, «тайваньская идентичность»,

¹² Hsu S. (2019) Tsai Blasts 'One Country, Two Systems'. *Taipei Times*, 3 January. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2019/01/03/2003707244> (accessed 14 October 2021).

¹³ Tsai I.W. (2019) President: 2019 Will be a Year of Fighting for People's Welfare, Protecting Democracy and Upholding Sovereignty. President's 2019 New Year Speech [總統: 2019年是拚民生護民主守主權的一年總統2019新年談話]. *Office of the President*, 1 January. Available at: <https://www.president.gov.tw/NEWS/23999> (accessed 14 October 2021). (In Chinese).

¹⁴ Everington K. (2020) Record 83% of People in Taiwan identify as Taiwanese amid Wuhan Virus Outbreak. *Taiwan News*, 24 February. Available at: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3880591> (accessed 15 October 2021).

первоначально сформировавшаяся как концепция, принятая в довольно узких кругах, в настоящее время оказывается широко распространена среди населения острова.

Парадоксы современной тайваньской идентичности в международном контексте

Выявленные нами тенденции эволюции тайваньской идентичности, усилившийся после прихода к власти Цай Инвэнь акцент на «тайванизацию» и дистанцирование от материкового Китая, а также продолжающееся ухудшение отношений КНР и США, отражаются на политике Тайваня по расширению своего дипломатического пространства. КНР, в свою очередь, также более активно реагирует на попытки тайваньского руководства сдвинуть «красные линии», опираясь на активизацию риторики «великого возрождения китайской нации» и рост «комплексной национальной мощи».

За время своего существования предмет противостояния не изменился, поскольку по-прежнему «тайваньский конфликт концентрируется на вопросе международного статуса Тайваня, то есть на том, должен ли Тайвань быть принят как суверенное государство, обладающее независимостью де-юре, либо он является частью Китая, которая в конечном итоге должна воссоединиться с материком» (Weissmann, 2012: 54). Тем не менее современный этап конфликта характеризуется новыми условиями. Ранее действовали негласные правила, позволявшие Тайваню существовать как квазигосударство и пользоваться преимуществами международной системы, при условии, что остров не будет претендовать на статус национального государства (Kang, 2003: 179). Отказ Тайбэя от признания принципа «одного Китая» сузил возможности для маневра и привел к повышению напористости Пекина в отстаивании своего понимания границ, в которых остров может действовать на международной арене.

Важной особенностью нынешнего повышения конфликтности является усиление роли американского фактора, что связано с дипломатической тактикой Тайваня. Осенью 2019 г. США решили отозвать для консультаций глав американских дипломатических представительств в трех странах, разорвавших отношения с Тайванем для дипломатического признания Китайской Народной Республики. Были отозваны послы в Сальвадоре и Доминиканской Республике, а также поверенный в делах в Панаме¹⁵. Такая политика, по всей видимости, связана с тем, что в Госдепартаменте негативно оценивают рост китайского экономического и политического присутствия в Южной и Центральной Америке.

¹⁵ U.S. Recalls Diplomats in El Salvador, Panama, Dominican Republic over Taiwan. *Reuters*, 2018, 8 September. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-taiwan-idUSKCN1LO00N> (accessed 11 November 2021).

Тайвань, осознавая, что в условиях китайско-американской конфронтации ценность острова для США повышается, также стремится переформатировать тайваньско-американские отношения. В мае 2019 г. после согласования с американской стороной власти Тайваня объявили, что впервые с 1979 г. изменят название органа, в ведении которого находится развитие отношений с Соединенными Штатами¹⁶. После разрыва дипломатических отношений между Китайской Республикой и США поддержанием контактов в новом формате с американской стороны занималась некоммерческая организация Американский институт на Тайване (American Institute in Taiwan), с тайваньской – Координационный совет по делам Северной Америки (北美事务协调委员会 / Coordination Council for North American Affairs, CCNAA).

На смену последнему с конца мая 2019 г. пришел Тайваньский совет по делам США (台湾美国事务委员会 / Taiwan Council for U.S. Affairs, TCUSA). Тайваньский МИД, объявивший об этом решении, заявил, что смена наименования имеет «огромное значение». Перемены прокомментировала и президент Тайваня Цай Инвэнь, подчеркнув, что этот шаг означает существование тесных отношений между Тайванем и США и высокий уровень доверия¹⁷. Безусловно, смена вывески укладывается и в общую логику «тайванизации», которая стала преобладающей в официальном нарративе во время президентства Цай Инвэнь. Соединение в одном названии «Тайваня» и «Соединенных Штатов» не только акцентирует внимание на особом характере взаимодействия двух субъектов, но и еще больше приближает характер их отношений к квазиофициальному, а главное – выносит во внешний мир «тайванизированную повестку».

Таким образом, происходит корректировка тайваньских внешнеполитических приоритетов: тайваньская администрация стремится не только закрепить и при возможности расширить легальное поле для действий на международной арене, но и использовать партнерство с дипломатическими союзниками для продвижения своего взгляда на отношения в Тайваньском проливе и на то, чем сегодня является Тайвань. С этой точки зрения рост военно-политической напряженности вокруг Тайваня не должен затмевать тот факт, что препятствием к решению тайваньского вопроса является не только дилемма безопасности, но и растущая культурно-политическая дифференциация сторон конфликта.

Внутренние дискуссии о «тайваньской судьбе» неизбежно отражаются и на том, как Тайвань развивает отношения с зарубежными партнерами. В частности, логике тайванизации следуют последние попытки Тайваня по открытию зарубежных представительств. Так, в ноябре 2021 г. в Вильнюсе было открыто

¹⁶ Strong M. (2019) Taiwan Changes Name of Office in the U.S. to Taiwan Council for U.S. Affairs. *Taiwan News*, 25 May. Available at: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3710503> (accessed 14 October 2021).

¹⁷ Lin C. N. (2019) Taiwan's Coordination Body for the US Renamed. *Taipei Times*, 26 May. Available at: <https://www.taipetimes.com/News/front/archives/2019/05/26/2003715797> (accessed 14 October 2021).

тайваньское представительство, в названии которого вопреки сложившейся международной практике используется слово «Тайвань» что спровоцировало острый дипломатический кризис в отношениях Литвы и КНР¹⁸.

20 июля 2021 г. министр иностранных дел Тайваня У Чжаосе (Джозеф Ву) объявил, что Тайвань и Литва обменяются представительствами для расширения «экономических и торговых обменов, сотрудничества в различных областях, а также дружбы между людьми». В сообщении тайваньского внешнеполитического ведомства отмечалось, что Тайвань и Литва «разделяют фундаментальные ценности свободы, демократии и уважения прав человека»¹⁹. Официальное открытие в Вильнюсе представительства Тайваня состоялось уже через четыре месяца – 18 ноября 2021 г.

Внимание Тайбэя к факту открытия этого представительства объясняется тем, что в связи с давлением КНР тайваньская дипломатия длительное время не могла похвастаться значимыми достижениями. Происходил постоянный отток «союзников», переключающихся на дипломатическое признание КНР. Активность тайваньских зарубежных представительств снизилась, а ресурсы и эффективность «мягкой силы» уменьшались. До Вильнюса последней европейской столицей, в которой Тайваню удалось открыть представительство, стала Братислава в 2003 г., за год до вступления Словакии в ЕС. Таким образом, открытие после большого перерыва представительства в европейской стране (да еще с продвижением повестки «тайванизации») можно было эффективно «продать» как историю успеха для внутренней аудитории. Это было принципиально важно для правящей Демократической прогрессивной партии в свете выборов в местные органы власти в ноябре 2022 г. и президентских выборов 2024 г.

В названии не обошлось без политико-лингвистической игры. Строго говоря, «Тайвань» присутствует лишь в наименовании представительства на китайском языке 駐立陶宛台灣代表處 (Представительство Тайваня в Литве). В английском варианте используется прилагательное «Тайваньский» (*The Taiwanese Representative Office in Lithuania*). Название на литовском на торжественно открытой 18 ноября 2021 г. вывеске отсутствует. Примечательно, что на вывеске размещен флаг Китайской Республики, что, как правило, тайваньский МИД предпочитает не делать для загранпредставительств в странах, не имеющих с Тайванем дипломатических отношений, поскольку в таких случаях государственная символика вызывает протесты Пекина.

¹⁸ China Condemns Opening of Taiwan Office in Lithuania as 'Egregious Act'. *The Guardian*, 2021, 19 November. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/nov/19/china-condemns-opening-of-taiwan-office-in-lithuania-as-egregious-act> (accessed 21 November 2021).

¹⁹ Lin C.N. (2021) 'Taiwanese' Office to Open in Lithuania. *Taipei Times*, 21 July. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2021/07/21/2003761201> (accessed 14 October 2021).

Единственный существующий аналог использования наименования «Тайвань» – открытое 17 августа 2020 г. в международно непризнанном Сомалиленде представительство острова 台灣駐索馬利蘭共和國代表處 (*Taiwan Representative Office in the Republic of Somaliland*). Формально стороны не имеют дипломатических отношений.

В отличие от китайско-американских отношений, для которых тайваньский вопрос вот уже многие годы является очагом системных противоречий и постоянным источником напряженности, отношения стран Европейского союза и КНР до сих пор не были настолькоотягощены фактором Тайваня. Разумеется, в рамках общего курса на расширение международного признания Евросоюз не игнорировался тайваньской администрацией. Однако европейское направление для Тайваня явно уступало по важности партнерству с США, Японией, а также с традиционным кругом «дипломатических союзников» в Океании, Центральной и Южной Америке. Наличие дипломатических отношений с Ватиканом (непрерывно с 1942 г.) не позволяет говорить о «тайваньском крене» в Европе, поскольку не оказывает значимого влияния на отношения с Евросоюзом ввиду особого статуса Святого престола и его сдержанного внешнеполитического курса.

Такое осторожное позиционирование европейских государств по важнейшему для КНР вопросу «единства Китая» во многом традиционно и имеет определенные исторические причины. Во времена Холодной войны, когда остров был антикоммунистическим бастионом, Западная Европа не имела тех же глубоких стратегических интересов «противостояния коммунистическому Китаю», что и США (в рамках трансатлантических союзнических обязательств видели главную угрозу в политике СССР). В свою очередь, и Тайвань не придавал большого значения Европе в своем «дипломатическом» наступлении, считая США ключевым гарантом безопасности и во многом идеологом экономической трансформации. После отмены военного положения и начала демократизации на Тайване европейские страны продолжали рассматриваться преимущественно как бизнес-партнеры и инвесторы, а политически мотивированная «долларовая дипломатия» Тайваня сосредоточилась на менее значительных, но более заинтересованных в безвозмездной помощи игроках из числа развивающихся стран.

Тем не менее решение Вильнюса открыть представительство Тайваня легко объяснимо. Здесь сошлись несколько разнохарактерных процессов, восходящих к одному фундаментальному источнику – переходу отношений КНР и США в фазу полномасштабной конфронтации, которая охватывает не только торговую сферу, но и технологии, а также, что немаловажно, идеологию и систему ценностей. Усиление китайско-американской конкуренции неизбежно приводит к сложному выбору для малых и средних игроков, которые, при наличии достаточного запаса авантюризма, начинают использовать эти противоречия в собственных интересах.

Заключение

Одним из результатов усиления соперничества между Китаем и США является обострение ситуации вокруг Тайваня. Это происходит не только из-за все более явной поддержки «сепаратистских сил» на острове со стороны Соединенных Штатов, но и в силу самой логики великодержавной конкуренции. В условиях хаотизации международных отношений и эскалации противостояния двух крупнейших игроков, другие акторы вынуждены хеджировать риски, защищать национальные интересы и вести свою игру, реализуя краткосрочные сценарии и не играя вдолгую. Тайваньский вопрос вполне может быть одним из элементов этой сложной позиционной игры.

Растущая неустойчивость мировой системы, напряженность глобальной и региональной ситуации создают условия, в которых часть тайваньского общества будет все больше осознавать свою уникальную идентичность и стремиться подчеркнуть независимость и отличие от материкового Китая. Усиление манифестации тайваньской идентичности может проявляться в поддержке политических партий и лидеров, выступающих в защиту тайваньского суверенитета и независимости, а также в усилении культурных выражений и символов, связанных с тайваньской историей и традициями, в том числе относящихся к аборигенной культуре. Вместе с тем курс Си Цзиньпина на возрождение китайской нации заставляет КНР обращать все большее внимание на противодействие как политическому, так и культурному сепаратизму.

Тайваньскую идентичность можно назвать гибридной, однако в несколько ином смысле, более сложном, чем в трактовках постколониальной теории. Гибридность в данном случае не является результатом взаимодействия колониальной и местной традиции. В тайваньском кейсе сложно определить, что конкретно является колониальной традицией. Ясно, что часть современного тайваньского общества противостоит японскому колониальному наследию, но в то же время процессы декитаизации, которые активно поощряет ДПП, позиционируют материковый Китай в качестве метрополии, подавляющей островную идентичность. При этом лидеры ДПП вынуждены учитывать гибридность идентичности, сбалансированно отвечая интересам и ожиданиям разнообразных групп населения Тайваня. Они сталкиваются с необходимостью поддержки тайваньского национализма, одновременно уделяя внимание его противоположности – культурному наследию Китая.

Раскол идентичности усиливается и особыми отношениями острова с США. Тайваньская идентичность объединяет китайскую культурную основу с уникальными особенностями, которые возникли в результате влияния полинезийских корней аборигенной культуры, островного менталитета, японского колониального влияния и американских либеральных ценностей. Цай Инвэнь в контактах с американской стороной почти всегда упоминает об общей приверженности ценностям демократии. При этом в истории Тайваня американский фактор в зависимости от конкретного периода и политической ориентации той или иной общественной группы мог восприниматься по-разному – в начале 2000-х гг. на Тайване со стороны высокопоставленных

функционеров ДПП вполне серьезно звучали упреки в том, что США рассматривают остров как свою колонию, подавляя стремление к самоопределению и национальному суверенитету²⁰.

Высокий уровень вмешательства «политического» в вопросы идентичности приводит к парадоксальным ситуациям. Современные руководители ДПП, будучи очевидными сторонниками «тайваньского национализма», вынуждены пробивать дорогу Тайваню на международной арене под флагом Китайской Республики (то есть используя символику, исторически связанную с претензиями Гоминьдана на управление всей китайской территорией). В то же время на самом острове они ведут одновременную борьбу как против КНР, отвергая принцип «одна страна, две системы», так и против исторического наследия Китайской Республики и ее символики (отказ от использования красно-бело-голубой цветовой гаммы флага Китайской Республики) во время официальных мероприятий, а также от упоминания в официальном контексте самого названия «Китайская Республика» – вместо него «Тайвань», «наше государство» и т.п.).

Тайвань, будучи включенным в китайско-американскую конфронтацию, стремится использовать растущую неопределенность международной среды для демонстрации субъектности, поддержки сети международных контактов и укрепления своего статуса. Таким образом, усиление конкуренции КНР и США не только не препятствует, но и, наоборот, способствует манифестации тайваньской идентичности, что в долгосрочной перспективе может осложнить поиск мирного решения тайваньского вопроса.

Список литературы

1. Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: КАНОН-пресс-Ц. 288 с.
2. Войтенко Э.М., Лексютина Я.В. (2011) Тайвань между Китаем и Америкой. *Россия в глобальной политике*. 9(1): С.111–120.
3. Головачев В.Ц. (2007) Тайвань на заре 21 века – смена символов, ритуалов и предрассудков. *Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности*. Москва: Рубежи XXI. С. 329–351.
4. Каимова А.С. (2015) Политика китаизации Тайваня и становление тайваньской идентичности. *Восток (Oriens)*. 2: С. 132–138.
5. Ларин А.Г. (2000) *Два Президента, или Путь Тайваня к демократии*. Москва: Academia. 200 с.
6. Лексютина Я.В. (2017) США и политика «одного Китая». *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 10(5): С. 99–115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115.
7. Bolt P. (2001) Economic Ties across the Taiwan Strait: Buying Time for Compromise. *Issues and Studies* 37(2): 80–105. DOI: 10.7033/ISE.200103_37(2).0003.

²⁰ Koo K.M. (2004) Taiwan is Not a Colony of the US. *Taipei Times*, 17 May. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2004/05/17/2003155871> (accessed 14 October 2021).

8. Chai W. (2002) The Taiwan Factor in US-China Relations: An Interpretation. *Asian Affairs: An American Review* 29(3): 131–147. DOI: 10.1080/00927670209598883.
9. Chang-Liao N.C., Chen Y.-J. (2019) Transitional Justice in Taiwan: Changes and Challenges. *Washington International Law Journal* 28(3): 619–643.
10. Chao C.M. (2003) Will Economic Integration Between Mainland China and Taiwan Lead to a Congenial Political Culture? *Asian Survey* 43(2): 280–304. DOI: 10.1525/as.2003.43.2.280.
11. Chen D.P. (2013) The Strategic Implications of Ma Ying-jeou's «One ROC, Two Areas» Policy on Cross-Strait Relations. *American Journal of Chinese Studies* 20(1): 23–41.
12. Chen K.L. (2013) 两岸文化的本质差异 [The Essential Differences between the Cross-Strait Cultures]. *台湾研究集刊* [Taiwan Research Journal] 4: 1–6. (In Chinese).
13. Chen K.W. (2008) Disciplining Taiwan: The Kuomintang's Methods of Control during the White Terror Era (1947–1987). *Taiwan International Studies Quarterly* 4(4): 185–210.
14. Chu Y.H. (2004) Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-Strait Relations. *Asian Survey* 44(4): 484–512. DOI: 10.1525/as.2004.44.4.484.
15. Clark C. (2002) Growing Cross-Strait Economic Integration. *Orbis* 46(4): 753–766. DOI: 10.1016/s0030-4387(02)00146-1.
16. Cooke T. (2009) Cross-Strait Matrix: The Economic Cooperation Framework Agreement. *China Brief* 9(11): 7–10.
17. Corcuff S. (2002) Introduction: Taiwan, A Laboratory of Identities. In Corcuff S. (ed.) *Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New Taiwan*. Armonk, NY: Sharpe, pp. xi–xxiv.
18. Ding A.S., Huang P.A. (2011) Taiwan's Paradoxical Perceptions of the Chinese Military More Capable but Less Threatening? *China Perspectives* 2011(4): 43–51. DOI: 10.4000/chinaperspectives.574.
19. Gartzke E., Gleditsch K. (2006) Identity and Conflict: Ties that Bind and Differences that Divide. *European Journal of International Relations* 12(1): 53–87. DOI: 10.1177/1354066106061330.
20. Heylen A. (2004) The Modernity of Japanese Colonial Education in Taiwan: Moving beyond Formal Schooling and Literacy Campaigns. *Taiwan Journal of East Asian Studies* 1(2): 1–36.
21. Jager S. (2007) *The Politics of Identity: History, Nationalism, and the Prospect for Peace in Post-Cold War East Asia*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 61 p.
22. Kang D. (2003) Hierarchy and Stability in Asian International Relations. In Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.) *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. NY: Columbia University Press, pp.163–189.
23. Lin G. (2016) Beijing's New Strategies Toward a Changing Taiwan. *Journal of Contemporary China* 25(99): 321–335. DOI: 10.1080/10670564.2015.1104863.
24. Liou L.Y. (2011) Taiwanese Postcolonial Fiction. *PMLA* 126(3): 678–684. DOI: 10.1632/pmla.2011.126.3.678.
25. Magcamit M. (2015) Games, Changes and Fears: Exploring Taiwan's Cross-Strait Dilemma in the 21st Century. *Journal of Asian Security and International Affairs* 2(1): 92–115. DOI: 10.1177/2347797014565297.
26. Scobell A. (2021) Constructing a US-China Rivalry in the Indo-Pacific and Beyond. *Journal of Contemporary China* 30(127): 69–84. DOI:10.1080/10670564.2020.1766910.
27. Soong H.W. (2018) US Strategy of «A Free and Open Indo-Pacific»: A Perspective of Taiwan. *Prospect Journal* 19: 9–28.
28. Struve L.A. (1998) *The Ming-Qing Conflict, 1619–1683: A Historiography and Source Guide*. Ann Arbor, MI: Association for Asian Studies. 423 p.
29. Su B. (1986) *Taiwan's 400 Year History: The Origins and Continuing Development of the Taiwanese Society and People*. Washington, DC: Taiwanese Cultural Grassroots Association.

30. Tsai S. (2005) *Lee Teng-hui and Taiwan's Quest for Identity*. New York: Palgrave Macmillan. 304 p. DOI: 10.1057/9781403977175.
31. Tucker N. (2009) *Strait talk: United States-Taiwan Relations and the Crisis with China*. Cambridge, MA: Harvard University Press. DOI: 10.2307/j.ctv1pncpw2.
32. Weissmann M. (2012) *The East Asian Peace: Conflict prevention and Informal Peacebuilding*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137264732.
33. Wills J.E. Jr. (2005). *Pepper, Guns, and Parleys: The Dutch East India Company and China, 1622–1681*. Los Angeles, CA: Figueroa Press. 315 p.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-116-138

STATUS OF TAIWAN AND THE EVOLUTION OF TAIWANESE IDENTITY

Dr Anna S. KAIMOVA – Assistant Professor, Department of History of China, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.

ORCID: 0009-0009-9299-1430. E-mail: annansja@gmail.com
11c1 Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

Igor E. DENISOV – Senior Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 8, 2023

Accepted June 11, 2023

Acknowledgements. In the case of Igor E. Denisov, the article has been supported by a grant of the MGIMO University. Project no. 1921-01-05.

Abstract: The Taiwan issue, which originated from China's civil war, not only defines the complex relationship between Beijing and Taipei but also has significant implications for security and stability in the Asia-Pacific region. The article examines the evolution of Taiwan's status and the formation of Taiwanese identity within the context of the escalating geopolitical confrontation between China and the United States. The study focuses on historical, political, and cultural factors that have shaped Taiwanese identity, offering a fresh perspective that goes beyond previous binary ideological assessments. The authors highlight the influential role of historical heritage, including Chinese cultural influence, Polynesian culture, the Japanese colonial period, and Taiwan's interaction with the United States, in shaping a unique hybrid Taiwanese identity. The analysis presented in the paper makes it evident that the Taiwan issue is not only intensified by the increasing US support for «separatist forces» on the island but also by the inherent dynamics of great-power competition. Taiwan aims to leverage global uncertainty to strengthen its international standing and assert its own agency. The findings of this study demonstrate that amid the intense US-Chinese competition, the expression of Taiwanese identity becomes magnified, thereby further complicating the pursuit of a peaceful resolution to the Taiwan issue in the long run. The conclusion derived from this research is relevant for understanding and forecasting the future dynamics of the situation in the Taiwan Strait.

Keywords: Taiwan, China, United States, status, identity, postcolonialism, Taiwan issue, great-power competition, historical heritage, cultural hybridity

References:

1. Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts. 288 p. (In Russian).
2. Bolt P. (2001) Economic Ties across the Taiwan Strait: Buying Time for Compromise. *Issues and Studies* 37(2): 80–105. DOI: 10.7033/ISE.200103_37(2).0003.
3. Chai W. (2002) The Taiwan Factor in US-China Relations: An Interpretation. *Asian Affairs: An American Review* 29(3): 131–147. DOI: 10.1080/00927670209598883.
4. Chang-Liao N.C., Chen Y.-J. (2019) Transitional Justice in Taiwan: Changes and Challenges. *Washington International Law Journal* 28(3): 619–643.
5. Chao C.M. (2003) Will Economic Integration Between Mainland China and Taiwan Lead to a Congenial Political Culture? *Asian Survey* 43(2): 280–304. DOI: 10.1525/as.2003.43.2.280.
6. Chen D.P. (2013) The Strategic Implications of Ma Ying-jeou's «One ROC, Two Areas» Policy on Cross-Strait Relations. *American Journal of Chinese Studies* 20(1): 23–41.
7. Chen K.L. (2013) 两岸文化的本质差异 [The Essential Differences between the Cross-Strait Cultures]. *台湾研究集刊* [Taiwan Research Journal] 4: 1–6. (In Chinese).
8. Chen K.W. (2008) Disciplining Taiwan: The Kuomintang's Methods of Control during the White Terror Era (1947–1987). *Taiwan International Studies Quarterly* 4(4): 185–210.
9. Chu Y.H. (2004) Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-Strait Relations. *Asian Survey* 44(4): 484–512. DOI: 10.1525/as.2004.44.4.484.
10. Clark C. (2002) Growing Cross-Strait Economic Integration. *Orbis* 46(4): 753–766. DOI: 10.1016/s0030-4387(02)00146-1.
11. Cooke T. (2009) Cross-Strait Matrix: The Economic Cooperation Framework Agreement. *China Brief* 9(11): 7–10.
12. Corcuff S. (2002) Introduction: Taiwan, A Laboratory of Identities. In Corcuff S. (ed.) *Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New Taiwan*. Armonk, NY: Sharpe, pp. xi–xxiv.
13. Ding A.S., Huang P.A. (2011) Taiwan's Paradoxical Perceptions of the Chinese Military More Capable but Less Threatening? *China Perspectives* 2011(4): 43–51. DOI: 10.4000/chinaperspectives.574.
14. Gartzke E., Gleditsch K. (2006) Identity and Conflict: Ties that Bind and Differences that Divide. *European Journal of International Relations* 12(1): 53–87. DOI: 10.1177/1354066106061330.
15. Golovachev V. (2007) Taivan' na zare 21 veka – smena simvolov, ritualov i predrassudkov [Taiwan at the Dawn of the 21st Century – Changing Symbols, Rituals, and Prejudices]. In *Pod'em Kitaia: znachenie dlia global'noi i regional'noi stabil'nosti* [The Rise of China: Implications for Global and Regional Stability]. Moscow: Rubezhi XXI, pp. 329–351. (In Russian).
16. Heylen A. (2004) The Modernity of Japanese Colonial Education in Taiwan: Moving beyond Formal Schooling and Literacy Campaigns. *Taiwan Journal of East Asian Studies* 1(2): 1–36.
17. Jager S. (2007) *The Politics of Identity: History, Nationalism, and the Prospect for Peace in post-Cold War East Asia*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 61 p.
18. Kang D. (2003) Hierarchy and Stability in Asian International Relations. In Ikenberry J., Mastanduno M. (eds.) *International Relations Theory and the Asia-Pacific*. NY: Columbia University Press, pp.163–189.

19. Kaimova A. (2015) Politika kitaizatsii Taivania i stanovlenie taivan'skoi identichnosti [The Politics of Sinification of Taiwan and the Formation of Taiwanese Identity]. *Vostok (Oriens)* [East (Oriens)] 2: 132–138. (In Russian).
20. Larin A.G. (2000) *Dva Prezidenta, ili Put' Taivania k demokratii* [Two Presidents, or Taiwan's Path to Democracy]. Moscow: Academia. 200 p. (In Russian).
21. Leksiutina Ya. (2017) SSHA i politika «odnogo Kitaia» [US and Its «One China» Policy]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law] 10(5):99–115. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-99-115. (In Russian).
22. Lin G. (2016) Beijing's New Strategies Toward a Changing Taiwan. *Journal of Contemporary China* 25(99): 321–335. DOI: 10.1080/10670564.2015.1104863.
23. Liou L.Y. (2011) Taiwanese Postcolonial Fiction. *PMLA* 126(3): 678–684. DOI: 10.1632/pmla.2011.126.3.678.
24. Magcamit M. (2015) Games, Changes and Fears: Exploring Taiwan's Cross-Strait Dilemma in the 21st Century. *Journal of Asian Security and International Affairs* 2(1):92–115. DOI: 10.1177/2347797014565297.
25. Scobell A. (2021) Constructing a US–China Rivalry in the Indo–Pacific and Beyond. *Journal of Contemporary China* 30(127): 69–84. DOI: 10.1080/10670564.2020.1766910.
26. Soong H.W. (2018) US Strategy of «A Free and Open Indo-Pacific»: A Perspective of Taiwan. *Prospect Journal* 19: 9–28.
27. Struve L.A. (1998) *The Ming–Qing conflict, 1619–1683: A Historiography and Source Guide*. Ann Arbor, MI: Association for Asian Studies. 423 p.
28. Su B. (1986) *Taiwan's 400 Year History: The Origins and Continuing Development of the Taiwanese Society and People*. Washington, DC: Taiwanese Cultural Grassroots Association.
29. Tsai S. (2005) *Lee Teng-hui and Taiwan's quest for identity*. New York: Palgrave Macmillan. 304 p. DOI: 10.1057/9781403977175.
30. Tucker N. (2009) *Strait Talk: United States–Taiwan Relations and the Crisis with China*. Cambridge, MA: Harvard University Press. DOI: 10.2307/j.ctv1pncpw2.
31. Voitenko E., Leksiutina Ya. (2011) Taivan' mezhdru Kitaem i Amerikoi [Taiwan between China and America]. *Rossia v global'noi politike* [Russia in Global Affairs] 9(1): 111–120. (In Russian).
32. Weissmann M. (2012) *The East Asian Peace: Conflict Prevention and Informal Peacebuilding*. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1057/9781137264732.
33. Wills J.E. Jr. (2005) *Pepper, Guns, and Parleys: The Dutch East India Company and China, 1622–1681*. Los Angeles, CA: Figueroa Press. 315 p.

УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬЮ В ОТНОШЕНИЯХ ЕС И КНР: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Юлия МЕЛЬНИКОВА

Российский совет по международным делам

Аннотация: В контексте трансформации мирового порядка и перераспределения силовых потенциалов в пользу западных стран исследовательское внимание сосредоточено на развитии конфронтации США и КНР. Однако динамика взаимодействия Европейского союза и Китая в неменьшей степени иллюстрирует поиск ключевыми игроками своего места и инструментов обеспечения интересов в меняющихся условиях среды.

Особую актуальность этот вопрос приобретает для ЕС в силу особого типа акторности. Политика в отношении Китая является принципиальным кейсом для понимания того, как Европейский союз может укрепить свое положение в формирующемся многополярном мировом порядке, избегав логики балансирования и сохранив возможности приращения ресурсов за счет взаимодействия с различными центрами силы.

В статье представлена модель анализа политики ЕС на китайском треке, акцентирующая его институциональные и нормативные возможности защищать свои интересы. При помощи данной модели проведен сравнительный анализ структурирования Евросоюзом четырех ключевых для двусторонних отношений аспектов внешнеэкономического партнерства: торгового, инвестиционного, научно-технологического и в сфере «зеленой» экономики.

Автор приходит к выводу, что ключевым для поддержания безопасности ЕС фактором выступает возможность сохранения инициативы и управления существующей взаимозависимостью. В тех сферах, где это удастся сделать за счет сохранения объективных конкурентных преимуществ или институциональных возможностей, сохраняются кооперационные тенденции. Там, где конкурентные преимущества теряются, а институты управления не способны эффективно проводить интересы вовне, развивается конфронтация. Следовательно, чтобы предвосхитить ее, ЕС сосредоточивается на укреплении внутреннего защитного законодательства как первой ступени управления взаимозависимостью, чтобы избежать балансирования и потери экономических преимуществ от сотрудничества с КНР.

Ключевые слова: ЕС – КНР, внешняя политика ЕС, торговая политика, мировой порядок, взаимозависимость

Мельникова Юлия Юрьевна – программный менеджер Российского совета по международным делам (РСМД)

ORCID: 0000-0001-7922-2498. E-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

119049, Москва, 4-й Добрынинский переулок, д. 8.

Поступила в редакцию: 13.07.2023

Принята к публикации: 28.07.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Модель глобального управления, сложившаяся в постбиполярный период, утратила устойчивость. Перераспределение силовых потенциалов по линиям Север – Юг и Запад – Восток, замедление экономического роста на фоне пандемии *COVID-19* и последовавшего за кризисом архитектуры европейской безопасности 2022 г. разрушения производственных цепочек и цепочек поставок, а также общий рост конфликтности приводят к изменению привычных условий международно-политической среды, стимулируя переосмысление инструментария влияния на международные процессы для всех ключевых игроков.

Структура будущего миропорядка пока не вполне очевидна, но экономический рост и трансформация представлений Китая о своей глобальной роли, несомненно, воздействуют и на общий баланс сил, и на все международные режимы. Наиболее остро проблема адаптации к новой реальности встает перед Европейским союзом, которому в силу особого типа акторности до последнего времени была чужда как логика жесткого балансирования, так и потребность в отстаивании своих позиций в мировом порядке.

В литературе анализ китайского фактора в международных процессах, как правило, сопряжен с рассмотрением динамики американо-китайского противостояния или российско-китайского партнерства, в то время как европейско-китайские отношения, обладающие собственной уникальной динамикой, реже принимаются во внимание. Во второй половине 2010-х гг. в Европе интерес к КНР начал расти – появились новые исследовательские материалы и даже первые тематические книги¹; в России это направление разрабатывается менее активно (см. подробнее: (Носов, 2018; Ломанов, 2019; Болгова, Мельникова, Лисякевич, 2022))². Однако сегодня адаптация ЕС к взаимодействию с КНР в новых условиях приобретает дополнительную исследовательскую актуальность как возможность Брюсселя избежать логики балансирования при обеспечении своих внешнеполитических и внешнеэкономических интересов и, как следствие, внести вклад в формирование многополярности.

В данной статье предлагается модель анализа внешнеэкономической деятельности ЕС на китайском направлении как репрезентативный кейс изменения инструментария Евросоюза по защите своих интересов в меняющемся мировом порядке.

¹ См., например, одно из наиболее систематизированных исследований темы (Hooijmaaijers, 2021).

² См. также: Кашин В.Б., Шеин С.А. и др. (2022) Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не)стратегическое партнерство?: рабочая тетрадь № 65. РСМД. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-China-WorkingPaper65ru.pdf>.

Концептуальное осмысление взаимодействия ЕС и КНР

Начавшееся в 2019 г. ужесточение позиции ЕС по отношению к КНР после нескольких лет амбивалентности с провозглашения формулы «партнер по диалогу, экономический конкурент, системный соперник»³ и получившее системное обоснование в выдвинутой в 2023 г. стратегии «снижения рисков»⁴ (*de-risking*) проще всего объяснить при помощи внешних переменных. Увязывание деградации отношений Брюсселя и Пекина с фактором США распространено в широкой экспертизе (например: (Lippert, Perthes, 2020))⁵.

С точки зрения неореалистской концепции «баланса угроз», трансформация мирового порядка, в ходе которой снижается роль Запада, вынуждает второстепенных акторов балансировать против державы-ревизиониста с традиционным лидером (Walt, 1985), и для ЕС подключение к американской политике сдерживания КНР – действительно ожидаемый сценарий поведения. К его проявлениям можно отнести заморозку переговоров по Всеобъемлющему инвестиционному соглашению (ВИС) в 2021 г., закрепление Китая в качестве «общей угрозы» в стратегической концепции НАТО 2022 г.⁶, сворачивание сотрудничества государств Центральной и Восточной Европы с КНР в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП).

Вместе с тем ЕС следует за США не во всем: он не присоединился к ограничениям в ходе «торговой войны» США и КНР, продолжает работать в формате двусторонних диалогов с Китаем на высоком уровне, а стратегия по «снижению рисков» противопоставляется американскому курсу на «размежевание» (*decoupling*) европейскими официальными лицами⁷. Активно восстанавливается после пандемии *COVID-19* практика визитов на высшем и высоком уровне, и ЕС в большей степени, чем США, готов к обсуждению с КНР урегулирования конфликта вокруг Украины. Соответственно, балансирование в классической форме не обязательно выгодно Брюсселю, и его стратегию по взаимодействию с КНР определяют не только внешние переменные.

³ EU-China – A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council (2019) *European Commission*. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (accessed 13 July 2023).

⁴ Speech by President von der Leyen on EU-China relations to the Mercator Institute for China Studies and the European Policy Centre (2023) *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_23_2063 (accessed 13 July 2023).

⁵ См. также: Ломанов А.В., Лукьянов Ф.А. (2023) Сто шагов назад, цугцванг или рокировка: что происходит между КНР и ЕС? *Россия в глобальной политике*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sto-shagov-nazad/> (дата обращения: 13.07.2023); Сунь Ч. (2022) Раскол в отношениях Китая и ЕС: битва нарративов, экономика и конфликт на Украине. *МДК Валдай*. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/raskol-v-otnosheniyakh-kitaya-i-es/> (дата обращения: 13.07.2023).

⁶ NATO 2022 Strategic Concept (n.d.) *NATO*. Available at: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (accessed 13 July 2023).

⁷ European Council meeting (29 and 30 June 2023) Conclusions. EUCO 7/23. Brussels, 30 June 2023 (OR. en). (2023) *European Council*. Available at: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7-2023-INIT/en/pdf> (accessed 13 July 2023).

В действительности взаимодействие с Китаем до последнего времени создавало для ЕС возможность прирастить ресурсы и потенциал влияния в меняющихся условиях среды, в том числе на фоне разрыва отношений с Россией. Неслучайно развитие партнерства представлялось европейскими политиками в качестве «третьего пути» для укрепления акторности ЕС в мировом порядке⁸. Его действия скорее представляли собой частичное примыкание (Schweller, 1994), а драйвером партнерства выступала именно сложившаяся в 2000-е гг. взаимозависимость как прямая позитивная связь интересов игроков, стимулирующая параллельный рост партнеров за счет развития разноплановых торгово-экономических связей (по горизонтали) и их качественно-углубления (по вертикали) (Rosecrance et al., 1977).

Однако для того, чтобы стратегия частичного примыкания не снижала безопасность примыкающего, формирующаяся в результате взаимозависимость должна быть управляемой. Авторы теории о комплексной взаимозависимости Р. Кохейн и Дж. Най отмечали, что обмен даже примерно равными ценностями не обязательно создает равные выгоды и издержки, а возможность потери контроля существует (Nye, 1987). Если ранее ЕС удавалось осуществлять его за счет более устойчивого положения в глобальной экономике, технологического превосходства и участия в разработке норм взаимодействия в рамках международных режимов, отвечающих его интересам ЕС, сегодня инициатива во многих сферах переходит к активно развивающейся КНР.

Наша гипотеза заключается в том, что ключевая причина, по которой сегодня ЕС риторически все чаще прибегает к политизации диалога с Пекином, т.е. переводению его аспектов в статус политически чувствительных и требующих вмешательства общеевропейских институтов, состоит в институциональной и нормативной неспособности управлять сложившейся взаимозависимостью в меняющихся условиях среды. В крайних случаях, реже относящихся к экономической сфере, политизация переходит в секьюритизацию – классификацию действий КНР как угроз или «высоких рисков» для ЕС⁹. Чтобы проверить гипотезу, мы рассмотрим ключевые измерения экономического взаимодействия игроков с точки зрения возможностей ЕС управлять ими и соотнесем их с уровнем политизации этих сфер.

Нормативное регулирование как инструмент контроля взаимозависимости

Выделяют три актуальных инструмента реализации интересов ЕС на внешнем контуре, отражающие характер его субъектности: это нормоустанавливающие шаги, направленные на унификацию реакции государств-членов на поведение третьего игрока (*framing*) и на регулирование взаимодействия с

⁸ Borrel J. (2020) The Sinatra doctrine: Building a United European Front. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/sinatra-doctrine-building-united-european-front> (accessed 13 July 2023).

⁹ В соответствии с объяснительной схемой, предложенной О. Уэвером и Б. Бузаном в (Buzan, Wæver and Wilde de, 1998).

партнером на двустороннем уровне (*negotiation*); а также институциональные инструменты – механизмы управления действиями в рамках установленных норм, обеспечения их исполнения (*management*) (Smith, 2016). Сегодня данные инструменты складываются в модель изменения нормативно-правовой базы сотрудничества с КНР таким образом, чтобы отношения отвечали заданным Брюсселем нормам и стандартам и его представлениям о «низком уровне риска».

Однако различия в возможностях институтов ЕС контролировать аспекты внешних действий создают диспропорции в эффективности управления ими с точки зрения закрепления интересов Союза. Внешние действия ЕС, к которым можно отнести Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), Общую политику в области обороны (ОПБО), внешние действия в специальных отраслях (торговля, развитие, расширение и соседство) и внешние проявления внутренней политики (Keukeleire, Delreux, 2014), подвержены как наднациональной, так и межгосударственной логике управления. Часть из них (ОВПБ и ОПБО) подлежат управлению Советом ЕС, в котором решения принимаются консенсусом представителями государств-членов, часть – Европейской комиссией (сфера торговли, прямых иностранных инвестиций), способной разрабатывать решения в рамках иерархической бюрократизированной системы и контролировать их исполнение, а часть относится к совместной компетенции (научно-технологическое сотрудничество, сотрудничество в сфере энергетики и зеленой повестки).

Модель двустороннего диалога ЕС и КНР, с одной стороны, институционально представляет собой многоуровневую систему, сравнительно легко подверженную если не управлению, то использованию для координации и устранения противоречий. Ее высшей ступенью являются саммиты, на которых присутствуют лидеры Европейского совета, Европейской комиссии и государства – председателя Совета ЕС – с европейской стороны, и лидер КНР. Вторая ступень – диалоги на высоком уровне по вопросам стратегического характера, экономики и торговли, межчеловеческого, научно-технического сотрудничества, защиты окружающей среды. Далее следуют множественные секторальные диалоги. С другой стороны, если для КНР такая структура дублирует процесс принятия и имплементации решений в национальной бюрократической системе, ЕС сталкивается с тем, что программные решения саммитов принимаются за счет согласования общеевропейских и международных институтов, за различные диалоги на высоком уровне отвечают различные ведомства, а к секторальным диалогам напрямую подключаются компании, представители институтов гражданского общества.

Соответственно, в условиях необходимости приведения к общему знаменателю интересов всех этих игроков, а также затрудненности диалога с КНР по политическим причинам, ЕС сегодня сосредоточен на первом инструменте – развитии внутреннего законодательства для защиты своих интересов. К программным документам относятся заявления Еврокомиссии и Высокого представителя по иностранным делам и политике безопасности, которые за-

дают общую тональность взаимодействия. Последнее появилось еще в 2019 г., положив конец политике «конструктивного вовлечения» 2000-х гг. и сформулировав ряд требований к Китаю по устранению проблем в двусторонних отношениях. Часть из них была преодолена на последнем этапе реализации подписанной в 2013 г. двусторонней Повестки стратегического сотрудничества до 2020 г. Однако ввиду накопившихся к 2020 г. противоречий обновить документ не удалось, и сегодня стратегическое видение перспективы отсутствует и на внутреннем, и на двустороннем уровне.

Поскольку основная претензия ЕС к КНР заключается в отсутствии равных условий (*level playing field*), в первую очередь экономического взаимодействия, а его деятельность сосредоточена на попытках переломить тенденцию по переходу инициативы взаимодействия к Китаю, мы проиллюстрируем процесс применения описанного инструментария на тех направлениях внешних действий ЕС, которые отвечают двум критериям: а) имеют экономическое измерение; б) подвержены обсуждению в рамках диалогов на высоком уровне с КНР, то есть существует возможность трансляции европейских норм на двусторонний уровень (*negotiation*).

Продвижение интересов в отдельных сферах взаимодействия с Китаем

Торговые отношения

Торговля – точка отсчета европейско-китайских отношений в 1990-е гг., когда ЕС стремился к выходу на новые рынки сбыта, наращиванию производственных возможностей за счет использования китайских производительных сил и общему укреплению своего положения в качестве центра глобальной экономики.

С 2004 г. ЕС является главным торговым партнером Китая. КНР получила этот статус в 2020 г., обогнав США в торговле товарами. По данным за 2022 г., товарооборот составил 856.3 млрд евро. Китай остается крупнейшим импортером в ЕС (20.8%) и занимает третье место по объему экспорта из ЕС (9%) после США и Великобритании. Структура товарооборота сохраняет создающую взаимозависимость тенденцию к интеграции промышленных секторов: основой и экспорта, и импорта ЕС остаются машины и оборудование. Важную роль в импорте играет телекоммуникационное оборудование, устройства автоматической обработки данных, электрооборудование, а в экспорте – транспортное оборудование, машины и запчасти, продукция химической промышленности¹⁰. Обе стороны имеют уникальные преимущества: для ЕС это химическая промышленность, для КНР – сырье для европейского машиностроения.

¹⁰ China–EU – International Trade in Goods Statistics. *Eurostat* (n.d.). Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Recent_developments (accessed 13 July 2023).

Ключевые проблемы двусторонней торговли, снижающие экономическую безопасность ЕС, – это постоянно растущий торговый дефицит, углубление зависимости от КНР в цепочках добавленной стоимости¹¹, а также возможности китайского правительства субсидировать выход китайских государственных компаний на европейские рынки, что создает эффект демпинга. Для большинства категорий товаров КНР как преференциального торгового партнера действуют очень низкие и даже нулевые ввозные тарифы¹², и рынок ЕС остается непропорционально открытым.

Вместе с тем сфера торговли удобна для регулирования ЕС. С институциональной точки зрения она относится к исключительной компетенции Союза и полностью контролируется Европейской комиссией. Проработку инициатив осуществляет генеральный директорат по торговле, отвечающий за контроль над экспортом и импортом ЕС, разработку и применение общеевропейского законодательства и защитных практик. Влияние на двусторонние отношения оказывает и деятельность соответствующих директоратов в части таможенного законодательства, углубления экономического и финансового союза. На двустороннем уровне возможность трансляции норм обеспечивается участием ответственного за экономку вице-председателя Еврокомиссии в Диалоге на высоком уровне по вопросам экономики и торговли, учрежденном в 2008 г.

С нормативной точки зрения эта сфера также достаточно плотно регламентирована. В широком смысле торговые отношения между ЕС и КНР регулируются ВТО и ее Механизмом разрешения споров¹³. На заседаниях ВТО ЕС также представляет Еврокомиссия, она же имеет исключительное право инициировать торговые споры¹⁴, а также меры по защите торговли.

Однако не все «узкие места» попадают под юрисдикцию Механизма, а решения ВТО не всегда принимаются во внимание КНР. Притом двустороннее Соглашение о торговле и сотрудничестве не обновлялось с 1985 г., а идеи 2000-х гг. о подготовке Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и заключении зоны свободной торговли давно покинули повестку дня. Вместе с тем новые двусторонние документы появляются, хотя и носят узкий характер: например, в 2020 г. удалось согласовать Соглашение о географических наименованиях продукции¹⁵ для борьбы с фальсификацией.

¹¹ Пандемия выявила такую зависимость, например, по редкоземельным металлам и даже в области потребительских товаров. См. EU-China Trade and Investment Relations in Challenging Times. Policy Department for External Relations. Directorate General for External Policies of the Union. European Parliament (2020) Available at: https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2020/06/EXPO_STU2020603492_EN.pdf (accessed 13 July 2023).

¹² Import Customs Duties from China to Europe (2023) *China Purchasing Agent*. Available at: <https://chinapurchasingagent.com/import-customs-duties-from-china-to-europe/> (accessed 13 June 2023).

¹³ В 2021 г. против Китая было открыто четыре расследования из 12 открытых ЕС вообще, в 2022 г. – два по кейсу ограничений КНР на литовский импорт и по защите держателей высокотехнологичных патентов.

¹⁴ Даже против государств-членов, как это было против Венгрии по вопросу торговли с КНР. См. *Commission v Hungary (Case C-66/18) ECLI:EU:C:2020:792*.

¹⁵ Agreement between the European Union and the Government of the People's Republic of China on cooperation on, and protection of, geographical indications (2020) *Official Journal of the European Union*. Available at: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020A1204\(01\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22020A1204(01)) (accessed 13 June 2023).

Соответственно, ЕС продолжает укрепление внутреннего законодательства (*framing*): к КНР уже применяются Общие правила ЕС по экспорту¹⁶, в том числе двойного назначения¹⁷, и импорту¹⁸. Дополняют их постоянно обновляющийся Таможенный кодекс ЕС¹⁹ и Регламент о соблюдении правил международной торговли²⁰. Принципиальный для упрочения переговорной позиции характер носят такие документы, как антидемпинговый механизм 2017 г. (достаточно сложный в применении, т.к. требует подачи жалобы со стороны европейских компаний²¹) и механизм по противодействию непрозрачному субсидированию (условия аналогичны борьбе с демпингом²²) того же года. В 2021 г. вступили в силу поправки в Регламент о соблюдении правил международной торговли²³, расширив возможности ЕС применять ответные меры до завершения процедур по урегулированию споров в ВТО. В 2023 г. к ним добавился Инструмент против экономического принуждения со стороны третьих стран (*Anti-Coercion Instrument, ACI*)²⁴. В разработке находится Механизм регулирования международных государственных закупок, который предполагает покейсовые ограничения на госзакупки третьих стран в ЕС²⁵.

Таким образом, ЕС последовательно устраняет пробелы во внутреннем законодательстве, из-за которых его рынок был более открыт для китайских компаний, чем китайский – для европейских. Новые механизмы формируют

¹⁶ Regulation (EU) 2015/479 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2015 on common rules for exports (2015) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R0479> (accessed 13 June 2023).

¹⁷ Поскольку формально в отношении КНР с 1989 г. действует эмбарго на поставки вооружений.

¹⁸ Regulation (EU) 2015/478 of the European Parliament and of the Council of 11 March 2015 on common rules for imports (codification) (2015) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/common-eu-rules-for-imports.html> (accessed 13 June 2023).

¹⁹ Consolidated text: Regulation (EU) No 952/2013 of the European Parliament and of the Council of 9 October 2013 laying down the Union Customs Code (recast) (2013) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:02013R0952-20200101> (accessed 13 June 2023).

²⁰ Regulation (EU) No 654/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 concerning the exercise of the Union's rights for the application and enforcement of international trade rules (2014) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0654> (accessed 13 June 2023).

²¹ Regulation (EU) 2017/2321 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2017 amending Regulation (EU) 2016/1036 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union and Regulation (EU) 2016/1037 on protection against subsidised imports from countries not members of the European Unions (2017) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017R2321> (accessed 13 June 2023).

²² Regulation (EU) 2017/2321 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2017 amending Regulation (EU) 2016/1036 on protection against dumped imports from countries not members of the European Union and Regulation (EU) 2016/1037 on protection against subsidised imports from countries not members of the European Union (2017) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32017R2321> (accessed 13 June 2023).

²³ Regulation (EU) 2021/167 of the European Parliament and of the Council of 10 February 2021 amending Regulation (EU) No 654/2014 concerning the exercise of the Union's rights for the application and enforcement of international trade rules (2021) *Official Journal of the European Union*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R0167> (accessed 13 June 2023).

²⁴ Political agreement on new Anti-Coercion Instrument to better defend EU interests on global stage (2023) *European Commission*. Available at: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/home/en> (accessed 13 June 2023).

²⁵ Принятие механизма – одно из требований Стратегии по Китаю 2019 г.

фактически герметичную систему для прихода новых поставщиков на европейские рынки, надежно защищая их, а у общеевропейских институтов есть возможности контроля их развития. Неслучайно в программной речи о «снижении рисков» У. фон дер Ляйен заявила, что большая часть взаимной торговли является низкорисковой, и диалог по торговле продолжается регулярно и в условиях политического охлаждения.

Инвестиционные отношения

Инвестиционные отношения тесно связаны с торговыми: наращивание взаимной торговли предполагает перемещение капитала. В 2000-е гг. потоки были направлены из ЕС в КНР, когда крупные предприятия открывали там свои филиалы или переносили производства. После экономического кризиса 2008–2010 гг. вектор изменился: уже китайские компании начали инвестировать в промышленность ЕС, активно практикуя слияния и поглощения (более 360 компаний перешли под контроль КНР с 2008 по 2018 гг.²⁶), в том числе в высокотехнологичных секторах²⁷. Эта тенденция усилилась после запуска ОПОП за счет роста инвестиций КНР в критическую транспортную, энергетическую и коммуникационную инфраструктуру европейских стран. Если до 2010 г. объем инвестиций составлял около 2.5 млрд долл. в год, в 2014–2015 гг. этот показатель достиг 21 млрд долл, а в 2016 г. – 42 млрд долл.²⁸, и с тех пор составляет около 30 млрд долл. в год, существенно превосходя европейские показатели²⁹.

С точки зрения управления регулирование ПИИ как часть Общей торговой политики с 2009 г. находится в компетенции Европейской комиссии. Непрямое инвестирование при этом относится к смешанной компетенции Союза и государств-членов. На двустороннем уровне инвестиционные вопросы также рассматриваются в рамках Диалога на высшем уровне по вопросам экономики и торговли, но в перерывах между ними профильного секторального диалога, который бы занимался исключительно инвестиционными вопросами, нет.

Роль арбитражной инстанции по инвестициям на двустороннем уровне выполняет входящий в группу Всемирного банка Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), в который входят все государства – члены ЕС, кроме Польши, но не сам ЕС (в отличие от ВТО), хотя со-

²⁶ Tartar A.T., Rojanasakul M. and Diamond J.S. (2018) How China Is Buying Its Way into Europe. *Bloomberg*, 23 April. Available at: <https://www.bloomberg.com/graphics/2018-china-business-in-europe/> (accessed 13 July 2023).

²⁷ Commission Staff Working Document on Foreign Direct Investment In the EU. European Commission (2019) *The European Commission's trade department*. Available at: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/march/tradoc_157724.pdf (accessed 13 July 2023).

²⁸ Ibid.

²⁹ Cross Border Monitor (CBM) People's Republic of China <> European Union Direct Investment. Rhodium Group (2019) *The European Commission's trade department*. Available at: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/june/tradoc_157947.pdf (accessed 13 July 2023).

ответствующие правила арбитража являются частью его законодательства. Значит, МЦУИС может рассматривать споры между инвесторами ЕС и КНР, а также инвесторами КНР и странами ЕС, но не инвесторами КНР и самим ЕС, что является и преимуществом (общеевропейское инвестиционное законодательство не может быть оспорено КНР), и недостатком (споры инвесторов из КНР и государств ЕС не подвержены общеевропейскому регулированию) для Брюсселя. Притом оснований для открытия споров немало. Уровень открытости рынков ЕС и КНР для внешних инвесторов принципиально отличается: в то время как в Китае иностранные инвесторы в большинстве секторов вынуждены создавать совместные предприятия при выходе на одни рынки, а на другие не имеют доступа вообще, европейский рынок до последнего времени был открыт для внешнего капитала.

Закономерно, в контексте резонансных поглощений ЕС занялся активным укреплением внутреннего законодательства. В первую очередь были сформулированы стандарты входящего инвестирования в программе на 2021–2027 гг. *InvestEU*³⁰. Документ указывает на требования к транспарентности инвестирования, его соответствию европейским стандартам. Непосредственным барьером для входящих инвестиций стал Механизм проверки ПИИ, вступивший в силу в 2020 г., который предполагает разработку и унификацию соответствующих национальных инструментов. В соответствии с ним Еврокомиссия может выпускать позиции, рекомендуя национальным правительствам отказаться от сделки с небезопасными партнерами³¹.

На двустороннем уровне ключевым элементом Повестки стратегического сотрудничества до 2020 г. была разработка Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, необходимого ЕС и для защиты собственного рынка, и для перекрытия торгового дефицита за счет наращивания присутствия на китайском рынке, и для дальнейшей унификации инвестиционных отношений государств-членов с КНР. Согласование текста ВИС в конце 2020 г. могло открыть новую эру в двусторонних отношениях, поскольку многие требования КНР, например, по созданию совместных предприятий при выходе на ряд рынков³², а также запреты были сняты³³. Однако срыв его ратификации и прекращение консультаций по адаптации стимулировали охранительные тенденции внутри ЕС и спровоцировали один из наиболее жестких витков риторической политизации двусторонних отношений со стороны Брюсселя.

³⁰ Communication from The Commission to The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee of The Regions. Sustainable Europe Investment Plan European Green Deal Investment Plan. COM/2020/21 final. *European Commission* (n.d.) Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0021> (accessed 13 July 2023).

³¹ EU Foreign Investment Screening Mechanism (2020) *European Commission*. Available at: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/home/en> (accessed 13 July 2023).

³² Например, частное здравоохранение, банковский и финансовый сектор, бизнес-услуги, автомобильная промышленность.

³³ Например, телекоммуникации, сервисы, связанные с морскими и авиаперевозками, компьютерные услуги.

Защитные меры вместе с тем уже дают первые результаты: в 2020 г. объем ПИИ КНР в ЕС составил около 10 млрд долл., почти вдвое меньше обычного, хотя уже в 2021 г. обнаружил рост в 25%, достигнув 12.8 млрд долл. Структура инвестиций также изменилась: сократились вложения в инфраструктуру и ИКТ-сектор, ставшие политически чувствительными; основные доходы принесли ПИИ в менее политизированные сферы потребительских услуг и товаров, а также в составляющую предмет обоюдного интереса Брюсселя и Пекина сферу зеленых технологий³⁴. Однако 8.4 млрд суммы ПИИ 2021 г. все еще относились к сделкам типа слияний и поглощений, поэтому работа ЕС на внутреннем контуре однозначно будет продолжена.

Научно-технологическое сотрудничество

Высокий уровень научно-технологического развития исторически был конкурентным преимуществом ЕС. Внешняя политика Брюсселя в этой сфере исторически носила регуляторный характер для продвижения европейских стандартов вовне (Зиновьева, Булва, 2021). Кооперационные и конфронтационные тенденции в данной сфере партнерства более сбалансированы, поскольку во многих аспектах сотрудничество остается взаимовыгодным, а уровень инноваций в экономике ЕС выше, чем в КНР.

Однако сегодня Китай имеет потенциал переломить тенденцию. Во-первых, совершенствование технологического потенциала КНР, успешная реализация программы «Сделано в Китае 2025», направленной на создание высокотехнологичных производств полного цикла, в перспективе лишает ЕС конкурентного преимущества. С 2010 по 2020 гг. доля КНР на мировом рынке высокотехнологичных товаров и услуг выросла с 17 до 27%, в то время как европейская снизилась с 20 до 15% (Авилова et al., 2022: 15). Во-вторых, инновационное сотрудничество сопряжено с проблемой сохранения производственных ноу-хау. Соответственно, формирование защитной модели управления взаимозависимостью со стороны ЕС наблюдается и здесь.

Институционально сфера относится к смешанной компетенции Союза и государств-членов. Европейская комиссия занимается разработкой программ содействия инновациям внутри ЕС и при его взаимодействии с партнерами, выполняя координационную функцию при помощи множественных аффилированных отраслевых агентств и институтов. Даже потенциальное ужесточение общей линии при этом оставляет пространство для двустороннего сотрудничества стран ЕС и КНР, поэтому сегодня ведется работа по повышению мобилизационного ресурса Еврокомиссии, регламентации национальных правил сотрудничества с КНР³⁵. Так, раз-

³⁴ Gruver B. (2022) Chinese Outbound FDI Held Steady In 2021, As Global FDI Rebounded. *Baker McKenzie*, 26 January/ Available at: <https://www.bakermckenzie.com/en/newsroom/2022/01/chinese-outbound-fdi-held-steady-in-2021> (accessed 13 July 2023).

³⁵ EU Sets Conditions for Joint High-End Research with China (2021) *University World News*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20211119103816587> (accessed 13 July 2023).

рабатывается общий Кодекс умного использования интеллектуальной собственности в международной среде.

Рамочным внутренним документом является Стратегия по инновациям и технологиям на 2020–2024³⁶, которая носит эксплицитно защитный характер, но не имеет законодательной силы. В 2021–2027 гг. было внесено изменение в функционирование программы поддержки НТР *Horizon Europe*: теперь третьи страны могут получить отказ в финансировании, если совместные проекты будут классифицированы как угроза для ЕС³⁷. С политикой КНР связано также принятие в 2020–2022 гг. таких протекционистских документов в сфере высоких технологий, как Генеральный регламент по защите персональных данных³⁸, Инструментарий по безопасности 5G³⁹, Закон о микрочипах (*EU Chips Act*). Все они носят рекомендательный для государств-членов характер, но в той или иной форме были имплементированы в национальные законодательства.

На двустороннем уровне в последние 10 лет не прекращается поиск оптимальной конфигурации переговорного механизма: в 2012 г. появился Диалог по инновационному сотрудничеству, дополненный в 2015 г. отдельным Механизмом совместного финансирования сотрудничества в области НТР, и китайские компании начали активно присоединяться к программе *Horizon 2020*. В 2020 г. переговорный формат был трансформирован в Диалог на высшем уровне по вопросу цифровых технологий, и ключевыми темами стали общие стандарты, безопасность продукции для рынка-партнера, особенности использования искусственного интеллекта, цифровое налогообложение и кибербезопасность. Их обсуждение продолжилось в 2021 г. уже на Диалоге на высшем уровне по исследованиям и инновациям⁴⁰. Множество попыток установить повестку переговорного формата свидетельствует о сохранении интереса к сотрудничеству и понимании невозможности изолированного развития, а также о чувствительности этого вопроса. На оперативном уровне работают несколько секторальных диалогов: по спутниковой навигации, развитию информационного общества, защите прав интеллектуальной собственности, науке и технологиям, сотрудничеству в космосе, участию КНР в программе *Horizon Europe*.

³⁶ Research and Innovation Strategy 2020–2024. *European Commission* (n.d.) Available at: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/strategy/strategy-2020-2024_en (accessed 13 July 2023).

³⁷ EU sets conditions for joint high-end research with China (2021) *University World News*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20211119103816587> (accessed 13 July 2023).

³⁸ Stec G. (2020) Technology and Innovation: Views from East and West. In: *Friends of Europe*. Available at: <https://www.friendsofeurope.org/insights/technology-views-from-east-and-west/> (accessed 13 July 2023).

³⁹ Secure 5G networks: the EU toolbox (2020) *European Commission*. Available at: <https://ec.europa.eu/commission/presscorner/home/en> (accessed 13 July 2023).

⁴⁰ EU-China High Level Dialogue on Research and Innovation (2021) *European Commission* (n.d.). Available at: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/news/all-research-and-innovation-news/eu-china-high-level-dialogue-research-and-innovation-2021-01-25_en (accessed 13 July 2023).

Нормативное управление сферой на двустороннем уровне осуществляется в рамках Соглашения 1998 г. о научном и технологическом сотрудничестве. В 2019–2021 гг. продолжались переговоры по новой дорожной карте тематического сотрудничества, но в итоге зашли в тупик, и их перспективы в ЕС оценивают как низкие⁴¹. Соглашение 1998 г. дополнено и более узкими двусторонними документами. В 2006 г. появилась Совместная декларация о сотрудничестве в области науки и технологий⁴², в 2008 г. – Соглашение о сотрудничестве в области мирного атома⁴³, в 2009 г. – Схема сотрудничества в области науки и технологий между профильным министерством КНР и Еврокомиссией, а в 2010 г. – административное соглашение по взаимодействию в области естественных наук, позволяющее китайским ученым – держателям грантов легче находить партнерские институты и связи в Европе. Способствовали развитию научного сотрудничества программы по мобильности студентов и молодых специалистов, образовательные программы и совместные исследовательские программы⁴⁴.

В целом, можно говорить о смешанных тенденциях в сфере научно-технологического взаимодействия: с одной стороны, даже двусторонняя нормативная база и сеть каналов координации является достаточно разветвленной, и поиск двустороннего компромисса идет куда активнее, чем в рассмотренных ранее областях сотрудничества. С другой стороны – у общеевропейских институтов нет возможности до конца контролировать процесс, поэтому набирает обороты тенденция не только к политизации, но и к обеспечению возможности секьюритизации сотрудничества. По заявлению генерального директора Еврокомиссии по науке и инновациям, ЕС заинтересован в активном сотрудничестве с Китаем, научный потенциал которого «во многом впечатляет» (*“spectacular in many respects”*), но в каждом отдельном случае необходим тщательный анализ сделок на предмет безопасности⁴⁵.

⁴¹ В конце 2021 г. с европейской стороны звучали заявления о желании «перебалансировать» отношения в сфере технологий и инноваций, исключающем согласование нового текста документа, если им не будут обеспечены базовые принципы «открытости» и «взаимности». См. Sharma Y. (2021) EU Sets Conditions for Joint High-End Research with China. *University World News*, 19 November. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20211119103816587> (accessed 13 July 2023).

⁴² 2000/16/EC: Council Decision of 2 December 1999 concluding the Agreement for scientific and technological cooperation between the European Community and the Government of the People's Republic of China. *Official Journal of the European Communities* (n.d.). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000D0016> (accessed 13 July 2023).

⁴³ Agreement between the European Atomic Energy Community and the Government of the People's Republic of China for R&D Cooperation in the Peaceful uses of Nuclear Energy. *EEAS* (n.d.) Available at: https://www.eeas.europa.eu/node/15998_en (accessed 13 July 2023).

⁴⁴ См. подробнее: Horizon 2020: New Opportunities for EU-China Collaboration. *EURAXESS* (n.d.) Available at: <https://euraxess.ec.europa.eu/worldwide/china/collaboration-opportunities> (accessed 13 July 2023).

⁴⁵ Zubaşcu F. (2021) EU Rewrites Rulebook on Science and Technology Cooperation with the Rest of the World. *Science Business*, 29 June. Available at: <https://sciencebusiness.net/technology-strategy-board/news/eu-rewrites-rulebook-science-and-technology-cooperation-rest-world> (accessed 13 July 2023).

Сотрудничество в области зеленой экономики

Зеленая повестка остается одной из наиболее востребованных тем современности: ее значение для европейско-китайских отношений растет и по объективным причинам, связанным с долей КНР в общем объеме выбросов, и по причине западоцентричности ее нормативной основы, важности для поддержания порядка, «основанного на правилах». Пока инициатива в данной области остается в руках ЕС, даже в наиболее резких программных заявлениях со стороны Брюсселя оговаривается, что КНР остается необходимым партнером в сфере защиты окружающей среды и энергетического перехода⁴⁶, а задачи в области изменения климата остаются общими⁴⁷.

С точки зрения управления сфера тоже относится к смешанной компетенции Союза и государств-членов. Еврокомиссия несет ответственность за реализацию общей стратегии: имплементацию зеленого законодательства, целеполагание, внедрение в практику Механизма регулирования углеродной границы (CBAM). Вместе с тем после координации с Советом ЕС именно ей поручено проведение международных переговоров по этим вопросам.

Внутреннее развитие сферы обладает высокой динамикой. ЕС действительно является одним из лидеров юридического закрепления зеленых стандартов. В основе климатической политики с 1991 г. лежит принцип т.н. упреждающих действий, ставший основным и для международной практики (Саворская, 2015). Зонтичными выступают Европейская зеленая сделка и Климатическое законодательство ЕС, стимулирующие достижение углеродной нейтральности к 2050 г. Для внешних партнеров их значение заключается в выдвигании условий по приходу на европейский рынок. Зеленая повестка – также императив программы «Горизонт» и один из основных принципов научно-технологического сотрудничества в и с ЕС, а также инвестиционных проектов. Существенное влияние на развитие европейско-китайской торговли может оказать углеродный налог ЕС: формулировки Механизма регулирования углеродной границы оставляют пространство для интерпретации ввозимых товаров как не соответствующих зеленым стандартам ЕС⁴⁸. Лимитирующими для европейско-китайского сотрудничества также являются пока только предлагаемые Еврокомиссией меры по соблюдению экологических

⁴⁶ Такая риторика была дополнительно усилена после прихода к власти в США Д. Трампа и выхода США из Парижского соглашения. См. Oertel J. and et al. (2020) Climate Superpowers: How the EU and China Can Compete and Cooperate for a Green Future. *European Council on Foreign Relations*, 3 December. Available at: <https://ecfr.eu/publication/climate-superpowers-how-the-eu-and-china-can-compete-and-cooperate-for-a-green-future/> (accessed 13 July 2023).

⁴⁷ Environmental Cooperation with Other Countries. *European Commission*, (n.d.). Available at: https://environment.ec.europa.eu/international-cooperation/environmental-cooperation-other-countries_en (accessed 13 July 2023).

⁴⁸ См. подробнее: Carbon Border Adjustment Mechanism. *European Commission* (n.d.) Available at: <https://commission.europa.eu/select-language?destination=/node/9> (accessed 13 July 2023).

стандартов и прав человека при построении производственных цепочек с третьими странами⁴⁹ и Регламент о введении налога на вырубку лесов при производстве⁵⁰.

Диалог ЕС и КНР развивается и в сфере торговли, в рамках многосторонних институтов, в первую очередь Конференции ООН по изменению климата. В рамках двусторонних институтов с 2003 г. климатические вопросы поднимались в контексте секторального диалога, затем Диалога на высоком уровне по технологиям и инновациям, а с 2020 г. был запущен самостоятельный Диалог на высшем уровне по вопросам защиты окружающей среды и климату, что повысило статус повестки в двусторонних отношениях. Кроме того, в 2018 г. стороны подписали Меморандумы о торговле выбросами⁵¹ и о взаимопонимании по сотрудничеству в области экономики замкнутого цикла, дополнив последний секторальным диалогом по его реализации. В 2020 и 2021 гг. ЕС и КНР выпустили внутренние планы развития такой экономики, разработка которых велась при координации друг с другом. В 2021 г. по результатам диалога на высоком уровне удалось выпустить совместное заявление в консенсусном духе – редкость для диалогов последних лет⁵².

Существует также немало специализированных двусторонних механизмов: Европейско-китайский центр чистой энергетики, Китайско-европейская водная платформа, Двусторонний координационный механизм для предотвращения нелегальных схем добычи древесины, Европейско-китайский проект по защите окружающей среды⁵³. Китай остается необходимым участником полилога по климату как один из основных эмитентов углекислого газа, без усилий которого по сокращению невозможно выполнение и общемировых показателей. КНР является нетто-импортером энергоресурсов и, таким образом, естественным союзником ЕС в развитии энергоэффективности. Он также активно развивает возобновляемые источники энергии и выходит на рынки связанных технологий: в КНР производится 2/3 всех солнечных бата-

⁴⁹ European Parliament resolution of 10 March 2021 with recommendations to the Commission on corporate due diligence and corporate accountability (2021) *European Parliament*. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0073_EN.html (accessed 13 July 2023).

⁵⁰ Proposal for a regulation on deforestation-free products. *European Commission* (n.d.). Available at: https://environment.ec.europa.eu/publications/proposal-regulation-deforestation-free-products_en (accessed 13 July 2023).

⁵¹ *Memorandum of Understanding to Enhance Cooperation on Emission Trading between the European Commission and the Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China* (n.d.). Available at: https://climate.ec.europa.eu/system/files/2018-07/20180713_mou_en.pdf (accessed 13 July 2023).

⁵² Joint Press Communiqué following the Second EU-China High Level Environment and Climate Dialogue (2021) *European Commission*. Available at: https://climate.ec.europa.eu/news-your-voice/news/joint-press-communicue-following-second-eu-china-high-level-environment-and-climate-dialogue-2021-10-10_en (accessed 13 July 2023).

⁵³ *EU China Environment Project* (n.d.). Available at: <https://www.clientearth.org/projects/eu-china-environment-project/> (accessed 13 July 2023). Проект отличается стабильной активностью и ежегодными обновлениями. Первая фаза прошла в 2018–2021 гг., а с июля 2021 г. началась вторая, также рассчитанная на три года.

рей в мире и 1/3 всех ветряков⁵⁴, что стимулирует зависимость ЕС от Пекина в цепочках поставок. Китай – партнер ЕС и в области развития энергосберегающих технологий⁵⁵. Объем и емкость китайского энергетического рынка, а также суммы, которые правительство КНР выделяет на *R&D* в области низкоуглеродной экономики, делают его привлекательным в глазах европейских партнеров. С другой стороны, европейские технологии способствуют скорейшему достижению КНР углеродной нейтральности. Сотрудничество остается действительно одним из наиболее взаимодополняющих и низкорисковых, а конфронтационные тенденции в нем минимальны.

Заключение

Таким образом, анализ нормотворческого процесса в ЕС в тех аспектах внешних действий, которые имеют экономическое измерение и относятся к сфере исключительной общесоюзной или смешанной компетенции, а именно в торговой, инвестиционной, научно-технологической и зеленой, подтвердил исходную гипотезу о наличии взаимозависимости между способностью ЕС контролировать развитие сферы и соотношением кооперационных и конфронтационных тенденций в ней, степенью ее политизированности. Контроль развития не всегда означает, что она относится к исключительной компетенции Союза. Там, где европейские технологии по уровню еще превосходят китайские или инициатива в оформлении диалога принадлежит ЕС, как, например, в зеленой сфере и частично в области науки и инноваций, управление может осуществляться на практике. Однако при уравнивании возможностей потенциал институционального и нормативного управления становится ключевым. Неслучайно в торговой и инвестиционной сферах стремление Брюсселя повысить эффективность инструментов управления взаимозависимостью с Пекином выливается в активное дополнение внутреннего законодательства защитными инструментами.

Ведется работа по ужесточению норм взаимодействия в первую очередь на внутреннем уровне, где создаются непосредственные юридические защитные механизмы. Притом трансляция этих правил на двусторонний уровень, «увязывание» выгод и издержек сталкивается с трудностями, поскольку уже зависит от проблемы компетенций. В таких условиях риски приобретают для ЕС все большее значение, а значит, его собственные попытки выстроить защитные барьеры также будут расти.

⁵⁴ Oertel J. and et al. (2020) Climate Superpowers: How the EU and China Can Compete and Cooperate for a Green Future. *European Council on Foreign Relations*, 3 December. Available at: <https://ecfr.eu/publication/climate-superpowers-how-the-eu-and-china-can-compete-and-cooperate-for-a-green-future/> (accessed 13 July 2023).

⁵⁵ Jiang S. (2022) EU's Energy-Climate Policy under the Carbon Neutrality Target and China-EU Cooperation. *International Economic Review*. Available at: <https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CJFD&dbname=CJFDAUTO&filename=GJPP202201008&uniplatform=NZKPT&v=o-c39kp7ZYIDOd8-f101ZMVPvINKhnqHmeYCLiLpikcvRxJY7qp1fBHsJV64EXNB> (accessed 13 July 2023).

Поскольку рассмотренный инструментарий концептуализировался как возможность сохранить позиции ЕС и избежать балансирования против КНР в условиях меняющегося мирового порядка, неудача в его применении может стимулировать преобладание конфронтационных тенденций над кооперационными и поставить перспективы избегания балансирования под сомнение.

Список литературы

1. Buzan B., Wæver O. and Wilde J. de (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Colo: Lynne Rienner Pub.
2. Hooijmaaijers B. (2021) *Unpacking EU Policy-Making towards China: How Member States, Bureaucracies, and Institutions Shape Its China Economic Policy*. Singapore: Springer Singapore. DOI: 10.1007/978-981-15-9367-3.
3. Keukeleire S. and Delreux T. (2014) *The Foreign Policy of the European Union*. 2nd edition. The European Union series. London: Macmillan International Higher Education, Red Globe Press.
4. Lippert B., Perthes V. (2020) Strategic Rivalry Between United States and China: Causes, Trajectories, and Implications for Europe. *SWP Research Paper*. DOI: 10.18449/2020RP04.
5. Nye J.S. (1987) Power and Interdependence Revisited. *International Organization* Keohane R.O. (ed.) 41(4): 725–753. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2706764> (accessed 13 July 2022).
6. Rosecrance R., Alexandroff A., Koehler W., et al. (1977) Whither interdependence? *International Organization* 31(3): 425–471. DOI: 10.1017/S002081830002645X.
7. Schweller R.L. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In. *International Security* 19(1): 72. DOI: 10.2307/2539149.
8. Smith M. (2016) EU Diplomacy and the EU–China Strategic Relationship: Framing, Negotiation and Management. *Cambridge Review of International Affairs* 29(1): 78–98. DOI: 10.1080/09557571.2015.1118999.
9. Walt S.M. (1985) Alliance Formation and the Balance of World Power. *International Security* 9(4): 3. DOI: 10.2307/2538540.
10. Алексеенкова Е., Авилова А., Бочаров И. и др. (2022) *Фактор Китая в Средиземноморье* (под ред. О. Буториной и Е. Алексеенковой). М.: Ин-т Европы РАН. DOI: 10.15211/report12022_387.
11. Болгова И.В., Мельникова Ю.Ю., Лисякевич Р. (2022) Формирование китайского направления политики ЕС: роль стран ЦВЕ. *Мировая экономика и международные отношения* 66(6): 77–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90.
12. Зиновьева Е.С. Булга В.И. (2021) Цифровой суверенитет Европейского союза. *Современная Европа* 102(2): 40–49. DOI: 10.15211/soveurope220214049.
13. Ломанов А.В. (2019) Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность* 24. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10009.
14. Носов М.Г. (2018) ЕС и Китай: торговля или стратегия. *Современная Европа* 6(85): 5–17. DOI: 10.15211/soveurope620180517.
15. Саворская Е.В. (2015) Европейский союз как участник международного климатического режима: организационный анализ. *Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношений и мировая политика* 7(2): 96–125.

MANAGING INTERDEPENDENCE IN THE EU – CHINA RELATIONS: ECONOMIC ASPECTS

Julia Ju. MELNIKOVA – Program Manager, Russian International Affairs Council (RIAC).

ORCID: 0000-0001-7922-2498. E-mail: jmelnikova@russiancouncil.ru

1 Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991

4th Dobryninskiy pereulok, 8, Moscow, Russia, 119049.

Received July 13, 2023

Accepted July 28, 2023

Abstract: Amidst current world order transformations, characterized by the balance of power shift towards non-Western countries, the research primarily revolves around the growing US – China confrontation. Yet, the ambivalence of the EU – China relations is no less an example of how key actors are trying to find their place and efficient instruments to promote their interests in the changing environment.

For the European Union this issue is particularly relevant due to its specific mode of actorness. The EU policy towards China is a critical case to understand how the Union can strengthen its position in the emerging multipolar world order without balancing, but still preserving opportunities to gain more resources through engagement with various centers of power.

The article presents the model to analyze the EU policy towards China and uses it to compare institutional and normative capabilities of the EU to protect common interests in key areas, crucial for the bilateral dialogue in the sphere of economy: trade, innovations, science and technology and “green” agenda.

The article concludes that the key factor for the EU to maintain its security and preserve its interests is the capability to manage interdependence. In the spheres, where objective competitiveness level or institutional capabilities allow to do so, cooperation trends prevail. Where competitive advantages of the EU are not so evident and there is lack of institutional capacity to promote interests outwards, confrontation emerges. Therefore, the EU is currently focused on developing internal defensive mechanisms, in the form of legal acts and other regulation tools at the disposal, as the first step to manage interdependence and avoid balancing against China to its own economic detriment.

Keywords: EU – China, de-risking, EU foreign policy, trade policy, world order, interdependence

References:

1. Buzan B., Wæver O. and Wilde J. de (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, Colo: Lynne Rienner Pub.
2. Hooijmaaijers B. (2021) *Unpacking EU Policy-Making towards China: How Member States, Bureaucracies, and Institutions Shape Its China Economic Policy*. Singapore: Springer Singapore. DOI: 10.1007/978-981-15-9367-3.
3. Keukeleire S. and Delreux T. (2014) *The Foreign Policy of the European Union*. 2nd edition. The European Union series. London: Macmillan International Higher Education, Red Globe Press.

4. Lippert B., Perthes V. (2020) Strategic Rivalry Between United States and China: Causes, Trajectories, and Implications for Europe. *SWP Research Paper*. DOI: 10.18449/2020RP04.
5. Nye J.S. (1987) Power and Interdependence Revisited. *International Organization* Keohane R.O. (ed.) 41(4): 725–753. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2706764> (accessed 13 July 2022).
6. Rosecrance R., Alexandroff A., Koehler W., et al. (1977) Whither interdependence? *International Organization* 31(3): 425–471. DOI: 10.1017/S002081830002645X.
7. Schweller R.L. (1994) Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In. *International Security* 19(1): 72. DOI: 10.2307/2539149.
8. Smith M. (2016) EU Diplomacy and the EU–China Strategic Relationship: Framing, Negotiation and Management. *Cambridge Review of International Affairs* 29(1): 78–98. DOI: 10.1080/09557571.2015.1118999.
9. Walt S.M. (1985) Alliance Formation and the Balance of World Power. *International Security* 9(4): 3. DOI: 10.2307/2538540.
10. Alekseenkova E., Avilova A., Bocharov I. et al. (2022) *Faktor Kitaya v Sredizemnomor'e* [The China Factor in The Mediterranean] (eds O. Butorina and E. Alekseenkova). Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IERAS). DOI: 10.15211/report12022_387. (In Russian).
11. Bolgova I., Mel'nikova Y., Lisjakiewicz R. (2022) Formirovanie kitskogo napravleniia politiki ES: rol' stran TsVE [The EU China Policy in the Making: The Role of Central and Eastern Europe]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations] 66(6): 77–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90. (In Russian).
12. Lomanov A.V. (2019) Otnosheniia Kitaia i ES: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i sopernichestvo [China – EU Relations: Between Cooperation and Confrontation]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istorii i sovremennost'* [China in Global and Regional Politics. History and Modernity] 24. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10009. (In Russian).
13. Nosov M.G. (2018) ES i Kitai: torgovlia ili strategii [The EU and China: Trade or Strategy]. *Sovremennaiia Evropa* [Contemporary Europe] 6(85): 5–17. DOI: 10.15211/soveurope620180517. (In Russian).
14. Savorskaya E.V. (2015) Evropejskij soyuz kak uchastnik mezhdunarodnogo klimaticeskogo rezhima: organizacionnyj analiz [The European Union as a Participant of the International Climate Regime: Organizational Analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnoshenij i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics] 7(2): 96–125. (In Russian).
15. Zinovieva E.S., Bulva V.I. (2021) Cifrovoy suverenitet Evropejskogo soyuza [EU Digital Sovereignty]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe] 102(2): 40–49. DOI: 10.15211/soveurope220214049. (In Russian).

SINO-RUSSIAN "ENERGY MARRIAGE": EVIDENCE OF COOPERATION FROM THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Shide FENG

Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences; MGIMO University

Jiawei WANG

Moscow State University

Fengchen WANG

National Research University-Higher School of Economics (HSE University)

Abstract: Energy plays a vital role as the lifeblood of economic development, and China's rapid economic growth necessitates a stable and secure energy supply. In this context, energy trade between China and Russia, under the framework of the of the *One Belt One Road* initiative, becomes a crucial element of China's energy strategies. This paper employs a combination of quantitative and qualitative methods to comprehensively analyze the historical, current, and future aspects of energy cooperation between the two nations. Amidst the current international landscape, the energy cooperation structures of China and Russia exhibit complementarity, rendering the energy collaboration between both countries mutually beneficial. Hence, it is essential for China and Russia to reinforce their energy cooperation further, paving the way for a prosperous and symbiotic relationship in the energy sector.

Keywords: Sino-Russian Energy, the Belt and Road Initiative, Oil, Natural Gas

Shide Feng, PhD student, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences; MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-4786-1751. E-mail: 373845357@qq.com

32 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, Russia, 117997

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Jiawei Wang, first year master's student, Moscow State University, Moscow School of Economics

ORCID: 0000-0003-0599-9004. E-mail: 1360148999@qq.com

1c61 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234.

Fengchen Wang, PhD student, St. Petersburg School of Economics and Management, National Research University-Higher School of Economics (HSE University)

ORCID: 0000-0003-3103-5049. E-mail: fwang@hse.ru

3A Kantemirovskaya st., building 1, St. Petersburg, Russia, 194100.

Received March 15, 2023

Accepted May 9, 2023

Conflict of interests: The authors declare the absence of conflict of interests.

The relations between China and Russia in terms of energy cooperation has gained significance, particularly with the implementation of *China's Belt and Road Initiative (BRI)*. China, being the world's largest energy importer, requires a substantial amount of energy to fuel its national development. However, its domestic energy production falls short of meeting this demand, necessitating significant energy imports.

China's proposal of the Silk Road Economic Belt in 2013 aimed to promote international cooperation, including in the energy sector. As the world's largest energy exporter, Russia's energy resources align with China's energy demand, making it an attractive partner for Russia's energy supply, and creating mutual interests between the two countries for energy cooperation. Sino-Russian relations have become increasingly important since the collapse of the Soviet Union, and they currently enjoy a period of strong bilateral ties. The rising energy security risks faced by China, especially concerning transportation routes through the Straits of Hormuz and the Straits of Malacca, further emphasize the need for energy cooperation with Russia to mitigate geopolitical risks.

While China imports a significant amount of energy from the Middle East, the tensions between China and the United States contribute to energy security concerns. Additionally, Russia, facing sanctions from Europe, the United States, and its allies, has been seeking new energy markets. The energy cooperation between China and Russia within the Belt and Road Initiative holds substantial potential, but the energy infrastructure in both countries is currently insufficient to meet their respective demands. Challenges and problems still exist in the energy cooperation between the two nations, necessitating the development of advanced energy technologies and further collaboration (Sun).

The Belt and Road Initiative aims to create a "community of interests" and establish win-win situations through cooperation with partner countries. As the largest country within the initiative and a neighbor to China, Russia is undoubtedly one of China's most important partners. The initiative further promotes energy cooperation between the two countries, ensuring China's energy security and resolving Russia's energy export dilemmas while fostering stability and development in both economies (Liu & Tang, 2017).

The COVID-19 pandemic, along with international capital flow fluctuations and exchange rate fluctuations, has led to a decrease in global aggregated energy demand. This situation has prompted Russia to "turn to the East" and strengthen regional cooperation with China. Governments are actively working towards bilateral cooperation, with China's rapidly growing economy set to increase its demand for imported energy. Research on Sino-Russian trade related to the Belt and Road strategy is still limited, highlighting the need to analyze energy cooperation between the two countries within the context of the Belt and Road Initiative (Li, 2016).

To address this research gap, scholars have focused on the necessity and current development status of energy cooperation between China and Russia. This study aims to analyze the energy trade patterns and prospects between

the two countries under *the Belt and Road Initiative* based on relevant data. The hypothesis suggests that energy trade between China and Russia will continue to grow in the future. The study adopts a mixed-method approach, combining qualitative and quantitative analyses to systematically examine the foundation of energy cooperation between China and Russia. Mathematical models inspired by the prediction models used in the BP Statistical Review of World Energy are applied to evaluate indicators such as Gross Domestic Product (GDP), Total Energy Consumption (TEC), Natural Gas Import (NGI), and Oil Import (OI) to assess the current cooperation and predict future energy trends (Jiang).

Energy plays a crucial role in a country's national economic development, and for China, as the world's largest industrial nation, meeting its substantial energy demands is a challenge due to limited domestic production. As a result, China heavily relies on energy imports.

In 2013, China introduced the *Silk Road Economic Belt*, which facilitated international cooperation in its energy sector. Given China's position as the world's largest energy importer and Russia as the leading energy exporter, their geographic proximity aligns their energy needs and supplies. China's vast market and financial capabilities make it an attractive partner for Russia's energy supply, creating mutual interests in energy cooperation. Since the collapse of the Soviet Union, Sino-Russian relations have grown in importance, and they currently enjoy a strong bilateral bond. To mitigate energy security risks due to geopolitics, strengthening energy cooperation with Russia becomes imperative for China.

While China imports a significant amount of energy from the Middle East, the transportation routes through the Straits of Hormuz and Malacca pose risks to its energy security, particularly given tensions with the United States. Additionally, Russia, facing sanctions from Europe and its allies, has been exploring new energy markets. Although the *Belt and Road Initiative*-based energy cooperation between China and Russia holds great potential, their current energy infrastructure falls short of meeting the demand, and challenges persist in their cooperation. Developing advanced energy technology is vital for their future collaboration (Sun, 2013). Furthermore, some regions pose challenges in energy extraction and transportation (Liu, Tang, 2017).

The *Belt and Road Initiative* aims to create a "community of interests" by fostering cooperation with partner countries, and Russia, as China's neighbor and the largest country within the initiative, is a crucial partner. This initiative promotes energy cooperation between the two nations, ensuring China's energy security and addressing Russia's energy export dilemmas, thereby fostering stability and development in both economies (Liu & Tang, 2017).

The global COVID-19 pandemic, along with fluctuations in international capital flow and exchange rates, resulted in a decrease in the aggregated global energy demand. As a response to this situation, Russia has been increasingly turning its focus to the East and strengthening regional cooperation with China (Li, 2016). Governments have been actively engaging in bilateral efforts to foster cooperation. Qing (Jiang, 2017) highlighted the rapid growth of China's economy

and the consequent increase in its demand for imported energy. In this context, the relationship between China and Russia regarding energy cooperation has achieved significant progress in areas like oil, coal, and natural gas. However, research on Sino-Russian trade within the *Belt and Road* strategy remains limited, making it crucial to analyze energy cooperation between the two countries under the framework of the *Belt and Road Initiative*.

Existing research primarily focuses on the necessity and development status of energy cooperation between China and Russia. Scholars recognize that Russia possesses abundant energy resources, such as oil, coal, and natural gas, and is willing to export them in substantial quantities. This study aims to explore the energy trade patterns between the two countries and analyze their prospects for energy trade under the *Belt and Road Initiative*, using relevant data. The hypothesis posits that energy trade between China and Russia will continue to grow in the future. The research adopts a mixed-method approach, combining qualitative and quantitative analyses to systematically examine the foundation of energy cooperation between the two nations. Mathematical models, inspired by the prediction models of the BP Statistical Review of World Energy, are applied to evaluate indicators like Gross Domestic Product (GDP), Total Energy Consumption (TEC), Natural Gas Import (NGI), and Oil Import (OI) to assess the current cooperation and predict future energy trends. GDP serves as a significant indicator to reflect future energy status.

In 2020, global energy consumption experienced a significant decline of 4.5% due to the COVID-19 pandemic, resulting in substantial decreases in petroleum, natural gas, and coal demand. Specifically, oil demand dropped by 9.3%, while natural gas demand decreased by 2.3%, and coal consumption declined by 4.2%¹. Notably, China emerged as the only country with a positive growth in oil demand, experiencing an increase of 220,000 barrels per day².

In terms of natural gas demand, Russia and the United States witnessed the largest decreases of 33 billion cubic meters and 17 billion cubic meters, respectively. Conversely, China and Iran demonstrated the most significant increases in natural gas demand, with growths of 22 billion cubic meters and 10 billion cubic meters, respectively³. Coal consumption experienced a decline of 6.2 exajoules (EJ) or 4.2%, with the United States and India accounting for the largest decreases of 2.1 EJ and 1.1 EJ, respectively⁴. On the other hand, China and Malaysia registered the most substantial increases in coal demand, with growths of 0.5 EJ and 0.2 EJ, respectively⁵. Despite an overall decrease of 0.9%⁶ in global power gener-

¹ Statistical Review of World Energy, 70th edition (2021) BP. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed 20 June 2023).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

ation, the demand for renewable energy witnessed significant growth, particularly in solar energy generation. The proportion of renewable energy in the global power generation reached an all-time high, resulting in a decline in the global demand for coal in the electricity sector. China and the United States emerged as the leading countries with the largest growth in renewable energy demand, with increases of 1.0 EJ and 0.4 EJ, respectively.

The United States, India, and Russia experienced the largest declines in energy consumption, whereas China demonstrated a growth rate of 2.1%, making it one of the few countries with increasing energy demand in 2020. Overall, the global energy structure is undergoing diversification, with renewable energy market shares witnessing significant growth⁷.

China's Energy Situation

China's energy demand has been witnessing strong growth in traditional fossil energy sources, particularly coal and oil. As of 2018, coal consumption accounted for 58.25% of China's primary energy consumption (Gu, 2021). In 2020, approximately 55.4% of China's oil demand and 41.6% of its natural gas demand were dependent on imports. While the proportion of raw coal consumption in China decreased by nearly 12% from 2018 to 2018, the overall coal consumption remained relatively stable from 2016 to 2020 (Gu, 2021). Over the past decade, China's oil consumption has experienced an average growth rate of 5.3%, making natural gas the third most consumed traditional energy source. Although natural gas does not hold a prominent position in China's primary energy consumption, its demand has been rapidly growing, with an average annual growth rate of 13.1% from 2010 to 2020⁸. Amid China's ongoing energy transformation and revolution, the renewable energy sector has shown remarkable progress. China ranks first globally in hydropower and wind power generation. By the end of 2020, China's renewable energy power generation capacity reached 2,082.8 billion kWh, accounting for 27.32% of the country's total power generation (Gu, 2021). Additionally, 70% of China's new power generation in 2020 was sourced from renewable energy (Gu, 2021).

Russia's Energy Situation

As one of the major energy-exporting countries globally, Russia holds the highest export volume of natural gas and relies significantly on the energy industry as a primary economic sector. Russia's proven natural gas reserves consistently rank first in the world. Natural gas is the primary energy source in Russia, followed by oil and coal. Russia's natural gas consumption constitutes more than half of its total energy consumption, with nuclear and hydropower accounting for approximately 5% of the country's overall consumption. Crude oil and natural gas

⁷ Ibid.

⁸ National Statistics Bureau (n.d.) Available at: <https://data.stats.gov.cn/> (accessed 20 June 2023).

production contribute to approximately 80% of Russia's total energy production. Due to its abundant oil and gas resources, Russia heavily depends on energy exports, enjoying a significant resource endowment advantage in this regard. While Russia primarily focuses on traditional energy sources such as oil and natural gas, its renewable energy industry remains relatively underdeveloped.

Foundation of Sino-Russian Energy Cooperation under the Belt and Road Initiative

Foundation of Political Cooperation

Sino-Russian energy cooperation is built upon a strong basis of mutual dependence and political alignment. Russia was among the earliest supporters of China's *Belt and Road Initiative*, aiming to foster regional economic growth, mutually beneficial economic cooperation, and ensure peace and stability in the vast Eurasian region. By combining the *Belt and Road Initiative* with the Eurasian Economic Union, deeper cooperation between China and Russia becomes feasible in energy and other industries. Currently, Sino-Russian relations have reached an unprecedented level of strength. Both countries are facing increasing pressures from the Western world, yet they share no fundamental conflicts of interest at this stage. Given the global situation, it becomes crucial for China and Russia to strengthen economic, cultural, and political cooperation. On one hand, as the Sino-US trade war commenced on March 22, 2018, tensions between China and the United States escalated, posing heightened energy security risks for China. On the other hand, Russia's special military operations in Ukraine since 2022 have further strained its relations with Western countries, leading to increased economic sanctions against Russia and international isolation. Therefore, promoting energy and other forms of cooperation within the framework of the *Belt and Road Initiative* serves as an effective countermeasure for Russia to improve its ties with China and mitigate the impact of international isolation. For China, such cooperation helps reduce its dependence on sea routes for energy imports and minimizes energy security risks.

Foundation of Economic Cooperation

China's continuous economic growth has led to a surge in its energy demand, making it the world's largest energy importer. In 2020, over half of China's oil demand (55.4%) and a significant portion of its natural gas demand (41.6%) relied on imports. China's appetite for natural gas is also rapidly expanding. As Russia stands as the world's largest energy and natural gas exporter, expanding its energy exports to China not only boosts Russia's energy revenue but also supports the sustainable development of its economy. Considering China's role as the "world's factory" for the foreseeable future, its strong and sustained energy demand presents a promising market for Russia for decades to come. For Russia, further energy cooperation with China helps alleviate its dependence on the EU market and offsets the impact of sanctions. As Russia's energy export share

dwindles, finding new energy export destinations is crucial to avoid an economic downturn in the energy industry. China serves as an ideal market for Russia in this regard. Moreover, Russia possesses vast untapped energy resources, but limited opportunities for development within its domestic economic structure. In contrast, China exhibits the willingness and ample capital to invest in the exploitation of these resources, providing substantial output for energy projects in Russia.

Analysis of Sino-Russian Energy Cooperation based on the Belt and Road Initiative

The Development of Sino-Russian Energy Cooperation

The cooperation between China and Russia in the field of oil can be divided into five distinct stages. The first stage, from 1991 to 2000, saw the beginning of energy cooperation when China became an oil importer in 1993. During this period, China mainly imported refined oil from Russia. However, the scale of cooperation remained relatively small, with China's total oil imports reaching 200,000 tons in 1999.

The second stage, spanning from 2000 to 2004, witnessed further advancements in energy cooperation due to China's expanding economy and increasing energy demand. However, issues related to oil transportation pipelines between the two countries limited the progress of cooperation during this period.

In the third stage, from 2004 to 2009, China and Russia achieved significant breakthroughs in energy collaboration. The total volume of Sino-Russian oil trade surpassed 10 million tons in 2004, and both countries jointly established an oil company to explore Russia's domestic energy resources.

The fourth stage, occurring from 2009 to 2013, marked a new phase in Sino-Russian energy cooperation with the official deployment of the Sino-Russian oil transportation pipeline. During this period, the two countries also initiated a cooperation model involving "repaying loans with oil."

The fifth stage, beginning in 2013 and continuing to the present, represents a new era in China-Russia energy cooperation, driven by the *Belt and Road Initiative*. In this stage, Russia began providing China with 15 million tons of oil annually through the oil transportation pipelines. By 2016, Russia became China's largest source of oil imports, exporting 52.5 million tons of oil to China, marking a 24% increase. Additionally, a new oil pipeline from Russia to China began operations in 2018.

Regarding natural gas cooperation, it commenced in the 1990s but faced challenges due to disagreements between the two countries over natural gas pricing. However, in 2007, two natural gas transportation lines were established between China and Russia. In 2013, Gazprom and CNPC signed a framework agreement on Russia's supply of natural gas to China via the Eastern Route. Subsequently, China purchased nearly 20% of shares in the Yamal LNG project. The initiation of the "Belt and Road Initiative" accelerated natural gas cooperation between China and Russia. In 2014, CNPC and Russia's Gazprom signed the "Si-

no-Russian East Route Gas Supply Contract. The “Power of Siberia” began connecting the eastern route of the China-Russia natural gas pipeline in 2015. Furthermore, on December 8, 2017, the first production line of the Yamal LNG Project, an energy cooperation project between China and Russia, was officially put into use.

Current Situation and Prospect for Sino-Russian Energy Trade

China and Russia, being neighboring countries, possess a unique geographical strategic advantage that facilitates energy trade between them, particularly through land pipeline transportation, which reduces transportation costs and risks. Leveraging the strong political and economic foundation of energy cooperation and the *Belt and Road Initiative*, the mutual energy trade between China and Russia is expected to continue its growth trajectory. China’s industrial development and increasing energy consumption demands will be a crucial driver for its reliance on Russian energy imports, while Russia seeks stable energy revenue to safeguard its national economy.

To forecast China’s future energy demand, we have employed mathematical models analyzing Energy Consumption (TEC), Natural Gas Import (NGI), Oil Import (OI), and Gross Domestic Product (GDP) with lags. The data utilized in these models is sourced from the National Statistics Bureau of the People’s Republic of China. By considering GDP as the independent variable, we estimate its relationship with other indicators. The lag is set at 6 or 7 to predict future data over the next few years. We present three models for predicting China’s future energy demand, taking into account these key factors.:

$$\text{TEC}_t = \beta_4 + \beta_1 \text{GDP}_{t-7} \quad (1)$$

$$\text{NGI}_t = \beta_2 \text{GDP}_{t-6} \quad (2)$$

$$\text{OI}_t = \beta_5 + \beta_3 \text{GDP}_{t-6} \quad (3)$$

Table 1. Estimation Result

	Variables	Abbr.	Coefficient	Intercept	R2	Observation
Model 1	Total Energy Consumption	TEC				44
	Gross Domestic Product	GDP	β_1 0.595*** (0.07)	β_4 2296*** (0.0002)	0.741	
Model 2 (No Intercept Model)	Natural Gas Import (100 billion cubic meter)	NGI				30
	Gross Domestic Product	GDP	B_2 0.0023*** (0.0003)	-	0.761	

	Variables	Abbr.	Coefficient	Intercept	R2	Observation
Model 3	Oil Import (10000 tons)	OI				42
	Gross Domestic Product	GDP	B_3 0.075*** (0.014)	β_5 1103*** (338.7)	0.570	

All coefficients are positive, which represents the positive correlation between energy growth and economic development. If China's economy continues to grow in the future, energy imports will continue to increase. The predicted results are as follows:

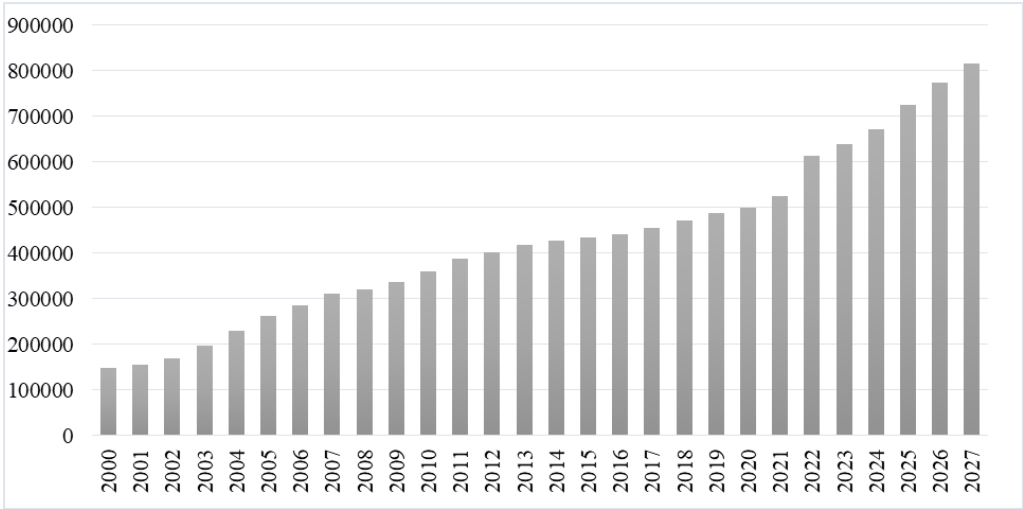

Figure 1. Total Energy Consumption (10000 tons)⁹

Note: the total energy consumption from 2002 to 2019 was the actual data, and the data from 2022 to 2027 was the estimated consumption based on our model.

⁹ Source: National Statistics Bureau of People's Republic of China and Estimation Result of the model.

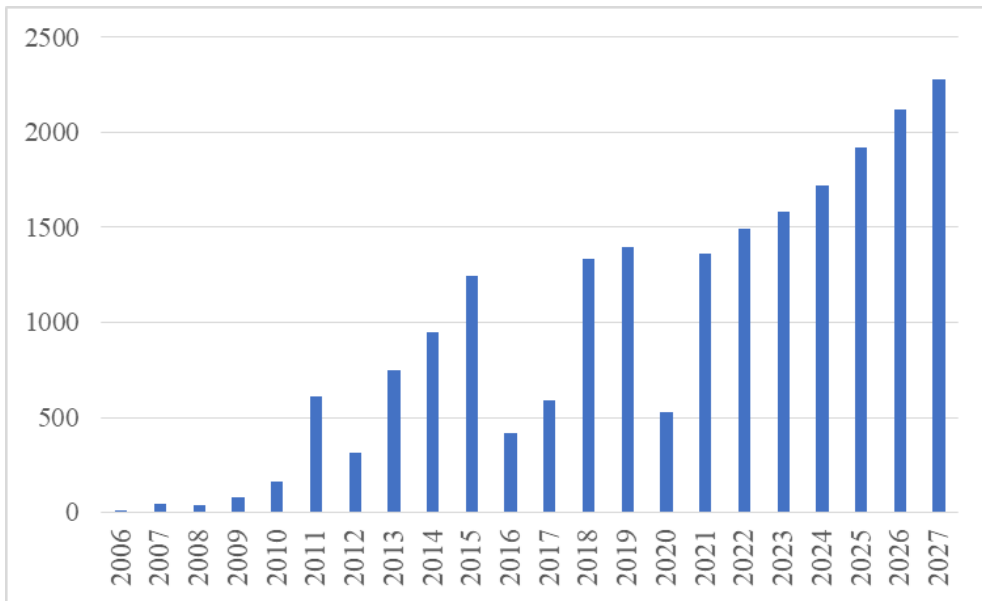

Figure 2. Natural Gas Import (100 billion cubic meter)¹⁰

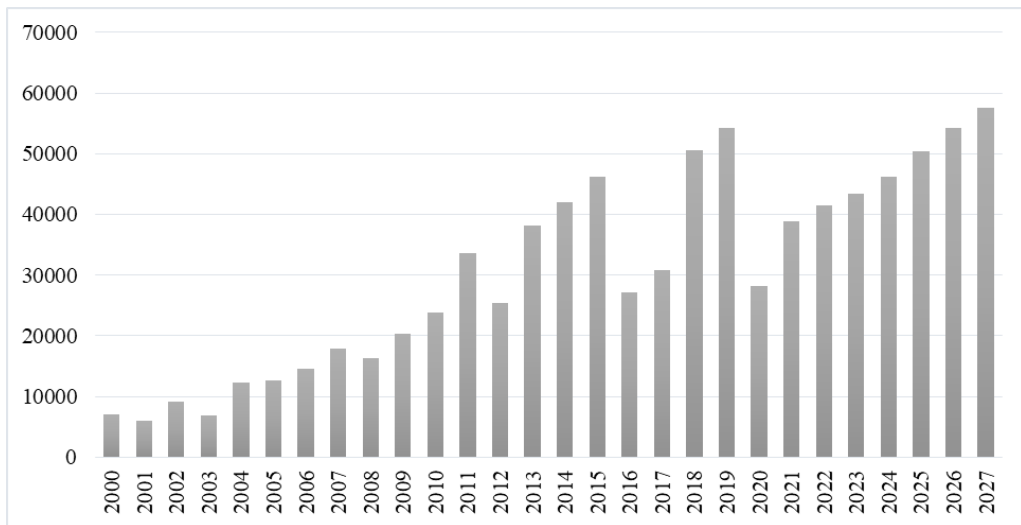

Figure 3. Oil Import (10000 tons)¹¹

¹⁰ Source: National Statistics Bureau of People's Republic of China and Estimation Result of the model.

¹¹ Source: National Statistics Bureau of People's Republic of China and Estimation Result of the model.

Potential Challenges to Sino-Russian Energy Cooperation

Energy infrastructure issues present potential challenges to the cooperation between China and Russia. Most Russian industrial regions are situated in the west, with supporting facilities for energy development also concentrated in this area. In contrast, the Russian Far East region faces economic recession and infrastructure deficiencies, resulting in significantly higher costs for energy development and utilization. Energy transportation in this region heavily relies on railways, yet the transportation capacity falls short of demand. However, the substantial investment required for infrastructure development in the region poses a challenge, compounded by relatively low returns on investment. Both China and Russia have shown limited enthusiasm for investing in energy infrastructure. Currently, traditional energy transportation facilities are utilized between the two countries, but they prove insufficient to support the growing energy transportation needs.

China's rapid development in clean energy and renewable technology further impacts Sino-Russian energy cooperation. China boasts abundant shale gas reserves, and as shale gas mining technology advances, China is poised to exploit this resource, potentially influencing Russia's natural gas export business to China. Moreover, China's domestic renewable energy technology has seen remarkable progress, with renewable energy power generation accounting for 27.32% of the country's total power generation (2,082.8 billion kilowatt-hours) by 2020. This significant increase from 17.42% (736.4 billion kWh) in 2010 indicates substantial growth in renewable energy generation, which may reduce the market share of traditional energy sources.

China's energy security concern poses another challenge to the energy cooperation with Russia. In 2020, China heavily relied on imports for 55.4% of petroleum, 42.6% of natural gas, and 7% of coal. China's low energy self-sufficiency rate raises serious energy security issues, considering its high dependence on imported energy. As imported energy lacks stability, any energy shortage could inflict significant damage on the Chinese economy. To address this, China has adopted countermeasures, including diversifying energy imports and advancing alternative energy technologies to mitigate overreliance on a single energy resource, as seen in some European countries. The Chinese government's support for new energy and renewable industries reflects its efforts to boost domestic energy production and enhance energy self-sufficiency. These measures are aimed at safeguarding China's energy security amidst the challenges of energy cooperation with Russia.

Conclusion

In this study, we utilized data obtained from the National Statistics Bureau of the People's Republic of China and employed mathematical models to examine the relationship between Gross Domestic Product (GDP) and key energy-related macro-factors, including Energy Consumption (TEC), Natural Gas Import (NGI), and Oil Import (OI). Our findings revealed a positive correlation between economic development and energy growth in China, suggesting that the continuous

expansion of the Chinese economy is likely to drive an increase in energy consumption. As China's energy needs rise, it becomes imperative for the country to adopt an energy diversification strategy encompassing multiple energy import channels, new energy development, and indigenous energy technology transformation.

Russia possesses vast and abundant energy reserves due to its extensive territory, making it a reliable energy supplier for China, creating a mutually beneficial partnership between the two nations. The energy cooperation structure between China and Russia is well-aligned and advantageous to both parties. The initiatives of China's *Belt and Road Initiative* and Russia's "Focusing on the East" strategy, along with the signing of the "Joint Statement on the Cooperation of Co-Construction of the Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union," have provided a stable political and economic framework for energy cooperation between the two countries.

While there may be uncertainties in the energy cooperation between China and Russia, both nations should capitalize on the opportunities presented by the "Belt and Road Initiative," enhance political trust, and prioritize further energy cooperation. For China, its reliance on fossil energy will persist until complete industrial transformation occurs, and despite efforts to diversify its energy sources, energy supply from Russia will remain crucial for sustaining its current level of industrial development. On the other hand, Russia's relations with Western economies, such as the European Union and the United States, have been precarious, with these economies employing political means to exert control over Russia's energy sector, impacting its energy exports. Accelerating the construction of energy infrastructure, such as gas pipelines between Russia and China, can ensure the security of energy exports and provide stability to Russia's domestic economy in the foreseeable future.

References:

1. Chen X. (2021) Evaluation and Analysis of Russia's Asia-Pacific Energy Strategy Based on the Perspective of Far East Oil and Gas Pipeline Projects[J]. *Northeast Asia Forum* 30(02): 100–112, 128.
2. Gu Y. (2021) *China's Renewable Energy Development Trend Forecast and Application Prospect Analysis*. North China Electric Power University (Beijing).
3. He Y. (2018) *Current Situation and Prospect Analysis of Sino-Russian Energy Cooperation under the "Belt and Road" Initiative*. Diplomatic Academy.
4. Ji L. (2022). Analysis of Problems Existing in Sino-Russian Energy Cooperation[J]. *Economic Research Guide* 10: 142–144.
5. Jiang J. (2017) Changes and Trends of Sino-Russian Economic Cooperation under the New Situation. *Northeast Asia Journal* 05: 61–64.
6. Li R. (2016) *Sino-Russian Energy Cooperation in the Perspective of Ukraine Crisis*. Heilongjiang University.
7. Li W. (2021) Analysis of Energy Status and Some Important Strategic Countermeasures. *Chemical Management* 10: 13–14.

8. Liu Y. (2016) *Research on Sino-Russian Regional Economic Cooperation under the «Belt and Road» Strategy*. Northeastern University of Finance and Economics.
9. Liu Z., Tang H. (2017) Sino-Russian Energy Cooperation Under the Concept of «Silk Road Economic Belt». *Globalization* 01: 73–87, 135.
10. Sun M. (2013) Current Situation and Development Prospects of Sino-Russian Energy Cooperation. *Exploration and Controversy* 11: 84–88.
11. Wang Y. (2020) *Research on the Potential of Sino-Russian Natural Gas Trade Under the Background of Energy Structure Adjustment*. Hebei University of Economics and Business.
12. Wang, S., Zhu, J. (2021) Evaluation of the Initial Level of National Energy Structure Along the «Belt and Road». *Journal of Heilongjiang Institute of Technology (Comprehensive Edition)* 04: 52–59.
13. Zhai L., Xie H. (2017) Current Situation, Problems and Suggestions for the Development of Sino-Russian Energy Trade. *Knowledge of Economy* 06: 48–49.
14. Zou C., He D., Jia C., et al. (2021) Connotation, Path of World Energy Transformation and Its Significance to Carbon Neutrality. *Acta Petroleum Sinica* 42(02): 233–247.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ КРИЗИС: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОБЫТИЙ НА ПЛОЩАДИ ТЯНЬАНЬМЭНЬ В 1989 ГОДУ

Иван ЗУЕНКО
МГИМО МИД России

Аннотация: Статья представляет собой попытку ревизии представлений о последствиях политического кризиса КНР в 1989 г. (самым известным эпизодом которого являются события на площади Тяньаньмэнь в Пекине) в контексте сравнения с советскими/российскими реалиями рубежа 1980–90-х гг. Подобная постановка вопроса неоднократно встречалась в российских исследованиях, однако недостатком имеющихся выводов об этих событиях является недостаточно детализированное изложение китайской фактуры, желание подстроить ее к российской повестке, упрощение сложных причинно-следственных связей. В результате выводы, которые в основном сводятся к обоснованию правильности решения китайского руководства подавить протесты, представляются излишне ангажированными, неаргументированными. Данная статья призвана с опорой на исторические документы объяснить, каким именно образом произошло укрепление власти КПК после подавления тяньаньмэньских событий. И почему события на площади Тяньаньмэнь 1989 г. стали своего рода «системообразующим кризисом», который завершил длительный переходный период, начавшийся после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и открыл новую веху в истории Китая, оказавшуюся крайне благоприятным временем с точки зрения социально-экономического развития.

Ключевые слова: Китай, Тяньаньмэнь, кризис, реформы, Дэн Сяопин, Чжао Цзяян, Цзян Цзэминь, Чжу Жунцзи

Зуенко Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.05.2023

Принята к публикации: 15.07.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Политический кризис в КНР в 1989 г.¹ является важной вехой в развитии современного Китая. Не будет преувеличением сказать, что из трагедии «пекинской весны» родился тот Китай, который совершил «экономическое чудо» и стал второй экономикой мира. К моменту кризиса реформы проводились уже более десяти лет – они начались сразу после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Однако это были непоследовательные, несистемные преобразования, которые не разрешили ключевые проблемы социально-экономического развития: несоответствие цен и заработной платы, а также различия в функционировании государственного и частного секторов. Оба вопроса были урегулированы только в 1990-х гг. после преодоления «тяньаньмэньского кризиса».

Более уверенным преобразованиям в 1980-е гг. мешала острая политическая борьба между представителями консервативного и реформистского направлений в руководстве Коммунистической партии Китая (КПК)². Консерваторы противились слишком быстрому и радикальным реформам, которые, по их мнению, вели к буржуазной либерализации, реставрации капитализма и в конечном итоге угрожали привести к кризису легитимности КПК. Реформаторы выступали за рыночные реформы в экономической сфере и демократизацию политического процесса.

Разногласия между фракциями в конце 1980-х гг. достигли состояния непримиримой борьбы, и разрешиться они могли только в результате решительной победы одной из них. Это условие привело к формированию парадокса, имеющего ключевое значение для постановки исследовательского вопроса статьи – победа консерваторов привела к последовательному и системному проведению реформ, против которых они боролись.

Это противоречие игнорируется отечественными публицистами, которые обращаются к событиям 1989 г. в КНР с целью найти ответ на вопрос: в чем на рубеже 1980-90-х гг. ошибся Советский Союз, и в чем заключается секрет успеха Китая? За редким исключением авторы, задававшиеся этим вопросом, слабо знают или вовсе игнорируют сложную картину политических и экономических процессов в Китае 1980-х гг., что приводит к схематичным и упрощенным представлениям о мотивах субъектов «тяньаньмэньского кризиса». В литературе действия протестующих, поддержанные реформаторами, оцениваются исключительно как попытка свержения власти правящей партии по сценарию восточноевропейских революций 1989 г., а действия их оппонентов – как акт политической мудрости, направленный на проведение умеренных реформ. За наслоением мифологем и оторванных от фактуры интерпретаций теряется суть событий. Ревизионистский анализ проводится с опорой на вновь открытые источники посредством использования вводных, характерных для более позднего времени (например, практики США по ин-

¹ В статье мы будем также называть его «тяньаньмэньский кризис» или «события на площади Тяньаньмэнь», хотя географический охват кризиса шире, о чем будет сказано отдельно.

² Подробнее см. Карпов, 1997.

спирированию «цветных революций»³. Подобный подход искажает понимание объективных социально-политических процессов, протекавших в Китае в частности и в трансформирующихся обществах (к которым относится и Россия) в целом⁴.

Чаще всего подобные «исследователи» приходят к выводу, который представляется вполне корректным: разрешение политического кризиса 1989 г. путем жестких подавлений протестных выступлений в конечном итоге способствовало укреплению власти Коммунистической партии Китая и позволило китайскому руководству провести системные рыночные реформы в середине 1990-х гг. Вместе с тем аргументация, которая используется авторами, не выдерживает никакой критики. Фактически этот вывод получается не благодаря анализу, а вопреки его отсутствию. Не будет преувеличением и сказать, что он подгоняется под тот объективный результат, который хорошо известен публицистам 2000–2010-х гг.: Китай вышел из кризиса окрепшим, а Советский Союз развалился.

Цель данной статьи заключается в определении причинно-следственных связей, которые превратили победу консерваторов в триумф реформ в скорректированном виде. Не меньший интерес представляет и сравнение пост-тяньаньмэньских процессов с российскими реалиями. Ведь если политический кризис 1989 г. стал для Китая отправной точкой для системных реформ, то почему этого же не произошло в СССР, и была ли в истории постсоветской России такая точка?

Ориентируясь на формат научной статьи, автор не имеет возможности привести развернутую хронологию «событий на площади Тяньаньмэнь», а также углубиться в анализ первопричин кризиса, хотя новые источники позволяют дополнить привычный нарратив рядом нюансов⁵. Настоящая статья концентрируется на комплексной оценке содержания «тяньаньмэньского кризиса» и анализе его последствий, чему посвящены соответствующие разделы основной части работы. По результатам исследования делаются выводы, касающиеся в т.ч. и указанного выше аспекта сравнения с ситуацией в России.

³ Количество таких работ насчитывает десятки, и, с одной стороны, было бы несправедливым (и не вполне корректным) выделять наиболее характерные из них, с другой стороны, чтобы не быть голословным, автор вынужден назвать несколько образцов подобного подхода: Лещенко В. (2004) Взгляд на Китай, где ГКЧП победил. Китай и Россия: выбор жизни и смерти. *Православное информационное агентство*, 9 сентября. Available at: <https://rusk.ru/st.php?idar=710868> (дата обращения: 03.04.2022); Пронин Ю. (2019) Китайский майдан: к 30-летию событий на площади Тяньаньмэнь. *Альтаир*, 07 июня. Available at: https://altair.ru/new/policy/chinese_independence_the_30th_anniversary_of_events_in_tiananmen_square (дата обращения: 03.04.2022); Грачев Ю. (2016) Площадь Тяньаньмэнь: урок, не воспринятый Россией. *Русская народная линия*, 15 декабря. Available at: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/12/15/plowad_tyan_an_me_n_urok_ne_vosprinyatyj_rossiej (дата обращения: 03.04.2022).

⁴ Подробнее автор развил эту мысль в статье: Зуенко И.Ю. (2019) Как не стоит интерпретировать события на площади Тяньаньмэнь. *Профиль*, 4 июня. Available at: <https://profile.ru/politics/china/kak-ne-stoit-interpretirovat-sobytiya-na-ploshhadi-tyanmen-146989> (дата обращения: 03.04.2022).

⁵ Для общего понимания ситуации см. Усов, 2006. Автор данной статьи также затрагивал событийную сторону вопроса в монографии Зуенко, Савченко, 2023 и статье Зуенко, 2022b.

Генезис кризисного явления

Анализ «тяньаньмэньских событий» требует определения их масштабов и ответа на вопрос *“cui prodest?”* – кому они оказались выгодны?

Во-первых, протестное движение не было локализовано лишь в Пекине. В апреле 1989 г., после смерти бывшего генерального секретаря КПК Ху Яобана, постепенно вспыхнули все крупные города Китая, в которых находились вузы. 15 апреля одновременно с возложением первых цветов к памятнику Народным героям на площади Тяньаньмэнь и собраниями в пекинских вузах, аналогичные мероприятия прошли в Тяньцзине и Сиане (Zhang, 2001: 24, 34). В Нанкине студенты рассчитывали провести демонстрацию, однако петиция была отклонена. Студенты все равно вышли на улицы, в результате чего 20 апреля демонстрация переросла в протесты, а протесты – в задержания в Сиане. В тот же период аналогичные процессы протекали в Чэнду, который стал вторым после Пекина центром протестного движения (Zhang, 2001: 198). 22 апреля демонстрации в Чанша – на родине Ху Яобана, приуроченные ко дню похорон политика, привели к беспорядкам: дракам и грабежу магазинов. Полиция применила силу и задержала более 100 погромщиков (Zhang, 2001: 51). Повсеместная эскалация протестного движения, как и в Пекине, началась в ответ на передовую статью «Жэньминь жибао» от 26 апреля 1989 г., которая дискредитировала демонстрантов: уже 27 апреля многотысячные манифестации прошли в Шанхае, Хэфэе, Шэньяне, Чанчуне, Цзинане, Ханчжоу, Иньчуане, Чунцине, Тайюане. Возможно, выступления были и в других городах, но достоверных сведений об этом нет (Zhang, 2001: 198–202). Не меньший толчок к развитию движения дало введение военного положения 21 мая при наличии инструкции не применять силу. С середины мая активисты протестного движения начали съезжаться в Пекин, из-за чего в регионах (за исключением Чэнду) ситуация стабилизировалась⁶. Подавление протестов на площади Тяньаньмэнь в ночь с 3 на 4 июня 1989 г. привело к активизации протестов в крупных городах страны, причем наибольший размах отмечался в Чэнду, Ухане и Шанхае. По свидетельству газеты «Нью-Йорк Таймс», в Чэнду в ходе подавления выступлений применялось огнестрельное оружие и пострадало не менее 100 человек⁷.

Во-вторых, «тяньаньмэньские события» в целом оказались на руку «консерваторам». При этом нет подтверждений того, что протесты были кем-либо спровоцированы, организованы или, как минимум, организованы должным образом. От начала и до конца «тяньаньмэньское движение» было неодно-

⁶ Cheng E. (2009) Standoff at Tiananmen: Table of Contents. *Standoff At Tiananmen*, 22 March. Available at: <http://www.standoffattiananmen.com/2009/03/standoff-at-tiananmen-table-of-contents.html> (accessed 17 May 2022).

⁷ Bernstein R. (1989). Turmoil in China; Far from Beijing's Spotlight, A City Bears Scars of Clashes. *The New York Times*, 15 June. Available at: <https://www.nytimes.com/1989/06/15/world/turmoil-in-china-far-from-beijing-s-spotlight-a-city-bears-scars-of-clashes.html> (accessed 17 May 2022).

родным с социальной и идеологической точки зрения, не имело общепризнанной программы и единого руководства (а кандидаты на эту роль конфликтовали друг с другом⁸). По мнению очевидцев событий, «студенты сами не понимали, чего они хотят», было «непонятно, с кем договариваться»⁹. Неоднократные попытки властей провести переговоры с лидерами студентов срывались, а принятые стихийными организациями решения и резолюции зачастую пересматривались на следующий день или не признавались другими участниками конфликта.

Анализ действий и высказываний Чжао Цзыяна, номинального лидера реформаторов, показывает, что генеральный секретарь был заинтересован не в эскалации, а в мирном разрешении конфликтной ситуации (Zhao, 2009: 61–69). Более того, Чжао изначально не оценивал ее как критическую, а потому сразу после похорон Ху Яобана уехал с официальным визитом в КНДР, чем воспользовались консерваторы, издав провокационную «передовицу 26 апреля». Как отмечает М.В. Карпов, «Если бы у Чжао Цзыяна получилось вернуть студентов в аудитории и таким образом выполнить желание Дэна, продемонстрировав при этом явные просчеты консерваторов, положение генерального секретаря могло бы сильно укрепиться, и его усиливающаяся политическая изоляция была бы сведена на нет» (Карпов, 1997: 137–138).

С началом голодовки, поставившей власти в неудобное положение ввиду отмены церемонии встречи М.С. Горбачева, стало понятно, что посреднические функции Чжао провалились. При этом о собственных амбициях лидера протестного движения он так и не заявил, продолжая себя вести как «верный подчиненный» Дэн Сяопина. 17 мая на совещании Постоянного комитета Политбюро, которое прошло на квартире Дэна, Чжао Цзыян при поддержке Ху Цили предложил официально опровергнуть содержание «передовицы от 26 апреля» (Zhao, 2009: 88–89), что свидетельствует о том, что он продолжал действовать в рамках существующей системы принятия решений. После того, как предложение отклонили в пользу начала подготовки к чрезвычайному положению, Чжао Цзыян принял решение просить об отставке. Его выход к протестующим 19 мая, за день до введения военного положения, свидетельствовал не о готовности возглавить движение, а о полнейшей фрустрации.

Таким образом, развитие событий оказалось на руку консерваторам, которые смогли воспользоваться ситуацией для выставления реформаторов в неблагоприятном для них свете. Консерваторам была выгодна и публикация оскорбительной для студентов передовицы в «Жэньминь жибао», и промедление с применением силы после введения чрезвычайного положения. В результате они получили сильные аргументы в пользу силового подавления высту-

⁸ Cheng E. (2009) Standoff at Tiananmen: Table of Contents. *Standoff At Tiananmen*, 22 March. Available at: <http://www.standoffat Tiananmen.com/2009/03/standoff-at-tiananmen-table-of-contents.html> (accessed 17 May 2022).

⁹ См., например, Токаев, 1994.

плений и отстранения от власти своих оппонентов, «допустивших» трагедию. Однако консерваторы не обвиняли Чжао Цзяна в организации протестов (самое большое – премьер Государственного совета Ли Пэн назвал Бао Туна, секретаря Чжао Цзяна, «слабым звеном», через которое информация о решениях руководства партии просачивается к протестующим (Zhao, 2009: 87). Для Дэн Сяопина, как и для других ветеранов партии, многотысячные демонстрации молодежи на площади Тяньаньмэнь не могли не навевать ассоциаций с временами «культурной революции». К тому же Дэн Сяопина раздражали выпады протестующих, обращенные против него лично. Поэтому расчет консерваторов был верен – убедившись в неконструктивности студенческого движения, Дэн Сяопин встал на сторону Ли Пэна и «консервативного сценария» дальнейшего развития событий.

Подавление «тяньаньмэньского движения» 3–4 июня 1989 г. знаменовало окончательное поражение во внутриэлитной борьбе Чжао Цзяна и реформаторов. Также оно означало изменение самого характера политической борьбы и политического процесса в Китае. Воспоминания американского эксперта по национальной безопасности Б. Скоукрофта показывают, что последующие события в социалистическом лагере в течение 1989 г. (прежде всего, кровавое свержение румынского лидера Н. Чаушеску) лишь убедили пекинское руководство в правильности своего решения (Bush, Scowcroft, 1998: 178–179). Как отмечает М.В. Карпов, «Тяньаньмэнь стала прививкой от политической активности масс», события превратились в неоспоримый «аргумент для участников грядущих политических схваток» (Карпов, 1997: 153). После «тяньаньмэньского кризиса» все сценарии развития страны, допускающие вероятность повторения трагедии 1989 г., блокировались как неприемлемые. Соответственно были предприняты жесткие меры для того, чтобы протестная активность населения не принимала политического характера, усилена цензура в СМИ, снят с повестки вопрос о департократизации политической системы.

23–24 июня и 6–9 ноября 1989 г. состоялись 4-й и 5-й пленумы ЦК КПК 13-го созыва. Июньский пленум утвердил отставку Чжао Цзяна, что было уже формальностью¹⁰. Ноябрьский пленум принял отставку Дэн Сяопина с поста председателя Центрального военного совета, что символизировало передачу власти от поколения Дэн Сяопина более молодому поколению во главе с Цзян Цзэмином.

Ноябрьский пленум также принял «Решение ЦК КПК о дальнейшем оздоровлении экономики и углублении реформы», которое де-факто являлось развитием установки на упорядочение и урегулирование народного хозяй-

¹⁰ На время расследования его деятельности в апреле–мае 1989 г., которое длилось до октября 1992 г., Чжао Цзян, обвиненный в потворстве протестам, был помещен под домашний арест в нарушение уголовно-процессуального кодекса КНР. После окончания бывший генеральный секретарь оставался в условиях ограниченной свободы вплоть до своей смерти в 2005 г.

ства, принятой еще в сентябре 1988 г. Документ был подготовлен при прямом участии апологета плановой экономики Чэнь Юня (Fewsmith, 2008: 38). В соответствии с Решением были предприняты жесткие антикризисные меры по урегулированию экономики, абсолютно консервативные по своему характеру. Параллельно наблюдался беспрецедентный для пореформенного периода рост политической репрессивности режима.

Победители и проигравшие в кризисе

Казалось бы, консерваторы победили, и от руководства Китая можно было ожидать отката к политическим и социально-экономическим реалиям рубежа 1970–1980-х гг. Тем более, череда революций 1989 г. в семи странах «восточного блока» и в особенности события в СССР, близко к сердцу воспринимаемые китайской элитой¹¹, могли убедить Пекин в пагубности любых реформ. Однако этого не произошло.

Застой в экономическом развитии продолжался совсем недолго, и уже в 1991 г. по большинству экономических показателей был зафиксирован прирост (ВВП – 7%, валовая продукция промышленности – 12,9%, сельского хозяйства – 3%, объем внутренней торговли – 13,2%, грузооборот всех видов транспорта – 6,9%)¹². В апреле 1990 г. было принято решение о создании зоны развития «Пудун», что свидетельствовало о дальнейшем расширении политики открытости. В декабре 1990 г. в тестовом режиме была запущена Шэньчжэньская биржа ценных бумаг. В июле 1991 г. в Китайской академии общественных наук прошла конференция по теоретическим вопросам экономической сферы на современном этапе, на которой Лю Гогуан, У Цзинлянь и другие ведущие экономисты провозгласили, что применение отдельных рыночных элементов не противоречит построению социализма¹³. Несмотря на негативную реакцию на «тяньаньмэньские события» со стороны США и их союзников, уже в 1990–1991 гг. контакты, внешнеторговое и инвестиционное сотрудничество возобновились. Визит в Пекин в ноябре 1991 г. госсекретаря США Дж. Бейкера ознаменовал окончание конфронтации сторон¹⁴. Санкции, введенные США, оказались по большей части символическими¹⁵.

Почему же так произошло? Ответ, по-видимому, лежит в плоскости анализа политической борьбы. Во-первых, сами консерваторы признавали успех многих реформ. Да, они боялись чересчур быстрого экономического роста, который был чреват социальными издержками, держались за госсектор и

¹¹ См. Зуенко, 2021.

¹² *中国统计年鉴* (1991) [Чжунго тунцзи няньцзянь: 1991. Статистический ежегодник Китая: 1991]. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 1991. С. 183.

¹³ *刘国光口述改革访谈笔录摘选* (2021) [Лю Гогуан коушу гайгэ фантань билу чжайсюань. Протокол беседы с Лю Гогуаном]. Ред. Чжао Вэй. Available at: <http://rhb.reformdata.org/index.html#/article/8eb29f18-a966-4e3d-bb42-a1a9f804697a> (accessed 10 February 2022).

¹⁴ *Китайская Народная Республика в 1991 году: Политика, экономика, идеология*. Москва: Восточная литература, 1994. С. 5.

¹⁵ См. Зуенко, 2022а.

план, то есть хотели подкорректировать реформы, но не могли отказаться от них вообще. Во-вторых, оппозиция консервативному курсу в руководстве не исчезла, просто сейчас она уже не связывалась с политической реформой, демократизацией и не вела к дестабилизации обстановки в стране. Самое главное – в оппозиции консерваторам выступил Дэн Сяопин. В дни «тяньань-мэньского кризиса» он занял сторону «консерваторов», однако, как и ранее, старался не допустить чрезмерного крена как «вправо», так и «влево». Несмотря на то, что в течение 1989 г. он фактически лишился руководящих постов и в немалой степени авторитета в партии и обществе (Панцов, 2013: 469), Дэн сохранял определенное влияние, которое намеревался обратить на то, чтобы под занавес карьеры утвердить свое «политическое завещание» – прагматичный курс с элементами рынка и авторитаризма, главенством партии и сменяемостью партийных лидеров.

Активизация усилий Дэн Сяопина относится к 1991–1992 гг., когда он совершил две поездки (в литературе их называют «инспекционными поездками» или «турне»), в ходе которых выступал с речами в поддержку развития рынка и привлечения иностранных инвестиций. В январе 1991 г. Дэн посетил Шанхай, где рекомендовал местным властям взяться за развитие района Пудун. Там же он в очередной раз заявил: «Плановая экономика не означает социализм, а рыночная – капитализм. Нужно быть раскрепощенными, смелыми и скорыми в своей поступи» (Панцов, 2013: 473).

Новый шанхайский лидер Чжу Жунцзи в числе других региональных руководителей¹⁶ помог Дэн Сяопину в начале следующего, 1992 г., совершить знаменитую инспекционную поездку на юг (17 января – 21 февраля: Ухань, Чанша, Шэньчжэнь, Чжухай, Гуанчжоу, Шанхай). В ходе поездки Дэн активно встречался с чиновниками, интеллигенцией, простыми горожанами, раз за разом выражая поддержку курсу на ускорение реформ и открытость миру. В отдельных выступлениях Дэн перешел в открытую атаку на консерваторов: «Левизна в истории нашей партии – страшная вещь. Она моментально губила все хорошее» (Панцов, 2013: 475).

Пока центральная пресса молчала о поездке Дэна, на его стороне выступила местная печать, подконтрольная лидерам Шанхая и Гуандуна, настроенным правоцентристски. Первые сообщения о южном турне Дэн Сяопина появились в шанхайской «Цзефан жибао» (15 февраля 1992 г.). Также активно освещала поездку гуандунская «Наньфан жибао». Заминка с публикацией в центральных СМИ новостных заметок и речей Дэн Сяопина на юге отражает серьезную закулисную борьбу в Пекине. К 1992 г. консерваторы контролировали партийные и теоретические издания, и лишь 21 февраля 1992 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью о южном турне, содержащую призыв «укреплять

¹⁶ Региональные лидеры, опасавшиеся в случае победы консерваторов потерять свои преференции, в основном выступили на стороне реформистов.

реформы». Этот момент знаменует не только переход газеты на сторону правоцентристов, но и общий крен руководства партии от позиций консерваторов к правоцентристской позиции Дэн Сяопина. Начиная с февраля 1992 г., ее открыто начинает придерживаться и Цзян Цзэминь.

Таким образом, южное турне Дэн Сяопина 1992 г. действительно выглядит вехой на пути китайских внутривластных преобразований, после которой условный период «интерлюдии», начавшийся с разгона демонстрантов на площади Тяньаньмэнь, сменился возобновлением реформ. Однако на самом деле турне является такой вехой примерно в той же степени, как и 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., то есть как символическое событие, которое важно не содержанием, а его интерпретациями. Действительно, без мощной поддержки в регионах и в Пекине (Чжу Жунцзи, Ян Шанкунь, Бо Ибо и, вероятно, Цзян Цзэминь) турне Дэна на юг не могло быть организовано, ни, тем более, широко освещено (Fewsmith, 2008: 76). Быстрота принятых решений по итогу поездки доказывает, что подготовка к нему велась заранее и была направлена на то, чтобы сломить сопротивление консерваторов через апелляцию к авторитету Дэн Сяопина и волю народа. Вернее, добиться с ними нового компромисса, поскольку новая конфигурация власти и новый курс партии, который определялся бы стремлением к продолжению экономических преобразований при сохранении партократического устройства страны, включал в себя как реформистские, так и консервативные установки.

Вместо заключения: «Тяньаньмэньские события» как системообразующий кризис в КНР и параллели с Россией

Таким образом, после политического кризиса 1989 г. осознание необходимости консолидации элиты перед лицом серьезных вызовов способствовало выработке межфракционных соглашений. В конечном итоге сторонники правоцентристских реформ достигли компромисса с консерваторами и вышли на первые роли. Политическая повестка вновь оказалась обращенной в сторону реформ. Причем на этот раз государство смогло провести долгожданные системные преобразования, разрешив многие из противоречий, накопившихся за 1980–е гг. Этому способствовал ряд факторов, напрямую восходящих к последствиям «тяньаньмэньского кризиса».

Во-первых, было снято острое противоречие между двумя противоборствующими направлениями в КПК. Долгий и противоречивый процесс политической борьбы за определение будущего вектора развития Китая, начавшийся после смерти Мао Цзэдуна, завершился лишь в 1992 г., когда Дэн Сяопин и Чэнь Юнь окончательно покинули политику, была ликвидирована Центральная комиссия советников (ее аналоги существовали и на местах), а Цзян Цзэминь укрепился в качестве лидера партии и государства через восстановление практики совмещения высших партийных и государственных постов.

Ключевое значение для завершения длительного этапа политической борьбы имело то, что к рубежу 1980–90-х гг. к пределу своих физических сил подошло поколение «старых кадров», руководивших страной еще

в 1950–60-х гг. и составлявших консервативную оппозицию реформаторскому курсу в 1980-х. Новое поколение руководителей, родившихся в 1920-х гг., показало себя более прагматично настроенным и свободным от идеологических догм при выборе курса развития страны. С одной стороны, они проявили верность формуле «четырёх базовых принципов»¹⁷, не допуская при этом крена «влево» или «вправо» относительно идеологического мейнстрима. С другой стороны, будучи гибкими в вопросах тактики и стратегии, они проявили жесткость в вопросе подавления угрозы партократическому режиму.

Становление представителей «третьего поколения руководителей» происходило в условиях либерализации экономики 1980-х гг. и под впечатлением от разгрома квазифракций, связанных с Ху Яобаном и Чжао Цзяном. Следствием двух этих разнонаправленных процессов стала предельная прагматичность новых лидеров правящей элиты, готовность декларировать верность «политической формуле», в то время как реальная управленческая (прежде всего, экономическая) практика зачастую оказывалась противоположной.

Во-вторых, в качестве реакции на «тяньаньмэньские события» в руководстве КНР стала доминировать консервативная установка о недопустимости разделения партийного и административного аппарата и снижения роли партии в жизни общества. Дополнительным фактором стали наблюдения за событиями в СССР, который для части руководства КПК на протяжении большей части карьеры служил образцом для подражания. После распада Советского Союза «перестройка» в китайских исследованиях стала восприниматься исключительно в контексте потери власти правящей партией.

В-третьих, проблемы неэффективности госсектора и бюджетный дефицит, проявившиеся в годы «урегулирования экономики» (1988–1991 гг.), не позволяли остановиться на данном статус-кво и вынуждали искать пути дальнейшего развития. У нового, более прагматичного руководства страны назрело решение об окончании периода «интерлюдии реформ» и переходе к демополизации положения госсектора в экономике. Его необходимо было легитимизировать в глазах элиты и общества, что было сделано, когда принятие решений о радикализации экономической реформы оказалось приурочено к южному турне Дэн Сяопина в январе–феврале 1992 г.

Таким образом, «тяньаньмэньский кризис» стал важнейшим фактором формирования в КНР в 1990-х гг. условий для перехода к системным реформам, несмотря на тактический результат его преодоления, заключавшийся в победе консерваторов.

¹⁷ «Четыре базовых принципа» были сформулированы Дэн Сяопином 30 марта 1979 г. на совещании по вопросам теоретической работы в докладе «Придерживаться четырех основных принципов» в привязке к достижению задачи «четырёх модернизаций». Сами принципы: 1) следовать пути социализма, 2) придерживаться диктатуры пролетариата – в 1982 г. эта формулировка была заменена на «народно-демократическая диктатура», 3) сохранять руководящее положение Коммунистической партии, 4) придерживаться марксизма-ленинизма и идей Мао Цзедуня. В сентябре 1982 г. на XII съезде партии «принципы» были включены в новую редакцию Устава КПК. В декабре 1982 г. «принципы» по отдельности были упомянуты в преамбуле к новой Конституции КНР.

При этом, как мы увидели, «тяньаньмэньский кризис» для современников не воспринимался как революция. Это был момент эскалации острого политического кризиса ввиду усиления конфликта между двумя направлениями внутри правящей партии. При этом при всей непримиримости своих идеологических позиций ни те, ни другие не ставили под вопрос сохранение у власти Коммунистической партии, а протестующие не представляли (во всяком случае на момент событий 3–4 июня 1989 г.) консолидированной оппозиционной силы.

Большинство российских публицистов, касавшихся в своих работах «тяньаньмэньских событий», явно преувеличивают экзистенциальность кризиса для власти КПК. Все умозрительные конструкции по поводу того, что Пекин, применив силу, оказался мудрее заигравшейся в перестройку Москвы, не учитывают критически важного обстоятельства: к 1989 г. различия между процессами реформ в двух странах зашли слишком далеко. Обе страны начали в свое время с декоративных преобразований при сохранении действовавшей системы¹⁸, однако специфика Китая позволила относительно быстро добиться ощутимых результатов на этом пути.

Речь, прежде всего, о «наследии культурной революции» в виде значительной децентрализации экономики и низкого уровня жизни населения. Социально-экономические эксперименты на местах в условиях децентрализации оказались весьма плодотворны, а явное улучшение качества жизни, последовавшее за первыми реформами, обеспечило им поддержку населения. В СССР качество жизни, напротив, падало, а неспособность реализации и даже сопротивление региональных и местных органов партии курсу на «ускорение» в начальной стадии перестройки привели советских лидеров к решению о департократизации с целью опоры на инициативу масс. Это спровоцировало крах правящей партии и, как следствие, союзного государства.

При этом нужно учитывать, что две страны находились в различных условиях. Китайские успехи были основаны на дешевом труде, притоке зарубежных инвестиций, огромном спросе на китайские товары на внешних рынках и благоприятном геополитическом фоне, когда Запад не требовал от КПК соответствия внешним идеологическим нормам. Китайская элита была гомогенной как по этническому происхождению, так и по жизненному опыту. Ее пронизывало множество ниточек личных связей (гуаньси), которые позволяли в нужный момент консолидироваться, даже несмотря на разногласия. Китай мог не отвлекаться на Холодную войну и гонку вооружений и не должен был поддерживать множество «дружественных» режимов по всему миру. Китайские идеологи были эклектиками: отчасти поневоле, отчасти по причине слабой теоретической подготовки. В результате они с легкостью вписывали в

¹⁸ Подробнее см. Зуенко, Савченко, 2023.

свою программу любые веяния времени. КПК, пережив кризис социалистической идеологии, стала лишь сильнее, превратившись в националистическую партию, целью которой было провозглашено возрождение национального величия.

Ситуация в Советском Союзе по всем пунктам была обратной. Поэтому оснований утверждать, что все проблемы гибнущего СССР можно было бы решить, в нужный момент приняв мудрое силовое решение, нет никаких. Если уж на то пошло, у Москвы попросту не было возможности воспользоваться пекинским опытом. Беспорядки на национальных окраинах, например, в Тбилиси в апреле 1989 г., также подавлялись. В столице же что-то похожее на «тяньаньмэньские события» (безусловно, с поправкой на масштаб и мотивы сторон) произошло во время августовского путча 1991 г., но тогда народ вышел на улицу, протестуя, прежде всего, против путчистов, а не для свержения законной власти.

Тяньаньмэньские демонстранты также не артикулировали желание свергать КПК. Лишь ошибки в коммуникации со стороны властей (либо злонамеренное желание затянуть и маргинализировать выступления) довели до ситуации, когда «праздник непослушания» пришлось прекращать с помощью танков. Реальной альтернативы силовому сценарию не было, но ничего мудрого в его применении нет. Более того, отказ от поиска компромисса на более ранних стадиях обернулся для Китая торможением реформ, ухудшением международного имиджа, появлением «скелета в шкафу», который является поводом для упреков в отношении Пекина¹⁹.

Однако, именно это, как ни парадоксально, и развязало китайскому руководству руки. Политический курс проводился уже без оглядки ни на мнение зарубежных партнеров (они, надо сказать, проявили гибкость и фактически «спустили на тормозах» конфликтную ситуацию после 1989 г., что лишь убедило китайских лидеров в своей правоте), ни на оппозицию внутри самой Коммунистической партии Китая. В этом смысле можно в очередной раз повторить слова, сказанные в начале статьи: *«тяньаньмэньский кризис» действительно стал тем самым «системообразующим кризисом», который создал нынешний Китай.*

В разваливающемся СССР рубежа 1980–90-х гг. ни одна из кризисных ситуаций не могла выполнить такую роль, потому что, как было сказано выше, насилие вело не к консолидации элиты, а лишь к ее еще большему расслоению и расхождению. В этом плане справедливой представляется оценка М.С. Горбачева, который полагал, что «применение силы [в ситуациях, аналогичных заключению Беловежских соглашений 1991 г.] завершилось бы расколом всего – армии, милиции, гражданским конфликтом, а, возможно, и гражданской войной»²⁰.

¹⁹ См. Зуенко И.Ю. (2019) Почему Китай «забыл» о Тяньаньмэнь. *Ведомости*, 07 июня. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/06/07/803639-pochemu-kitai> (дата обращения: 21.04.2022).

²⁰ Горбачев М.С. (2021) Понять перестройку, отстоять новое мышление. *Россия в глобальной политике*, 02 августа. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku> (дата обращения: 18.04.2022).

Однако, процесс распада, продолжившийся в постсоветской России, в какой-то момент, оказался остановлен и сменился трендом на восстановление государства, причем, по сути, по той же формуле, что и в КНР: сочетание правоцентристских реформ в экономике при сохранении политической стабильности. Вехой в этом переходе, по мнению автора, также является кризисная ситуация, а именно события 1998–1999 гг. (прежде всего, «августовский экономический кризис» 1998 г. и начало Второй чеченской войны, поставившей государство перед угрозой фактического полураспада). Влияние кризиса позволило политической элите, во-первых, встать на путь консолидации перед лицом рисков нового витка социальной нестабильности и развала единого государства с непредсказуемыми для нее последствиями, а, во-вторых, «начать с нового листа» в экономической сфере, проведя давно назревшие реформы в условиях рухнувшего рынка спекулятивного капитала и недоступности внешних займов. В определенном смысле современная Россия так же, как современный Китай «вышел» из «тяньаньмэньского кризиса» и событий 1989–1992 гг., «вышла» из событий рубежа веков – прежде всего, успешной операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике в 1999–2000 гг.

Список литературы

1. Bush G., Scowcroft S. (1998) *A World Transformed*. New York: Alfred A. Knopf. 624 p.
2. Fewsmith J. (2008) *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao*. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.
3. Zhang L. (2001) *The Tiananmen Papers*. Ed. by A. Nathan, P. Link. New York: Public Affairs. 582 p.
4. Zhao Z. (2009) *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*. Ed. by Pu B., Chang R., Ignatius A. New York: Simon & Schuster. 590 p.
5. Зуенко И.Ю. (2021) Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР). *Международная аналитика*. 12(1): 96 –111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111.
6. Зуенко И.Ю. (2022a) Американские санкции в отношении Китая: опыт 1990–2010-х гг. *Россия и Америка в XXI веке*. 6(6): 16. DOI: 10.18254/S207054760023470-4.
7. Зуенко И.Ю. (2022b) Выученный урок: «январский кризис» 2022 года в Казахстане и события на площади Тяньаньмэнь 1989 года в ретроспективе биографии К.К. Токаева. *Известия Восточного института*. 2(54): 85–95. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/85-95.
8. Зуенко И.Ю., Савченко А.Е. (2023) *Центр–региональные отношения в Советском Союзе / России и Китае в период реформ (1980–1990-е годы)*. Москва: МГИМО–Университет. 362 с.
9. Карпов М.В. (1997) *Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989)*. Москва: ИСАА МГУ. 199 с.
10. Панцов А.В. (2013) *Дэн Сяопин*. Москва: Молодая гвардия. 556 с.
11. Токаев К.К. (1994) *Как это было. Хроника волнений в Пекине (апрель–июнь 1989 г.)*. Алматы: СП «Диана». 46 с.
12. Усов В.Н. (2006) *История КНР. В 2 т. Т. II. 1966–2004 гг.* Москва: АСТ: Восток–Запад. 718 с.

A SYSTEMIC CRISIS: POLITICAL CONSEQUENCES OF THE 1989 TIANANMEN SQUARE EVENTS

Dr Ivan Yu. Zuenko – Assistant Professor at Department of Oriental Studies, Senior Research Fellow at the Center for Eurasian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-9853-9703. E-mail: i.zuenko@inno.mgimo.ru.

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received May 11, 2023

Accepted July 15, 2023

Abstract: The article attempts to revise the understanding of the nature of China's 1989 Tiananmen Square crisis and its consequences in the context of comparison with Soviet/Russian history of 1980–1990s. Several dozens of studies and op-ed pieces focused on the problem earlier (especially in Russian-language literature) but these papers lacked Chinese sources, intended to liken the Tiananmen Square crisis to the Russian agenda, and simplified complicated cause-effects relations of the Chinese historical process. As a result, the conclusions are limited to the question of the necessity of a decisive crackdown on any turmoil or political manifestation as a sole tool to protect one nation's stability and prosperity. China's stability and prosperity after the Tiananmen Square Crisis should not be seen as a result of crackdowns. Paradoxically, despite the conservatives' victory in 1989, China got back to the path of reforms several years after the Tiananmen Square events. It can be attributed to the complex set of internal and external factors, and the freezing of China's political reforms was just one of them. Moreover, the process was facilitated not only by overcoming its political crisis but also by observing the revolutions of 1989 in Eastern Europe. Faced with the threat of being ousted from power, China's elites consolidated – a factor that became crucial for the implementation of systemic market reforms in the 1990s.

Keywords: China, Tiananmen Square, crisis, reforms, Deng Xiaoping, Zhao Ziyang, Jiang Zemin, Zhu Rongji.

References:

1. Bush G., Scowcroft S. (1998) *A World Transformed*. New York: Alfred A. Knopf. 624 p.
2. Fewsmith J. (2008) *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao*. Cambridge: Cambridge University Press. 358 p.
3. Karpov M.V. (1997) *Ekonomicheskie reformy i politicheskaja bor'ba v KNR (1984–1989) [Economic Reforms and Political Struggle in PRC: 1984–1989]*. Moscow: ISAA MGU. 199 p. (In Russian).
4. Pancov A.V. (2013) *Deng Xiaoping*. Moscow: Molodaja gvardija. 556 p.
5. Tokaev K.K. (1994) *Kak eto bylo. Hronika volnenij v Pekine (aprel'–jun' 1989 g.)* [How it Was: Chronicle of Turmoil in Beijing: 1989, April–June]. Almaty: SP «Diana». 46 p. (In Russian).
6. Usov V. N. (2006) *Istorija KNR [History of PRC]. 2. 1966–2004*. Moscow: AST: Vostok-Zapad. 718 p. (In Russian).

7. Zhang L. (2001) *The Tiananmen Papers*. Ed. by A. Nathan, P. Link. New York: Public Affairs. 582 p.
8. Zhao Z. (2009) *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*. Ed. by Pu B., Chang R., Ignatius A. New York: Simon & Schuster. 590 p.
9. Zuenko I.Yu. (2021) Kitaj i sobytija 1991 g. v Sovetskom Sojuze (k 100-letiju Kommunisticheskoj partii Kitaja i 30-letiju raspada SSSR) [China and 1991 in Soviet Union: for the 100th Anniversary of Communist Party of China and the 30th Anniversary of the USSR Collapse]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics]. 12(1): 96–111. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111. (In Russian).
10. Zuenko I.Yu. (2022a) Amerikanske sankcii v otnoshenii Kitaja: opyt 1990–2010-h gg. [American Sanctions Against China: 1990–2010s]. *Rossija i Amerika v XXI veke* [Russia and America in the 21st Century] 6: 16. DOI: 10.18254/S207054760023470-4. (In Russian).
11. Zuenko I.Yu. (2022b) Vyuchennyj urok: «janvariskij krizis» 2022 goda v Kazahstane i sobytija na ploshhadi Tjan'an'mjen' 1989 goda v retrospektive biografii K.K. Tokaeva [A lesson learned: 2022 January crisis in Kazakhstan and 1989 Tiananmen crisis in biography of K.K. Tokaev]. *Izvestija Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal]. 2(54): 85–95. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-2/85-95. (In Russian).
12. Zuenko I.Yu., Savchenko A.E. (2023) *Centr–regional'nye otnoshenija v Sovetskom Sojuze / Rossii i Kitae v period reform* (1980–1990-e gody) [Center–Local Relation in Soviet Union / Russia and China in Period of Reforms: 1980–1990s]. Moscow: MGIMO–Universitet. 362 p. (In Russian).

КАН ЮВЭЙ И ИТАЛИЯ НАЧАЛА XX В.: ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ ЗАПАДА НОСИТЕЛЕМ ТРАДИЦИОННОГО КОНФУЦИАНСКОГО СОЗНАНИЯ

Дмитрий МАРТЫНОВ

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические трактаты, созданные выдающимся китайским реформатором Кан Ювэем (1858–1927) в эмиграции и посвященные осмыслению западной социальной и политической реальности с позиции носителя традиционной китайской культуры и неоконфуцианской философии. В первую очередь, это «Путешествие в Италию» (1904) и «Рассуждение о республиканском строе» (1918). Для мышления Кан Ювэя характерно внимание к конфуцианской бинарной оппозиции *сы – гун* (*частное – общее*), которую он переносил и на цивилизационное развитие, и на международную политику. Иными словами, западный путь развития – национальных империалистических государств, основанных на экономической, социальной и внешнеполитической конкуренции и индивидуализме («частном»), противопоставлялся монолитному древнему Китаю, общество и политика которого основаны на началах «общности» и единения. Политическую реальность стран Запада Кан Ювэй воспринимал с позиций традиционной китайской историографии, которая была призвана служить базой положительных и отрицательных прецедентов для использования правителем во имя общего блага и гармонизации общества. В системе исторических взглядов Кан Ювэя Италия и Германия нового времени были очень важны для иллюстрации принципа укрупнения политических образований и слияния мелких и слабых государств в крупные империи. Методологически это оформлялось как отнесение Германии, Италии и Китая к одной онтологической категории (*тун лэй*). Строй, который Кан Ювэй именовал «народоправием», в его описаниях имеет гораздо больше сходства с этатизмом. Создав историко-политическую теорию, Кан Ювэй рассуждал, что западные политические институты являются следствием длительного цивилизационного развития от времени древних Эллады и Рима, и потому предложенные современным Западом «рецептом» негодны для Китая.

Ключевые слова: мировой порядок, глобализм, конфуцианство, Великое единение, Кан Ювэй, Цинская империя

Мартынов Дмитрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета.

ORCID: 0000-0001-5385-1915. E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru
420008, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, учебное здание № 36.

Поступила в редакцию: 14.05.2023

Принята к публикации: 27.07.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Интеллектуальное наследие выдающегося китайского реформатора Кан Ювэя (1858–1927) может рассматриваться с самых разных позиций, зачастую служа лишь опорной точкой для собственных рефлексий исследователя. Наибольший личный интерес у нас вызывают теоретические трактаты, созданные Кан Ювэем в эмиграции и посвященные осмыслению западной социальной и политической реальности с позиции опыта носителя традиционной китайской культуры и неоконфуцианской философии. В современной историографии данные проблемы рассматривали два несхожих исследователя: китайский социолог Ван Минмин (род. 1962) и итальянский исследователь интеллектуальной истории Федерико Брусаделли (род. 1983) (Wang, 2019; Brusadelli, 2020).

Ван Минмин обосновал важность «Путешествия в Италию» (*Идали юцзи*, 1904)¹ Кан Ювэя как источника, демонстрирующего переходный этап интеллектуальной эволюции мыслителя. Ф. Брусаделли в монографии, преимущественно основанной на материалах главного философского труда мыслителя «Да тун шу» («Книги о Великом единении»)², использовал статьи более позднего периода, включая даже «Рассуждение о республиканском строе» (*Гунхэ пиньши*)³, написанное после монархического переворота Чжан Сюня летом 1917 г.

Говоря о методологии Ван Минмина, следует сразу оговориться, что он являлся поклонником бергсонизма, которое использовал как основу собственной социально-антропологической концепции исследования культурного Иного. «Путешествие в Италию», с одной стороны, является одним из наиболее теоретизированных трудов Кан Ювэя, с другой же – текст выдержан в традиционном жанре путевых записок и «повествований о чудесном». Это открывает единственную в своем роде возможность заглянуть в творческую лабораторию мыслителя (Wang, 2019: 4–5). В финальных разделах «Идали юцзи» содержатся 11 вставных эссе (их заглавия были предложены Ван Минмином), из которых предмета нашего исследования касаются два: «О том, почему парламентаризм как система возник на Западе, а не на Востоке» и «Гражданская политика Италии», а также собственно описания современного Кан Ювэю Королевства Италия с изобильным цитированием статистических данных, источник которых не уточняется.

В своей статье Ван Минмин пытался проводить параллели «глобалистского» подхода Кан Ювэя с цивилизационной концепцией Э. Дюркгейма. Китайский мыслитель на основе утопических построений эпохи Хань разра-

¹ Кан Ю. (2007). *Идали юцзи* (Путешествие в Италию) Кан Ювэй цюаньцзи (Полное собрание соч.). Гл. ред. Цзян Ихуа, Чжан Жунхуа. Т. 7. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ. С. 347–406. Далее цитируется как: (Kang, 2007a).

² Кан Ю. (2005). *Да тун шу* (Книга о Великом единении). Ред. и предисловие Тан Чжицзюня. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2005. 292 с. Далее цитируется как: (Kang, 2005).

³ Кан Ю. (2007) *Гунхэ пиньши* (Рассуждение о республиканизме). Кан Ювэй цюаньцзи (Полное собрание соч.). Т. 11. Пекин, Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, С. 2–67. Далее цитируется как: (Kang, 2007b).

ботал концепцию Трех эр (хаоса — рождающегося равновесия — великого мира), исходя из которой рассматривал окружавшую его реальность. С его точки зрения, цивилизация современной ему Цинской империи и Италии находилась в переходной фазе от Эры хаоса к Эре рождающегося равновесия, но при этом некоторые страны (особенно США) ближе подошли к порогу Рождающегося равновесия. Ван Минмин предлагал считать эту терминологию равноценной западным представлениям о модернизации. Однако если Э. Дюркгейм (на которого Ван Минмин ссылался) исходил из структурной методологии, то мышлению Кан Ювэя был присущ последовательный историзм, поэтому он разделял текущую реальность, данную в ощущениях, и собственные прозрения о далеком будущем Великого единения. Именно поэтому, согласно Ван Минмину, концепции Кан Ювэя «не нравятся» как исследователям глобализации, так и историкам-всеобщникам (Wang, 2019: 6). Китайский социолог совершенно согласен с тем, что глубинные основы мышления Кан Ювэя были конфуцианскими, и он, в соответствии с канонем «Да сюэ» («Великое учение»), последовательно исследовал триаду «семья — государство — Поднебесная», хотя и существенно модернизируя ее. Модернизация выразилась в последовательном применении эволюционизма при трактовке конфуцианского канона. То есть в соответствии с главой «Ли юнь» канона «Ли цзи» Поднебесная проходит три последовательные эволюционные стадии: когда власть принадлежит монарху, т.е. представителю одной семьи, это диагностирующий признак Эры хаоса; переход власти к общественным институтам и установление народоправия возвещает Эру рождающегося равновесия. В эту эру развитие общественных институтов рано или поздно приведет к глобальному объединению, когда мир станет единым, а населяющее его человечество перейдет к состоянию «Небесного народа». При этом Ван Минмин подчеркивал, что для мышления Кан Ювэя характерно внимание к конфуцианской бинарной оппозиции *сы* — *гун* (частное — общее), которую он переносил и на цивилизационное развитие, и на международную политику. Иными словами, западный путь развития национальных империалистических государств, основанных на экономической, социальной и внешнеполитической конкуренции и индивидуализме («частном»), противопоставлялся монолитному древнему Китаю, общество и политика которого основаны на началах «общности» и единения (Wang, 2019: 6).

В своей монографии Федерико Брусаделли во многом повторил эти наблюдения и дал им объяснение. Исследователь диалектически подошел к истокам мышления Кан Ювэя, определяя его одновременно и как неортодоксального конфуцианца, и как «первого истинного конфуцианца». Если рассматривать конфуцианство как универсалистскую доктрину, имеющую в том числе внешнеполитическое измерение, то до Кан Ювэя конфуцианство являлось «потенциально универсалистским», приобретая актуальную форму именно после написания «Да тун шу» (Brusadelli, 2020: 56). В этом отношении можно считать Кан Ювэя теоретиком модерна (или модернизи), так как он исходил из простого постулата, что Поднебесная, как мир, не ограничи-

вается пределами Китая. «Вероятно, чрезмерно упрощая, мы можем определить доктрину Кана как попытку перейти из имперского измерения в глобальное, рассматривая “националистический этап” лишь как одну из стадий более масштабного процесса» (Brusadelli, 2020: 57). Это выражалось даже на уровне терминологии, поскольку в своих сочинениях Кан Ювэй использовал как синонимические понятия *тянься* («Поднебесная») и *шицзе* («мир» в географическом и естественнонаучном смысле), а также *дицю* («земной шар»). Это не исключало синоцентризма, поскольку в «Да тун шу» он предложил собственный вариант сакральной географии, согласно которой все связующие материки Земли горные хребты — Гималаи, Кордильеры, Анды — являются лишь ответвлениями срединного Кунь-Луна даосско-буддийской мифологии. Разделяя конфуцианские организмические взгляды, Кан Ювэй полагал, что физическое единство мира и человеческого рода неопровержимо доказывает мировое всеединство. Из этого делался сугубо практический вывод: то, что пригодно для развития Китая, пригодно и для остального человечества и наоборот. Это позволяло Кан Ювэю обосновать необходимость непрерывных творческих заимствований как из собственного исторического прошлого Китая, так и из прошедшего и настоящего опыта всех зарубежных стран. Отсюда и огромное внимание, которое мыслитель уделял зарубежным формам государственного строительства, особенно на стадии формирования новых государств и их объединения.

В тексте «Путешествия в Италию» Кан Ювэй часто использовал понятие «цивилизация» (*вэньмин*), раскрывая его через бинарные противопоставления. Использовал он и термин «диалектика» (*фачжэнь*), хотя его не существовало в традиционной китайской философии. Кан Ювэй, прекрасно осознавая наличие материальной и нематериальной цивилизации, подчинял их стороны политике. Кан Ювэй полагал, что с точки зрения материальной цивилизации Италия не уступала ни Англии, ни Германии, ни даже Китаю, хотя была намного беднее. В области духовной культуры точек соприкосновения между Китаем и Западом намного больше, чем в сфере материального, поскольку цивилизация — это процесс, а не состояние (Wang, 2019: 17–18). Цивилизация — это универсальное выражение прогресса от «варварства» к «культуристости». При этом Кан — конфуцианец, в «Да тун шу» утверждал, что человек единотелесен всем живым существам, в том числе лишенным разума животным и низшим из насекомых, и должен всемерно помочь им освободиться от страданий и смерти (Kang, 2005: 4), но это не относилось к цивилизованному и нецивилизованному состоянию человечества. Иными словами, некультурность типологически может выражать как низшее положение по эволюционной лестнице (такие общества надлежит спасать, т.е. «подвергать эволюции»), так и регресс, остановку в развитии, вырождение. Эволюционный взгляд на борьбу с хаосом позволял Кан Ювэю пропагандировать единство человеческой цивилизации и призывать своих соотечественников рассматривать людей Запада как венец эволюции, которые во всем превосходят ки-

тайцев. Китайский народ, будучи порождением и наследником китайской цивилизации, несет ответственность за достижения прошлого во имя будущего (Wang, 2019: 18–19).

Основной целью европейского путешествия Кан Ювэя 1904 г. было подтверждение на западном материале «открытого» им основного закона истории — что мир поступательно развивается от разъединения в сторону все большего единения. Поскольку молодое поколение китайцев уже в начале XX в. было склонно воспринимать страны Запада как своего рода будущее Китая, это позволяло Кан Ювэю широчайшим образом использовать сравнительный метод (Wang, 2019: 14). Будучи историком, он прежде всего стремился прикоснуться к памятникам Древнего Рима, который считал для Запада аналогом древнекитайских империй Цинь и Хань, заложивших основу цивилизации. Описывая Неаполь, мыслитель объявил, что изучающий эволюцию мировой цивилизации должен сначала рассмотреть эволюцию Европы, «а кто захочет познать эволюцию Западной Европы, должен начать с руин Древнего Рима» (Kang Youwei, 2007a: 354). Однако будучи в полной мере наделен историзмом мышления, Кан Ювэй не проводил поверхностных аналогий современной и древней Италии, представляя степень «разрыва времени».

Рассмотрим теперь эти постулаты на источниковом материале. В завершающих пассажах «Путешествия в Италию» Кан Ювэй представил общий обзор истории Италии после падения Римской империи. В своей обычной манере он изобильно проводил параллели с событиями истории Северных и Южных династий в Китае. По-видимому, у Кан Ювэя был достаточно сведущий информатор, поскольку китайский мыслитель отметил специфику развития Италии в Средние века и Новое время. С одной стороны, Апеннинский полуостров был разделен между небольшими государствами, которые постоянно подпадали под внешние влияния и захваты, с другой стороны, существование в Риме папства постоянно поддерживало идеал единства, а свободные города-коммуны были настолько богаты, что могли содержать наемные армии. Кан Ювэй знал о подчинении Ломбардии и Венеции австрийским Габсбургам, но курьезно писал о коронации Наполеона в 60-м году эры Цяньлун, т.е. в 1796 г., ссылаясь на его триумфальную арку, воздвигнутую в Милане (Kang, 2007a: 392–393). Исходным импульсом для создания единого итальянского государства Кан Ювэй считал Венский конгресс (*Вэйена хуэйи*), когда малые государства Северной Италии вновь вернулись под австрийское иго. Далее в 28-й год эры Даогуан (1848 г.) началась очередная революция во Франции, в результате чего Ломбардия и Венеция восстали против Австрии, а Рим — против власти папы. Камилло Кавур (1810–1861), которого Кан Ювэй особенно почитал, стал премьер-министром Сардинского королевства на третьем году правления под девизом Сяньфэн (1854 г.), Гарибальди (*Цзялибоди*) разгромил независимые Неаполь и Сицилию на 10-м году Сяньфэн, т.е. в 1860 г. Не менее характерно обозначена дата провозглашения парламента единой Италии и коронация короля [Виктора] Эммануила II: «когда мне исполнилось три года» (т.е. в 1861 г.). Так же датирована австро-прусская война 1866 г.: «в пятый год

эры Тунчжи, когда мне исполнилось восемь лет» (Kang, 2007a: 393). На девятом году Тунчжи, когда Ювэю исполнилось 12 лет, в результате франко-прусской войны папа римский был лишен светской власти, и столица единой Италии была перенесена в Рим, «что все признают личной заслугой Кавура» (Kang, 2007a: 393). Данный пассаж завершается риторическим восклицанием: «Две тысячи лет перемен миновали, не закончатся ли на этом народные тяготы?!» (Kang, 2007a: 393).

Здесь уместно рассмотреть использование Кан Ювэем метода аналогии, специальное исследование которому посвятил восточногерманский синолог Роланд Фельбер (1935–2001). Исследователь также рассматривал Кана в первую очередь как представителя традиционной китайской историографии, которая рассматривала реальность как «зерцало правителя», в котором любые текущие события нуждаются в сопоставлении с прецедентами из прошлого. Именно в таком духе были выдержаны меморандумы, адресованные императорскому трону Кан Ювэем в 1895–1898 гг., т.е. в период подготовки Движения за реформы года усюй (так называемых «Ста дней реформ»).

Однако именно Кан Ювэй оказался одним из первых китайских мыслителей, который успешно применял традиционный подход к прошлому неких стран, преодолев не только «разрыв» между прошлым и будущим, но и географическими регионами и цивилизациями. По выражению Р. Фельбера, в трудах Кан Ювэя «всемирная история в известном смысле оказалась китаизирована» (Felber, 1997: 64). Традиционная история-зерцало поставляла информацию двух видов: во-первых, показывала случаи недостойного поведения правителей и подданных и негодных государственных установлений, дабы не допустить повторения; во-вторых, позволяла отбирать примеры добродетельного правления и эффективных установлений для использования во имя общего блага и гармонизации общества (Felber, 1997: 64). Характерные примеры использования Кан Ювэем метода аналогии на неевропейском материале можно отыскать в его трактате 1906 г. «Исследование эволюции Германии, с добавлением [исследования] эволюции Австро-Венгрии» (Kang, 2007c: 235–260)⁴. В этом трактате (как и в «Исследовании эволюции Швеции» (Kang, 2007d: 206–216) 1905 г.) Кан Ювэй прямо говорил о том, что прошлое, с его прогрессом и регрессом, приобретениями и утратами, «многообразными, как деревья в лесу», есть зеркало, в котором наблюдатель видит причины и следствия делающими очевидными необходимые реформы (Felber, 1997: 69–70).

В системе исторических взглядов Кан Ювэя Италия и Германия Нового времени были очень важны для иллюстрации принципа укрупнения политических образований и слияния мелких и слабых государств в крупные федерации и империи. Раздробленная Германия сравнивалась им с эпохой Чжоу (1027–255 гг. до н.э.) в истории Китая. Метод аналогии позволил утверждать, что, как и Китай, Германия пережила долгий период смут, но в резуль-

⁴ Кан Ювэй использовал кальку с английского языка «Жиэрмань» (Germany) вместо нормативного Дэго.

тате веков угнетения иностранными державами немцы смогли объединиться в великую державу невиданной культурной, промышленной и военной мощи, которая превратилась в европейского гегемона. Кан Ювэй повторял и свою излюбленную мысль о реформах, которые привели в Германии к смене автократии конституционной монархией (Kang, 2007a: 382).

Методологически это оформлялось как отнесение Германии и Китая к одной онтологической категории (*тун лэй*). С эпохой Чжоу сравнивалась не одна только Германская империя, а весь германский мир, включающий еще и Швецию, Англию, Данию и некоторые другие страны. Россия сравнивалась с периферийным воинственным царством Цинь, Испания — с южным царством Чу, а Франция — с высококультурным приморским царством Ци, которое не сумело удержать гегемонию на Великой китайской равнине⁵. Карла Великого Кан Ювэй сравнивал с чжоуским У-ваном (1027–1022 гг. до н.э.) или Цинь Ши-хуанди (238–209 гг. до н.э.). Авиньонскую схизму («папское пленение») Кан Ювэй уподоблял короткой эпохе Гунхэ (841–828 гг. до н.э.), а австро-прусскую борьбу за объединение германского мира сопоставлял с борьбой за гегемонию царств Цзинь и Чу в самом конце чжоуской эпохи. Р. Фельбер приводил и другие примечательные аналогии, например, возвышение франков при Хлодвиге сравнивалось с созданием собственной династии южными хуннами при Ли Юане, который в 316 г. вторгся в китайские земли. Приход к власти Оттона Великого и провозглашение его в 961–962 гг. римским императором трактовалось как «вступление германцев в эру цивилизации» (Felber, 1997: 70–71). Эти аналогии нельзя считать только следствием поверхностного знакомства Кан Ювэя с западной историей.

Напротив, он утверждал, что китайский опыт превосходит западный, ибо от самой эпохи Чуньцю (722–403 гг. до н.э.) завоеванные территории всегда интегрировались государством-завоевателем, равно и приграничным «варварам» не позволялось самим выбирать себе правителей, тогда как неразумные европейцы препятствовали окончательному объединению, позволяя покоренным уделам существовать по-своему. Выбор именно эпохи Чуньцю объяснялся конфуцианскими убеждениями самого Кан Ювэя, так как в эту эпоху жил Конфуций и была создана летопись «Весен и осеней», по которой получил название весь исторический период. При этом Кан Ювэй применительно к древности и Средневековью использовал больше уподоблений, а переходя к Новому и Новейшему времени, концентрировался на несходстве в историческом развитии двух миров (Felber, 1997: 73).

⁵ Впервые в широком масштабе подобные аналогии применил пионер китайской журналистики Ван Тао (1828–1897), который имел опыт полуторогодового пребывания во Франции и Великобритании. И у Ван Тао, и у Кан Ювэя география уподоблений оказывается зеркальной: царство Цинь располагалось на западе Китая, а Ци — на востоке, тогда как Франция — на крайнем западе континентальной Европы, а Россия на востоке и т.д.

Метод аналогии во всех его вариациях использован и в «Путешествии в Италию». Чтобы не утомлять читателей, ограничимся парафразом соответствующих пассажей. Начиная обзор Италии в 1904 г., Кан Ювэй указывает территорию государства (в английских квадратных милях) и его население. Оба показателя сопоставимы с провинциями Юньнань или Чжили (ныне Хэбэй), будучи даже «меньше на площадь одного уезда». Это становится поводом для рассуждения об оптимизации провинциального управления в Китае на примере родной провинции Кан Ювэя Гуандун. Далее он переходит к успехам железнодорожного строительства в Италии, приводя следующие данные: из 8800 миль путей 6400 принадлежит государству. Тарифы на внутренние перевозки не превышают 2%, «именно по этой причине государство бедно» (Kang, 2007a: 393). Это логически приводит автора к рассуждению следующего толка: «Итальянцы в Европе [самые бедные], поэтому вынуждены упорно трудиться, что особенно бросается в глаза на юге страны. Их пахотные поля по-прежнему требуют множества рабочих рук, машины используются мало, поэтому поля возделаны плохо, и почти треть страны все еще занимают леса и грибные пустоши (sic! — Д.М.).

Действительно, по сравнению с тем, что было еще 60 лет назад, площадь под виноградом, пятью злаками и [культурными] лесами возросла наполовину. Следовательно, и результаты трудозатрат крестьянства будут обильны. Ныне, когда прокопан Суэцкий канал, цены на южноазиатский рис чрезвычайно снизились, и импорт его, еще десяток лет назад составлявший всего 20 000 т (*дунь*), за десятилетие возрос до 50–60 тыс. т. Новые методы возделывания земли слишком затратны, а земельные подати очень тяжелы для бедных земледельцев, поэтому улучшить земледелие слишком трудно. Средний урожай с му едва достигает тринадцати *доу*, тогда как число едоков увеличивается день ото дня и за семьдесят лет увеличилось кратно» (Kang, 2007a: 393). Далее следует много подробностей, предназначенных для основной читательской аудитории Кан Ювэя — богатых помещиков и купцов приморских городов и китайской эмиграции, заинтересованных в освоении новых рынков аграрной продукции. Например, Кан Ювэй упоминает, что урожайность в Италии составляет всего половину от расположенной севернее Франции, а итальянцы по статистике едят всего 27 фунтов мяса в год, чего совершенно недостаточно для поддержания здоровья. Все перечисленное принуждает итальянцев покидать свою страну: более миллиона их уехало в Южную Америку, а более трехсот тысяч — в США (Kang, 2007a: 393–394).

Как обычно для Кан Ювэя, он заявляет, что «в нашей стране много пустошей и неосвоенной целины, пригодной для механизированной обработки, очень много бедняков и очень мало мяса». Однако из-за дискриминационного законодательства США китайцам остается мигрировать на острова Южных морей; их число оценивается в семь миллионов («все они из Фуцзяни и Гуанси») (Kang, 2007a: 394).

Далее Кан Ювэй приводит выкладки по внешней торговле (даже простое сопоставление приводимой им информации с энциклопедиями начала XX в., вероятно, будет бесполезным для историков экономики), особенно отмечая, что Италия вывозит много мрамора, а также описывает шелководство, делая акцент на том, что именно итальянцы впервые усвоили технологию разведения шелковичного червя из Китая (Kang, 2007a: 394).

Собственные политические взгляды Кан Ювэй выразил с предельной откровенностью. «Ныне я наблюдаю, что сердца людей Европы и Америки и их нравы и обычаи постепенно переходят от розни и конкуренции к единству» (Kang, 2007a: 375). Иными словами, «Путешествие в Италию» концептуально построено на концепции мирового единения Кан Ювэя. Следует отметить, что в «Да тун шу» будущее состояние общества описано апофатически, через перечень отрицаний: после наступления Великого единения не будет феодальных уделов, военных режимов, монархий, разрушительных восстаний, власти аристократии, тирании и угнетения. Не менее важно и «отсутствие частных интересов»: нет споров об имуществе, налоговых льготах и прочего (Brusadelli, 2020: 108–109). Примечательно, что в эссе о парламентаризме «Идали юцзи» проводятся прямые линии преемственности между римским Сенатом и грядущим мировым правительством. С точки зрения Кан Ювэя, представительные органы, наподобие римского Сената или новоевропейских парламентов, имеют преимущество непрерывного преемственного функционирования и идеально приспособлены для исторических условий Запада. Именно в существовании Сената Кан Ювэй видел основную причину длительного существования римской государственности.

Поэтому парламентские институты стран начала XX в. постоянно подчеркивают свою преемственность с античными. Впрочем, римские порядки он не идеализировал, ибо выборные органы Римской республики и ранней Римской империи представляли только римские элиты и не представляли интересы всего народа. Естественность парламентских институтов с широким представительством обосновывается древнекитайской мифологией, ибо «в нашем прошлом Яо и Шунь советовались со [ста] Юэ, а Пань Гэн принимал [выборных] от народа, и, таким образом, исконной страной парламентаризма является Срединное государство» (Kang, 2007a: 380).

Первоначальное прямое народоправие может возникнуть только в малых государственных образованиях с небольшим населением или в монархиях, в которых главы кланов не слишком зависят от монарха и при этом еще не отделились от собственного народа. «Однако, когда аристократы конкурируют из-за власти, монарху сложно надолго удержаться на престоле» (Kang, 2007a: 380). Особенности географии Европы – расчлененной огромными полуостровами и горными хребтами, имеющими удобные выходы к обширным морским бассейнам, способствовали центробежным тенденциям и сохранению традиции народоправия в относительно небольших, по сравнению с Китаем, политических образованиях (Kang, 2007a: 382).

Краеугольным камнем идеала народоправия Кан Ювэя является ликвидация конкуренции и частных и личных интересов как в политической, так и в социально-экономической сфере. Этот идеал базировался на представлении о Великом Дао-пути Поднебесной, описанном в «Ли цзи», но, так сказать, с обратным знаком: т.е. абсолютная власть суверена по воле Неба сменится коллективной субъектностью власти, когда население Земли достигнет уровня развития «небесного народа». Именно это обстоятельство делало Кан Ювэя весьма критичным к идеям политической либерализации и республиканизма в Китае. Хотя Кан Ювэй считается предтечей и теоретиком китайского национализма, в период переворота Чжан Сюня летом 1917 г. он резко отвергал и национализм, и республиканизм, как ассоциируемые с «частным» началом, которое вновь грозило задержать Китай в Эре хаоса (Brusadelli, 2020: 109–110).

Поскольку политические институты каждой цивилизации являются результатом ее автохтонного исторического (эволюционного) развития, Кан Ювэй категорически заявлял, что никакими указами и законами невозможно осуществить перенос политической культуры. В абсолютистском и постреволюционном Китае не существовало социально-экономических основ для народоправия. В «Рассуждении о народоправии» Кан Ювэй использовал ту же логику, что мы наблюдали в «Путешествии в Италию», но гораздо более экспрессивные инвективы. Позволим себе обширное цитирование: «Все сущности (*у*) велики в соединении и малы в разъединении, ибо таков принцип (*ли*), управляющий вещами. ...Вся Европа говорила о революции, но после Французской революции как можно не понимать, что такое на самом деле демократия и независимость? Одно только Прусское государство заставило окружающих склониться перед его правителем и воинской силой сломило законы двадцати пяти германских государств, образовав ту Германию, которая господствует над всей землей. Кавур, поощрявший народоправие, возвысил правителя Сардинии, сумел объединить усилия и соединить 11 удельных государств в единую Италию, утвердив ее в ряду великих европейских держав. Тот, кто будет говорить о демократии и революции в этих двух [вновь объединившихся государствах], приведет Германию и Рим к хаосу на десятки лет вперед, что непременно закончится разделением и захватом со стороны Франции, Австрии и России, и только. Как смогут они [вновь] сделаться могущественными державами? Ныне великие Пруссия и Италия изначально были малыми странами, но Бисмарк и Кавур прилагали все умственные и физические силы, чтобы нарастить военную мощь, стать государством-гегемоном и обратить малое в великое. Наш Китай изначально великая держава, и революционеры, претендующие на звание спасителей родины, желают разделить уже существующую великую страну на несколько десятков мелких стран и, кажется, изо всех сил желают последовать примеру Индии, [чтобы] максимально ослабеть и погибнуть. Как же это непродуктивно! Бисмарк и Кавур не были невежественны, ибо Бисмарк мобилизовал много малых стран, сделался гегемоном и противостоял революционерам, желавшим раздробить [Герма-

нию] на много слабых государств. Как мог он допустить торжество их неразумия?! Если провинции Индии смогут устоять сами по себе и гарантировать целостность закона, то это тоже приемлемый вариант. Но в действительности Индия была повержена [колонизаторами] за несколько десятков лет, прекратила существование как государство, неужели люди не способны извлечь из этого урока?! Человек неотделим от своего «Я», если «Я» отделить от Небом данной природы, наступит смерть. Это разделение не делается людьми, а совершается единичным «Я»; Небо не умерщвляет «Я», но «Я» выступает самогубителем. Как смеют именовать себя «борцами за идею» и «спасителями родины» те, кто решаются на крайние меры?! Лишь на краткое время можно самоутвердиться, позабыв о крахе существ одной со мною природы (*тунчжун*). Оглядываясь вокруг, мы озабочены лишь сиюминутными делами, не заботясь тем, что через сто лет все это будет совершенно неважно, и абсолютно не беспокоимся о последствиях. Лучше напасть на прозябавшую столетиями Маньчжурию, перебив тысячи наших соотечественников, и ожидать, пока Китай, тысячами лет стремящийся к Великому единению (*Да тун*), будет повержен великими державами! Такие замыслы бесконечно далеки от Бисмарка и Кавура! Почему вы с таким воодушевлением бросаетесь не на спасение великого Китая, а ради ничтожных Египта или Бухарии? Один я, неразумный служака, вынужден украдкой любить великий Китай, стремлюсь объединить раздробленную Индию, находящуюся при последнем издыхании, и это глупость старого служаки, который не осмеливается ни знать, ни действовать. Тот, кто присягает великой державе, процветает, тот, кто соединяется с погибающей страной, погибает. Господа мои, неужели же Бисмарк пожелал бы оказаться в Индии?!» (Kang, 2007b: 64).

Таким образом, рассмотренные тексты Кан Ювэя позволяют характеризовать его политическую доктрину как консервативную, основанную на традиционной методологической базе конфуцианства. Прежде всего, его конфуцианство выражалось в доктрине «общественного правления», лишенного эгоизма, своекорыстия и проистекающей из них конкуренции. Китай при этом рассматривался как монолитный организм, единство которого как во внутри-, так и внешнеполитической сферах объявлялось его субстанциальным свойством. Тем самым строй, который Кан Ювэй именовал «народоправием», в его описаниях имеет гораздо больше сходства с этатизмом. Создав историко-политическую теорию, Кан Ювэй рассуждал, что западные политические институты являются следствием длительного цивилизационного развития от времени древних Эллады и Рима, и потому предложенные современным Западом «рецепты» негодны для Китая. Так, республиканизм и демократия для начала должны быть «усвоены» правящей элитой и народными массами, а политические изменения он рассматривал с точки зрения ихсообразности конкретной исторической ситуации. Иными словами, в первые десятилетия XX в. Кан Ювэй пришел к выводу, что простое копирование западных институтов и политических практик не принесет Китаю процветания, и будущие правовые нормы и политические практики должны быть основаны на национальных

традициях. Более того, народоправие можно рассматривать как локальное цивилизационное достижение Европы и США, не имеющее никакого отношения к Китаю ввиду глубочайшего несходства их исторического прошлого и путей культурно- и политогенеза. Применяя метод аналогии, Кан Ювэй отыскивал соответствия демократических институтов Запада в глубокой китайской древности.

Список литературы

1. Brusadelli F. (2020) *Confucian Concord: Reform, Utopia and Global Teleology in Kang Youwei's Datong Shu*. Leiden – Boston: Brill. 197 p.
2. Cohen P.A. (1987) *Between Tradition and Modernity: Wang T'ao and Reform in Late Ch'ing China*. Cambridge (Mass.), The Council on East Asian Studies at Harvard University. 357 p.
3. Felber R. (1997) The Use of Analogy by Kang Youwei in His Writings on European History. *Oriens Extremus*. 40(1): 64–77.
4. Kang Y. (2005) *Datong shu [The Book of Great Unity]*, ed. and foreword by Tang Zhijun. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. 292 p.
5. Kang Y. (2007a) *Yidali youji [Travelogue to Italy]*. Kang Youwei Quanji, Jiang Yihua, Zhang Ronghua bianjiao [Kang Youwei's Complete Works, ed. by Jiang Yihua, Zhang Ronghua]. Vol. 7. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe. P. 347–406.
6. Kang Y. (2007b) *Gonghe pingyi [Impartial Words on Republicanism]*. Kang Youwei Quanji [Kang Youwei's Complete Works]. 11. Beijing, Renmin daxue chubanshe. P. 2–67.
7. Kang Youwei. (2007c) *Rierman yange kao Aodali Xiongyali yange fu [Essay on Evolution of Germany, Austria and Hungary]*. Kang Youwei Quanji [Kang Youwei's Complete Works]. 11. Beijing, Renmin daxue chubanshe. P. 235–260.
8. Kang Youwei. (2007d) *Ruidian yange kao [Essay on Evolution of Sweden]*. Kang Youwei Quanji [Kang Youwei's Complete Works]. 11. Beijing, Renmin daxue chubanshe. P. 206–216.
9. Wang M. (2019) Shengping zhi jing: cong "Yidali youji" Kang Youwei Ouya wenming lun [The Ambit of Flourishing Peace: Kang Youwei's Perspective of Eurasian Civilizations as Seen in "The Travelogue of Italy"]. *Chinese Journal of Sociology* 39(3): 1–56.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1–2. January–June / 2022

DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-186-198

KANG YOUWEI AND ITALY IN THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: COMPREHENSION OF THE POLITICS OF THE WEST BY THE TRADITIONAL CONFUCIAN THINKER

Dr Dmitry E. MARTYNOV – Professor, Department of Chinese and Asia-Pacific Studies, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University.

ORCID: 0000-0001-5385-1915. E-mail: dmitrymartynov80@mail.ru

1/55 Pushkin Street, Kazan, Russia.

Received May 14, 2023

Accepted July 27, 2023

Abstract: The article deals with the theoretical treatises written by Kang Youwei (1858 – 1927) in exile and devoted to the understanding of Western social and political reality from the standpoint of a bearer of traditional Chinese culture and Neo-Confucian philosophy. First of all, these are “Travelogue to Italy” (*Yidali youji*, 1904) and “Impartial Words on Republicanism” (*Gonghe pingyi*, 1918). Kang Yuwei’s thinking is characterized by attention to the Confucian binary opposition *si – gong* (private – general), which he transferred to both civilizational development and international politics. In other words, the Western path of development, which consist national imperialist states based on economic, social and foreign policy competition and individualism (“private”), was opposed to the monolithic ancient China, whose society and politics are based on the principles of “community” and unity. Kang Youwei perceived the political reality of Western countries from the standpoint of traditional Chinese historiography, which was intended to serve as a base of positive and negative precedents for use by the ruler in the name of the common good and the harmonization of society. In Kang Youwei’s system of historical views, modern Italy and Germany were very important for illustrating the principle of consolidation of political entities and the merging of small and weak states into large empires. Methodologically, this was formalized as the assignment of Germany, Italy and China to the same ontological category (*tong lei*).

Keywords: world order, globalism, Confucianism, Great Unification, Kang Yuwei, Qing Empire

References:

1. Brusadelli F. (2020) *Confucian Concord: Reform, Utopia and Global Teleology in Kang Youwei’s Datong Shu*. Leiden – Boston: Brill. 197 p.
2. Cohen P.A. (1987) *Between Tradition and Modernity: Wang T’ao and Reform in Late Ch’ing China*. Cambridge (Mass.), The Council on East Asian Studies at Harvard University. 357 p.
3. Felber R. (1997) The Use of Analogy by Kang Youwei in His Writings on European History. *Oriens Extremus*. 40(1): 64–77.
4. Kang Y. (2005) *Datong shu [The Book of Great Unity]*, ed. and foreword by Tang Zhijun. Shanghai: Shanghai guji chubanshe. 292 p.
5. Kang Y. (2007a) *Yidali youji [Travelogue to Italy]*. Kang Youwei Quanji, Jiang Yihua, Zhang Ronghua bianjiao [Kang Youwei’s Complete Works, ed. by Jiang Yihua, Zhang Ronghua]. 7. Beijing: Zhongguo renmin daxue chubanshe. P. 347–406.
6. Kang Y. (2007b) *Gonghe pingyi [Impartial Words on Republicanism]*. Kang Youwei Quanji [Kang Youwei’s Complete Works]. 11. Beijing, Renmin daxue chubanshe. P. 2–67.
7. Kang Y. (2007c) *Rierman yange kao Aodali Xiongyali yange fu [Essay on Evolution of Germany, Austria and Hungary]*. Kang Youwei Quanji [Kang Youwei’s Complete Works]. 11. Beijing, Renmin daxue chubanshe. P. 235–260.
8. Kang Y. (2007d) *Ruidian yange kao [Essay on Evolution of Sveden]*. Kang Youwei Quanji [Kang Youwei’s Complete Works]. Vol. 11. Beijing, Renmin daxue chubanshe. P. 206–216.
9. Wang M. (2019) Shengping zhi jing: cong “Yidali youji” Kang Youwei Ouya wenming lun [The Ambit of Flourishing Peace: Kang Youwei’s Perspective of Eurasian Civilizations as Seen in “The Travelogue of Italy”]. *Chinese Journal of Sociology* 39(3): 1–56.

PAX SINICA? КИТАЙ В НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

Интервью: Яна ЛЕКСЮТИНА
Беседовал Максим СУЧКОВ

Максим Сучков (М.С.): Сегодня ключевым мегатрендом международных отношений называют т. н. возвращение великодержавного противостояния. В чем, на Ваш взгляд, отличие межгосударственного противоборства США и Китая на текущем этапе от Холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом? Есть ли что-то общее?

Яна Лексютина (Я.Л.): Я бы сказала, что различий между этими двумя ситуациями великодержавного противостояния гораздо больше, чем общих черт. Общим является сам факт противостояния великих держав и то, что одной из сторон противоборства в обеих ситуациях выступают США, и тогда – во времена Холодной войны – и сейчас обладающие значительной комплексной мощностью и борющиеся за сохранение за собой мирового лидерства. На этом, как мне видится, сходства заканчиваются. А различий достаточно много.

Прежде всего, важно отметить, что в современной ситуации великодержавное противоборство протекает не только между США и Китаем, характеризующихся экспертами как устоявшаяся и потенциальная сверхдержавы и, соответственно, подпадающих под действие так называемой «ловушки Фукидида», но и между США и Россией. При этом современное американско-российское противоборство – это именно великодержавное противоборство. И это то, что отличает нынешнюю ситуацию от времен Холодной войны. Тогда,

Лексютина Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.

ORCID: 0000-0001-6766-1792, E-mail: lexyana@ya.ru

191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8.

Сучков Максим Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, директор Института международных исследований МГИМО МИД России, шеф-редактор журнала «Сравнительная политика».

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru

119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 20.07.2023

Принята к публикации: 28.07.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

на позднем этапе Холодной войны, по существу великодержавное противоборство развивалось исключительно по линии США – СССР, тогда как противоречия между СССР и КНР не носили великодержавного характера.

Что касается собственно американо-китайского противоборства на современном этапе, одно из его принципиальных отличий от американо-советского противостояния эпохи Холодной войны, – это разное соотношение сил противостоящих сторон. Так, в отличие от периода Холодной войны, когда США существенно – в разы – превосходили СССР по экономической и финансовой мощи, современные США и КНР – вполне сопоставимые экономические акторы с высокой степенью вероятности того, что Китай в недалеком будущем превзойдет США. Современный Китай сейчас незначительно уступает США по номинальному ВВП (18 против 25,5 трлн долл. США по результатам 2022 г.), превосходит – по ВВП из расчета по ППС, по вкладу в развитие мировой экономики, по размерам золотовалютных резервов, по объемам экспорта и в целом внешнеторгового оборота и т. д. Для более чем половины стран мира Китай является крупнейшим торговым партнером, и зависимость целого ряда стран от китайских кредитов и инвестиций весьма высока. В целом, у Китая есть значительные финансовые ресурсы, позволяющие, с одной стороны, самому Китаю успешно развиваться и демонстрировать миру успех своей политико-экономической модели (и таким образом вовлекая в орбиту своего влияния другие страны, испытывающие восхищение успехами Китая), а, с другой стороны, проецировать свое влияние на многие страны и регионы мира.

Вместе с тем в военном плане ситуация прямо противоположная – по военной мощи и ядерному потенциалу Китай значительно уступает США. У Китая нет официальных военно-политических союзников, есть всего лишь одна заграничная военная база (или, по формулировке Пекина, пункт материально-технического обеспечения в Джибути), имеется крайне ограниченный опыт ведения военных действий или операций. Поэтому и противоборство между США и Китаем будет проявляться в обозримом будущем скорее не в военно-политической плоскости (как это было характерно для американо-советского противоборства времен Холодной войны), а в первую очередь в экономической – стороны будут обмениваться ударами, призванными пошатнуть позиции соперника в мировой экономике, торговле и международной финансово-экономической системе.

Отличие современной ситуации состоит и в том, что, если во времена Холодной войны существовали достаточно четко очерченные разграничительные линии между так называемыми капиталистическим и социалистическим лагерями/мирами, на текущем этапе ярко выраженного противостояния двух мировых систем нет. По существу, отсутствует противостояние двух идеологий, которые бы способствовали разделению мира на «мир американский» и «мир китайский». Пекин не стремится распространить социалистические ценности, собственную модель политико-экономического и общественного развития на другие страны, не пытается ее экспортировать.

М.С.: За что конкретно, по Вашему мнению, ведется эта борьба? Статус, идеология, технологическое лидерство?

Я.Л.: С точки зрения Пекина, борьба ведется за право Китая придерживаться собственной модели и траектории развития и модернизации, отличающейся от продвигаемой Вашингтоном западнолиберальной модели. За право Китая восстановить утраченные им в ходе «потерянного столетия» или «столетия унижений»¹ статус и доминантные позиции в мире. За право Китая реализовать китайскую мечту о великом возрождении китайской нации.

Вашингтон же ведет борьбу за удержание за собой мирового лидерства и американского превосходства. В представлении американцев, это и борьба за демократические ценности, за их продвижение в мировой дискурс и практику.

М.С.: Говоря о региональном измерении этого противостояния, где, по Вашим наблюдениям, оно наиболее острое?

Я.Л.: Интенсивное, многовекторное, по-настоящему межгосударственное региональное соперничество между США и Китаем прослеживается именно в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), тогда как в других регионах мира, например, в Африке или Латинской Америке, американо-китайское соперничество носит не столько межгосударственный – и уж тем более не великодержавный – характер, сколько характер конкуренции между национальными бизнес-интересами, между американскими и китайскими компаниями.

Интенсивность американо-китайского соперничества в АТР обусловлена принадлежностью Китая к этому региону. Высокая активность Вашингтона близ китайской территории воспринимается Пекином крайне остро и расценивается как представляющая вызов или даже угрозу национальной безопасности Китая. Именно в этом регионе концентрируются наивысшие в китайской иерархии национальных интересов так называемые «коренные интересы» или «болевые точки» Китая, оказание давления на которые позволяет Вашингтону реализовывать политику сдерживания Китая. К таким «болевым точкам» относятся, в частности, тайваньский вопрос, комплекс противоречий вокруг спорных островов и права прохода военных судов в акваториях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей. Пекин крайне беспокоят регулярные проходы американских военных судов в пределах 200-мильной исключительной экономической зоны Китая, углубление союзнических отношений и военно-политического сотрудничества США с отдельными странами АТР (нередко имеющими территориальные споры с Китаем), американские продажи вооружений Тайваню и в целом тесное военное сотрудничество США с островом, создание различных закрытых блоков (типа *QUAD* или *AUKUS*), наращивание американского военного присутствия в регионе (в частности, военно-морских сил), перспективы расширения НАТО в АТР.

¹ Период, следовавший после начала Первой опиумной войны в 1840 г и продлившийся вплоть до окончания Второй мировой войны или даже образования КНР в 1949 г.

Развитие американско-китайского регионального соперничества или даже противостояния в АТР можно датировать 2009 г., когда тогдашняя американская администрация Б. Обамы инициировала курс на «возвращение в Азию». Курс на расширение присутствия США в этом регионе был продолжен и даже усилен последующими администрациями, включая нынешнюю администрацию Дж. Байдена. Именно в АТР мы наблюдаем комплексное региональное соперничество двух держав, охватывающее как военно-политическую сферу, так и экономическую.

М.С.: С началом специальной военной операции (СВО) в американском стратегическом сообществе стали все чаще ссылаться на конфликт России и Украины, строя прогнозы относительно будущего Тайваня. Насколько, с Вашей точки зрения, корректны такие параллели? И как опыт СВО повлиял на политику Пекина в отношении острова?

Я.Л.: На мой взгляд, при сопоставлении этих двух узлов противоречий важно учитывать один принципиальный момент – в отличие от Украины и украинской ситуации, ставки США на Тайване очень велики, как и велика вероятность непосредственного военного участия США в тайваньском кризисе в случае нападения КНР на Тайвань. У США и Тайваня был продолжительный опыт официальных союзнических отношений (1954–1978 гг.), с известной долей условности можно говорить о том, что в действующий американский Закон об отношениях с Тайванем от 1979 г. вписаны американские обязательства по защите Тайваня, американские президенты неоднократно выступали с заявлениями о готовности Вашингтона выступить в защиту Тайваня в случае нападения Китая. Принимаемые в последние годы законодательные инициативы Вашингтона и практические шаги, в том числе включающие масштабные продажи американских вооружений острову и интенсификацию военных связей, свидетельствуют о все увеличивающемся уровне поддержки Тайваня со стороны США. Гипотетический отказ Вашингтона защитить Тайвань в случае военной операции Китая был бы чреват и сильными репутационными издержками для США и в принципе поставил бы под сомнение всю систему союзнических обязательств Вашингтона и его способность выполнять взятую на себя миссию по защите свободы и демократии в мире. Ведь современный Тайвань – это состоявшаяся демократия, успешный эксперимент по распространению демократических ценностей и практик в азиатском обществе.

Что касается влияния российской СВО на Украине на политику Пекина в тайваньском вопросе, как мне представляется, оно было значительным. В Пекине осознали, насколько велики могут быть издержки военной операции на Тайване, на какие серьезные, разрушительные для мировой экономики и международной системы шаги могут пойти США и их союзники в целях оказания давления на противника. Накануне начала российской СВО целый ряд специалистов по Китаю, включая некоторых авторитетных российских экспертов-китаистов, прогнозировали скорое осуществление Пекином военного сценария возвращения Тайваня. Если такие планы у Пекина в действительности и были, то, как мне видится, российская СВО заставила Пекин их

скорректировать, сдвинуть на тот период, когда Китай создаст полноценные страховочные механизмы, позволяющие ему хеджировать риски антикитайских санкций.

После начала российской СВО Китай сконцентрировал максимум усилий и ресурсов на комплексном мониторинге и изучении вводимых против России санкций и ограничительных мер с тем, чтобы выявить механизмы возможных антикитайских санкций и слабые места, куда могут быть нацелены антикитайские санкции, а также разработать ответный инструментарий и страховочные механизмы. По моим оценкам, в фокусе усилий Пекина в предстоящие годы будет сглаживание американо-китайской конфликтности с тем, чтобы выиграть время для дальнейшего усиления Китая, увеличения самодостаточности и самообеспеченности Китая (технологической, энергетической, продовольственной и пр.), повышения независимости Китая от находящихся под контролем или влиянием США и их союзников финансовых механизмов и институтов, торговых путей.

Вместе с тем важно отметить, что российская СВО и жесткая реакция на нее со стороны США и их союзников отнюдь не поколебали намерения Пекина реализовать задачу воссоединения континентальной части Китая с Тайванем. Эта задача является одной из ключевых в процессе реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации. И, предположительно, данная мечта должна быть достигнута к 100-летию образования КНР, т.е. к 2049 г. Речь, представляется, идет лишь об отсрочке военной операции Китая на Тайване.

М.С.: Вы продолжительное время наблюдаете за развитием Китая, укреплением его роли в международных отношениях. «Китайская угроза», как о ней говорят в Вашингтоне, – это миф или реальность?

Я.Л.: Все зависит от того, что подразумевается под «китайской угрозой», ведь для разных стран и разных экспертов «китайская угроза» может быть разной. Если рассматривать «китайскую угрозу» как вызов американскому мировому доминированию и превосходству, то да, я действительно согласна с такой трактовкой и постановкой вопроса. У Китая есть серьезный потенциал достигнуть паритета и даже превзойти США как по финансово-экономическим слагаемым комплексной государственной мощи, так и по показателям военной и технологической мощи. Сейчас даже самым отъявленным идеалистам и романтикам – тем, кто на протяжении многих лет в США выступал за политику «вовлечения» Китая, – очевидно, что кооптировать Китай в американскую систему ценностей и сферу влияния невозможно. Китаю удалось интегрироваться в существующую международную систему, при этом не поступившись своими ценностными установками и ориентирами и не попав в сферу американского влияния. Китаю удалось не только научиться играть по сформулированным во многом без участия Китая правилам, но и, следуя этим правилам, переигрывать основателей этой системы.

Важно понимать, что по мере усиления Китая, расширения его национальных интересов, которые уже давно не концентрируются на ближайшей периферии Китая, а охватывают уже весь мир, интересы Китая все чаще вступают в непосредственное столкновение с американскими. В свою очередь, необходимость защиты коммерческих интересов Китая, которые уже сосредоточены по всему миру, неизбежно требует усиления внимания Пекина и к вопросам безопасности и, соответственно, приводит к расширению роли Китая в вопросах обеспечения глобальной и региональной безопасности. Таким образом, шаг за шагом, мы видим, как Китай, который на начальном этапе инициированных в декабре 1978 г. экономических реформ, казалось бы, руководствовался исключительно задачами национального развития и повышения благосостояния собственного населения, постепенно встал на путь движения к мировому лидерству. Мировое лидерство вряд ли является самоцелью для китайского руководства, скорее его обретение видится залогом, важным условием для дальнейшего поступательного развития и подъема Китая.

М.С.: Опоры американского доминирования в мире известны – мировая резервная валюта, многократно превосходящая суммарный потенциал противников военная мощь, система военно-политических альянсов, прорывные технологии, практики управления, работа с гражданским сектором в третьих странах и т.д. А на что опирается Китай?

Я.Л.: Прежде всего, Китай опирается на свою значительную финансово-экономическую мощь и до сих пор широко распространенные ожидания среди развивающегося мира относительно того, что в соответствующие страны хлынут огромные китайские инвестиции или кредиты, которые позволят раскрыть потенциал этих стран и привести к экономическому чуду. Мы видим, что многие страны, либо ожидающие китайское финансирование и проекты, либо уже получающие масштабные китайские инвестиции и кредиты, становятся проводниками китайских интересов в международных организациях и институтах и в целом на мировой арене.

Сила Китая состоит в том, что он сделал ставку не на ограниченную по своему количеству группу стран (в случае США – это страны «Группы семи» или шире – ведущие развитые страны или просто американские союзники), а на многочисленную «семью» развивающегося мира. Китай научился с опорой на широкий круг развивающихся стран (и, кстати, особая роль в этой связи отводится африканским странам) умело генерировать широкую поддержку выдвигаемых Пекином международных инициатив. Голоса развивающихся стран становятся решающими не только при голосованиях в различных международных организациях в ходе принятия важных для Китая решений, но и позволяют Пекину продвигать своих представителей на важные руководящие посты в системообразующих организациях. Так, например, китайские представители возглавляют четыре из пятнадцати специализированных учреждений ООН: Продовольственную и сельскохозяйственную организацию Объединенных Наций (ФАО), Международную организацию гражданской авиации

(ИКАО), Международный союз электросвязи (МСЭ), Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО). Ситуация, когда представители одной страны одновременно возглавляют два и более специализированных учреждения ООН, является беспрецедентной.

В целом, уместно говорить о том, что Китай, не связывая себя формализованными союзническими отношениями, налагающими определенные обязательства и финансовые издержки, создал обширную сеть патрон-клиентских отношений с развивающимися странами, позволяющую Пекину генерировать широкую международную поддержку своих инициатив и продвижение своих интересов в мире.

Китай также уделяет большое внимание и прикладывает значительные усилия для создания «глобальных общественных благ», которые способны составить системную основу *Pax Sinica*. Китаю удалось основать ныне успешно функционирующий многосторонний банк развития АБИИ и выступить соучредителем еще одного многостороннего банка развития – Нового банка развития. Реализуя инициативу «Пояс и путь» и расширяя сеть соглашений о свободной торговле, вовлекая во взаимодействие все большее число стран, Китай распространяет китайские технологические и технические стандарты, правила торговли и ведения бизнеса и пр. Китай постепенно привлекает страны к использованию различных китайских «глобальных общественных благ»: начиная от использования китайской национальной валюты и системы обмена финансовыми сообщениями (*CIPS*) до, например, использования китайской навигационной системы «Бэйдоу». По существу, Китай побуждает другие страны переходить на предлагаемые Китаем «глобальные общественные блага», что постепенно способно пошатнуть системные основы американского доминирования и лидерства в мире.

Важно понимать, что Китай еще в начале или, может быть, в середине пути движения к мировому лидерству, доминированию или созданию *Pax Sinica*. Китаю еще многое предстоит сделать. И в перспективе мы увидим складывание новых основ, на которые Китай сможет опереться в осуществлении лидерских функций.

М.С.: Нужен ли Китаю вообще *Pax Sinica*? Или какое мироустройство, по Вашему мнению, в лучшей степени соответствует его интересам?

Я.Л.: Полагаю, что да, Китаю нужен «китайский мир» или *Pax Sinica*. Для Китая это возвращение в привычное для китайцев состояние – состояние, когда Китай мыслился самими китайцами как «Поднебесная» («*тянься*») или «срединное государство/срединные государства» («*чжунго*»), государство-цивилизация, находящееся в центре мира, с четырех сторон света окруженное варварами, которые могли культурно обогащаться и всесторонне развиваться, взаимодействуя с Китаем. Весьма репрезентативны в этой связи, кстати, все чаще звучащие из Пекина предложения поделить китайским опытом в той или иной сфере с другими государствами. Например, китайским опытом и практиками искоренения бедности или китайским опытом борьбы с пандемией *COVID-19* во время соответствующего кризиса в области мирового здравоохранения.

Становление *Pax Sinica* – это восстановление, в понимании китайцев, исторической справедливости и правильного хода исторического процесса. Ведь, как полагают китайцы, «китайский мир» существовал на протяжении многих и многих столетий и был прерван в результате череды агрессий иностранных держав лишь в середине XIX столетия.

И, наконец, движение к *Pax Sinica* для Китая – это не только восстановление исторической справедливости, но и формирование внешнего окружения, благоприятствующего дальнейшему поступательному развитию и модернизации Китая.

Comparative Politics. Volume 13. No. 1-2. January–June / 2022
DOI 10.46272/2221-3279-2022-1-2-13-199-206

About the interviewee:

Dr. Yana V. LEKSYUTINA – Professor, Russian Academy of Sciences, Professor, Department of American Studies, Saint-Petersburg State University.

ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lexyana@ya.ru

7-9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, Russia, 199034

The interview was conducted by **Dr Maxim A. SUCHKOV**, Associate Professor, Department of Applied Analysis of International Problems, Director, Institute for International Studies, MGIMO University; Deputy Editor-in-Chief, Comparative Politics Journal

ORCID: 0000-0003-3551-7256. E-mail: suchkov.m@my.mgimo.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received July 20, 2023

Accepted July 28, 2023

ИМПЕРИИ ЕВРАЗИИ И ЗАПАДОЦЕНТРИЧНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: КАК ПРОШЛОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Рецензия на книгу:

Mankoff J. (2022) *Empires of Eurasia: How imperial legacies shape international security*. Yale University Press, 384 p.

Вера ЖОРНИСТ

МГИМО МИД России

Во второй половине XX в. имперская политика рассматривалась преимущественно через призму исторической науки, в то время как исследователи международных отношений уделяли данному феномену гораздо меньше внимания. Согласно распространенному определению, империя – это форма государственности, для которой свойственна проекция власти центра на зависимые территории, а также определение метрополией как внешней, так и внутренней политики своих колоний (Doyle, 1986: 12). После завершения процесса деколонизации *de jure* империй не осталось, исчезли правовые основы колониальной зависимости, и на международно-правовом уровне была зафиксирована норма невмешательства в дела других государств. Согласно английской школе теории международных отношений, формально в современной международной системе империй быть не может из-за существования именно этой нормы. Однако фактически ресурсно обеспеченные (в плане субъектности, финансовых, административных, международно-правовых и иных характеристик) государства продолжают вмешиваться в дела более слабых образований, из-за чего границы между государством-нацией, гегемоном и империей стираются (Watson, 1992: 316–317). Наиболее наглядным

Жорнист Вера Михайловна – аспирантка кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0001-7406-3192. E-mail: v.m.zhornist@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 08.07.2023

Принята к публикации: 28.07.2023

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

примером условной современной империи являются США, обладающие достаточной ресурсной базой и статусом в международной иерархии для вмешательства в дела других государств (Münkler, 2007).

Статус государства, превосходящего других по своей мощи, и отраженный термином «сверхдержава», США приобрели после завершения Холодной войны. После распада СССР США остались единственной сверхдержавой, стали самым могущественным государством мира, и в международной системе не осталось страны, способной им противостоять (Сох, 2007).

После терактов 11 сентября 2001 г., когда Соединенные Штаты получили международную легитимность в использовании силы против «Аль-Каиды»¹ и во вмешательстве в дела Афганистана, термин «империя» стал все чаще использоваться в политических науках по отношению к США (Münkler, 2007). Постепенно термин «империя» начал расширяться, применяться и по отношению к другим государствам, чья внешняя политика обладает чертами экспансионизма.

Помимо исследований политики США (Bacevich, 2007) авторы работ по проблематике современных империй фокусировались на вопросах суверенитета (Breuilly, 2017), изучении дилеммы между приоритетом нации во внутригосударственной политике и имперской внешней политикой, а также на феномене имперского перенапряжения (Burbach, Tarbell, 2004). Отдельные публикации были посвящены исследованиям элементов «имперской политики» в поведении и других государств помимо США – Китая (Van Kemenade, 2010; Terrill, 2003), России (Van Herpen, 2015) и ЕС (Behr, Stivachtis, 2015). Однако в сфере исследований современных империй большая часть работ посвящена изучению внутренней динамики отдельных государств и их региональной политике, в то время как достаточно мало научных изысканий посвящено сравнению современных «империй» и того, как они взаимодействуют между собой.

Труд Джеффри Манкоффа «Империи Евразии: как имперское наследие формирует международную безопасность», в котором исследуются не только традиционные для данного поля исследований Россия и Китай, но и гораздо менее изученные через призму империй Турция и Иран, посвящен заполнению данной лакуны исследований. В книге не только рассматриваются популярные для данного научного поля вопросы (динамика центра и периферии), но и затронуты реже освещаемые проблемы взаимодействия нескольких империй в сфере региональной безопасности. Автор также поднимает интересный вопрос имперской идентичности в качестве фактора легитимации внутри- и внешнеполитического курса вышеозначенных государств.

¹ Террористическая организация, запрещена в России.

Джеффри Манкофф – заслуженный научный сотрудник Института стратегических исследований национального института обороны США и внештатный старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований (англ. *CS/S*). В этом же Центре он долгое время возглавлял российское направление, а еще раньше занимал должности заместителя директора Центра исследований международной безопасности Йельского университета, был научным сотрудником Совета по международным отношениям и советником по российско-американским отношениям в Государственном департаменте США. Сфера научных интересов Дж. Манкоффа – Россия, безопасность в Евразии и политика великих держав. Он автор одной из самых популярных в Америке книг о России – «Внешняя политика России: возвращение политики великой державы».

Согласно основному тезису книги, в современном политическом курсе России, Турции, Ирана и Китая наблюдается преемственность имперской политики прошлого. В понимании Дж. Манкоффа политика держав Евразии характеризуется тремя чертами: наличием имперского прошлого, восприятием себя как чего-то «бóльшего, чем государство» и стремлением проецировать влияние за пределы своих границ. Проводится важное различие между гегемонией и империей – в отличие от гегемона, империя определяет не только внешнеполитический, но и внутривнутриполитический курс зависимого государства. Автор отмечает, что среди исследователей империй не наблюдается консенсуса как по поводу самого определения империи, так и по поводу того, какие из современных государств уместно отнести к империям.

При этом на протяжении всей книги Дж. Манкофф использует в качестве взаимозаменяемых понятия «империи» и «постимперские государства» в отношении России, Китая, Ирана и Турции, что, конечно же, вызывает существенные вопросы методологического и исторического характера. В то время как первое определение в отношении современных четырех государств адресует к их истории, второй термин, по мнению автора, характеризует их политическую систему.

Книга состоит из четырех основных разделов, посвященных России, Китаю, Ирану и Турции. Структура каждого блока охватывает несколько тем: национальную и региональную политику, формируемую идентичность, использование некоренных этносов в проекции влияния за пределы своих границ.

В начале книги Дж. Манкофф выдвигает тезис о том, что XXI в. станет веком империй в Евразии, характеризующимся стремлением России, Китая, Ирана и Турции проецировать свое влияние на более слабые государства, с которыми бывшие империи объединяют культурные, исторические и политические связи. Инструменты влияния, по мнению автора, варьируются от прямого военного вмешательства и неравных экономических отношений до завоевания лояльности отдельных этнических групп других государств. Такая политика объясняется нежеланием четырех держав подчиняться правилам американоцентричной постбиполярной системы мирового порядка и наличием импер-

ского прошлого, предопределяющего ряд закономерностей в политике России, Китая, Турции и Ирана. Таким образом, причиной имперской политики четырех государств, по мнению автора, является сочетание подобного опыта в прошлом (имперское наследие) и оппозиция к существующему мировому порядку в настоящем.

Хотя Дж. Манкофф в определенном смысле очерчивает границы анализа (евразийские государства с имперским прошлым в оппозиции к западоцентричному мировому порядку), ход его мысли не всегда логичен. Например, выборка включает четыре государства, названные империями на основании того, что проводимая ими политика включает вмешательство в дела более слабых государств и диктуется нежеланием подчиняться правилам постбиполярного мирового порядка. Критерий отбора государств совпадает с вменяемым Манкоффом этим государствам возвращением к имперской политике в режиме оппозиции западоцентричному мировому порядку. По логике Дж. Манкоффа, изучаемые государства Евразии, не согласные с западоцентричным мировым порядком, автоматически попадают в разряд стран, стремящихся вмешиваться в политику соседних государств и, следовательно, в категорию империй. При этом автор не рассматривает другие государства Евразии на этапе обоснования отбора объектов анализа.

Кроме того, Дж. Манкофф обстоятельно рассматривает политику четырех государств в более широком контексте противостояния американоцентричному мировому порядку лишь во Введении и в Заключении книги, в то время как основная часть труда посвящена внутривнутриполитическим и региональным аспектам имперской политики.

Автор доказывает, что обращение к имперской идентичности, которая противопоставляется системе либеральных демократий, продвигаемых в рамках американоцентричного мирового порядка, происходит ввиду неприемлемости для четырех держав установления либерально-демократических институтов. Подчинение правилам американоцентричного мирового порядка означало бы отказ Китая, России, Турции и Ирана от политических систем с автократическими чертами правления. Помимо нежелания подчиняться влиянию Запада, указанные четыре государства прибегают к имперской идентичности, так как их идеологические системы не выполняют функцию легитимации правящей власти. Имперская идентичность используется для легитимации внешней и внутренней политики России, Китая, Турции и Ирана.

Однако помимо исторической памяти, имперское наследие несет ряд реальных ограничений и объективных обстоятельств, структурирующих внутри- и внешнеполитические угрозы современным России, Китаю и Турции. Дж. Манкофф выделяет ряд вызовов и дилемм, с которыми сталкивается каждая из четырех бывших империй.

Будучи преемниками империй эпохи завоеваний, Россия, Китай, Турция и Иран являются многонациональными государствами. Помимо коренной нации в каждой из четырех стран есть ряд этнических групп с различной степенью автономии. Из необходимости балансировать между потребностью в

подтверждении статуса коренной нации и необходимостью удерживать «периферийные» этносы в рамках государственных образований рождается первая дилемма государства-нации и империи, достаточно хорошо изученная в литературе (Hall, Malešević, 2013: 147). Кроме того, важное место в книге уделено вопросу идентичности, проблемам ее формирования в четырех государствах, а также ее использованию в качестве механизма проекции своего влияния за рубеж.

Логика государства-нации предполагает усиление прав коренной нации и ассимиляцию других национальностей, однако накладывает ограничения на привлечение в свою орбиту этносов, проживающих как внутри государства, так и за его пределами, с целью расширения своего влияния. Логика империи, напротив, предусматривает расширение своей территории за счет включения в состав государства новых этносов, в том числе с помощью мобилизации представителей национальности, проживающей на территории империи.

Дж. Манкофф анализирует динамику национальной политики Российской империи и СССР и отмечает, что исторически они выстраивали государственную идентичность вокруг своих стратегических интересов, которые заключались в имперской экспансии и, соответственно, ставились выше интересов нации (с. 23). Дж. Манкофф отмечает, что идея русского народа как государство-формирующей нации, популярная, по его мнению, в российском обществе до наших дней, стала попыткой найти баланс между фиксацией роли коренной нации и уступками в пользу периферийных национальностей.

На примере политики Российской империи, Турции, Китая и Ирана Манкофф показывает, что усиление прав коренной нации и ужесточение национальной политики происходили в ответ на политические кризисы (например, жесткая политика Российской империи на исходе XIX в. стала ответом на восстание декабристов 1825 г., польское восстание 1830–1831 гг. и польское восстание 1862–1863 гг.), вызывали ответный рост сепаратизма и последующий «откат» к более умеренной национальной политике.

Именно политика снижения автономии российских подчиненных территорий и снижения активности националистических движений на территории современных Беларуси и Украины укрепила сепаратистские движения и стала еще одной причиной успеха большевиков, выступавших против централизаторской политики Москвы. Реализованная в рамках СССР политика повышения автономии республик в рамках федеративного плана предусматривала ряд уступок центра периферии. В русле советской политики соседства в отношении братских народов Россия продвигала и продвигает общую идентичность «Русского мира». Однако постсоветские республики, в представлении Манкоффа, опасаются возвращения к периоду доминирования России, что в совокупности с конкуренцией за влияние с Китаем и Турцией сильно затрудняет проекцию влияния России на постсоветском пространстве (с. 77–78). Для компенсации отсутствия сложившейся общей идентичности

Россия предлагает интеграционные проекты (ЕАЭС и ОДКБ), которые, однако, имеют весьма ограниченный успех как ввиду политики многовекторности постсоветских государств, так и ввиду конкуренции великих держав в Евразии.

В современной Турции постимперская политика Партии справедливости и развития (ПСР) включала использование повышения автономии курдов для проекции влияния вовне. Курдское приграничье использовалось в качестве плацдарма для продвижения влияния на территорию Ирака и Сирии. Тем не менее «курдская инициатива» (англ. *"Kurdish opening"*), устанавливавшая примат религиозных и исторических связей над этническими, провалилась², а курды были «секьюритизированы» правительством Р. Эрдогана, и в национальном вопросе возобладала политика «закручивания гаек». Устойчивость сепаратизма, несмотря на уступки правительства, продемонстрировала ограниченность возможностей решения курдского вопроса посредством апелляции к религии. Камень преткновения курдского вопроса заключается в невозможности создать общую идентичность ни с помощью ассимиляции курдов (политика К. Ататюрка), ни посредством объединения на религиозной почве (суннизм).

Согласно оценке Дж. Манкоффа, несмотря на имперское наследие, у Турции и Ирана нет достаточных ресурсов, чтобы претендовать на статус регионального центра, поэтому Турция прокладывает себе путь посредством посредничества в региональных конфликтах и сотрудничества как со странами Запада, так и с Россией и Китаем, а не прямого столкновения с ними.

На примере Турции и Ирана прослеживается важная составляющая формирования общей идентичности как для укрепления национального единства внутри государственных границ, так и для распространения своего влияния за рубежом. Как и в случае Турции, Иран использует религию для создания единой общности. Турция продвигает ислам суннитского толка и предлагает относительно инклюзивный региональный порядок, тогда как Иран стремится объединить сообщество шиитов, безусловно преданных Ирану. Однако пока идеология Большого Ирана (или Иранзамина) не приобрела популярности ни в соседних странах, ни в самом Иране.

Помимо скромных ресурсов и примата религии в формировании общей идентичности, у Ирана есть еще одно ключевое отличие от трех других государств: Иран приоритизирует безопасность над проекцией влияния (с. 187) по причине ограниченности собственных ресурсов и вмешательства внешних сил в его внутреннюю политику на протяжении XX в.

Наиболее влиятельной из четырех держав, согласно Дж. Манкоффу, является Китай. В сравнении с Турцией, Ираном и Россией Китай обладает большим потенциалом для продвижения влияния за счет нескольких факторов: значительного объема ресурсов, отсутствия экспансионистской ретроспективы и отсутствия привязки к жесткой религиозной аффилиации.

² Это стало очевидно после референдума, на котором большинство голосовавших высказалось в пользу независимости Курдистана.

Китай исторически сталкивался с сепаратизмом; эта проблема существует и сегодня. Дж. Манкофф полагает, что на современном этапе политика Китая ближе к формату государства-нации, нежели империи. Китай объявил борьбу с терроризмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), стремясь не только подавить сепаратизм, но и ассимилировать жителей СУАР, сделать их лояльным центральному руководству.

Супранациональная идеология Китая – Тянься (Поднебесная), подразумевающая установление мирного сосуществования государств на международной арене на основе правил, регулируемых Китаем. Тем не менее идеология Поднебесной, по мнению автора, не близка потенциальным сторонникам Китая, и экономическое сотрудничество приносит гораздо более значительные результаты, чем формирование общей идентичности под лозунгами «сообщества единой судьбы человечества».

Манкофф подчеркивает, что Китай предлагает реальное экономическое сотрудничество, которое более привлекательно, чем закрытые институты России (ЕАЭС, ОДКБ), а глобальный проект «Один пояс – один путь», китайские инвестиции и инфраструктурные проекты служат проводником экономического доминирования Китая. Привлекательности сотрудничеству с КНР добавляет и то, что Пекин сотрудничает и с теми государствами, которых западная мысль не относит к демократиям, не предъявляя им требования политического характера. Это выгодно отличает его практики от западных подходов.

Дж. Манкофф отмечает, что, несмотря на пересекающиеся сферы влияния и конкуренцию между Россией, Китаем, Турцией и Ираном, локальные конфликты не перерастают в стратегическое противостояние, а все четыре евразийские державы так или иначе противопоставляют себя западной системе международных отношений. Автор показывает, как на примере изучаемых государств просматривается закономерность движения в сторону имперской идентичности по мере охлаждения отношений со странами Запада.

Аргументация Дж. Манкоффа позволяет сделать вывод о необходимости сохранения в составе России, Китая, Турции и Ирана ряда национальностей, доставшихся им в наследство от империй прошлого, за счет легитимации сохранения государства в текущих границах. Также расселение этносов в приграничных территориях представляет не только плацдарм для продвижения влияния, но также потенциальную угрозу сепаратизма и нестабильности на границах, которую четырем державам приходится учитывать. Иными словами, эти державы не могут отбросить в сторону национальный вопрос, потому что от него зависит их территориальная целостность. Эта угроза, по мнению автора, и побуждает центральные власти обращаться к имперской идентичности ввиду отсутствия сильной идеологии.

В книге Дж. Манкоффа просматривается попытка объяснить поведение государств, не принимающих западоцентричную систему мирового порядка, во-первых, исторической предрасположенностью и, во-вторых, стремлением расширить влияние за пределы своих границ. Роль имперского наследия в

предопределении политики России, Китая, Турции и Ирана в интерпретации автора выглядит как неизбывная предрасположенность этих стран к «неправомерному» поведению. Основной тезис книги – «имперскость» генетически заложена в политике четырех государств, которые используют ее для легитимации своего политического курса.

Де-факто навязываемая автором мысль о том, что Россия, Китай, Турция и Иран априори не будут проводить построенную на уважении суверенитета соседей мирную политику, вписывается в традиционный западный дискурс об «империях зла», особенно активно продвигаемый в контексте российско-украинского кризиса³. Книга представляет интерес в части изучения динамики региональных систем, в которые включены несколько империй, а также с точки зрения изучения взаимосвязи между идентичностью и внешней политикой государств. Тем не менее авторский тезис о «предопределенности» политики России, Ирана, Турции и Китая позволяет говорить, что книга изрядно наполнена субъективистскими трактовками. Однако непредвзятый анализ показывает, что истоки политики государств, независимо от их исторических особенностей, лежат в плоскости национальных интересов, а роль не согласных с навязанными извне «правилами» евразийских постимперских держав в региональной и глобальной системах международных отношений будет только расти.

Список литературы

1. Bacevich A.J. (2009) *American Empire*. Harvard University Press, 312 p.
2. Behr H., Stivachtis Y.A. (ed.) (2015) *Revisiting the European Union as empire*. Routledge, 252 p.
3. Breuilly J. (2017) Modern Empires and Nation-States. *Thesis Eleven* 139(1): 11–29.
4. Burbach R., Tarbell J. (2004) *Imperial Overstretch: George W. Bush and the hubris of empire*. Zed Books, 252 p.
5. Cox M. (2007) Still the American Empire. *Political Studies Review*. 5(1): 1–10.
6. Doyle M.W. (1986) *Empires*. Cornell University Press, 408 p.
7. Hall J. A., Malešević S. (ed.). (2013) *Nationalism and War*. Cambridge University Press, 372 p.
8. Münkler H. (2007) *Empires: the Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Polity, 248 p.
9. Terrill R. (2003) *The New Chinese Empire*. UNSW Press, 282 p.
10. Van Herpen M.H. (2015) *Putin's Wars: the Rise of Russia's New Imperialism*. Rowman & Littlefield, 296 p.
11. Van Kemenade W. (2010) *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: the Dynamics of a New Empire*. Vintage, 476 p.
12. Watson A. (1992) *The Evolution of International Society: a Comparative historical Analysis*. Routledge: London, 384 p.

³ Kirk D. (2023) The 'evil empire' is morphing into a new Sino-Russian empire. *The Hill*. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/3894829-the-evil-empire-is-morphing-into-a-new-sino-russian-empire/> (accessed 19 July 2023).

EMPIRES OF EURASIA AND WEST-CENTRIC WORLD ORDER: HOW THE PAST SHAPES THE FUTURE OF THE INTERNATIONAL SYSTEM

Vera M. ZHORNIST, postgraduate student, Department of Applied International Analysis, MGIMO University.

ORCID: 0000-0001-7406-3192. E-mail: v.m.zhornist@my.mgimo.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received July 8, 2023

Accepted July 28, 2023

References:

1. Bacevich A.J. (2009) *American Empire*. Harvard University Press, 312 p.
2. Behr H., Stivachtis Y.A. (ed.) (2015) *Revisiting the European Union as empire*. Routledge, 252 p.
3. Breuilly J. (2017) Modern Empires and Nation-States. *Thesis Eleven* 139(1): 11–29.
4. Burbach R., Tarbell J. (2004) *Imperial Overstretch: George W. Bush and the hubris of empire*. Zed Books, 252 p.
5. Cox M. (2007) Still the American Empire. *Political Studies Review*. 5(1): 1–10.
6. Doyle M.W. (1986) *Empires*. Cornell University Press, 408 p.
7. Hall J. A., Malešević S. (ed.). (2013) *Nationalism and War*. Cambridge University Press, 372 p.
8. Münkler H. (2007) *Empires: the Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Polity, 248 p.
9. Terrill R. (2003) *The New Chinese Empire*. UNSW Press, 282 p.
10. Van Herpen M.H. (2015) *Putin's Wars: the Rise of Russia's New Imperialism*. Rowman & Littlefield, 296 p.
11. Van Kemenade W. (2010) *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: the Dynamics of a New Empire*. Vintage, 476 p.
12. Watson A. (1992) *The Evolution of International Society: a Comparative historical Analysis*. Routledge: London, 384 p.